

Бритта Ферхаген

ОСТРОВ СВЯЩЕННЫХ ЛЕБЕДЕЙ

Исторический роман

Издательство «Граберт-Ферлаг», Тюбинген, 1987.

Перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, 2016 г.

Оригинал: Britta Verhagen, Die Insel der Heiligen Schwäne. Historischer Roman, Grabert-Verlag, Tübingen, 1987.

О книге: Действие романа происходит в седьмом и восьмом веках, когда христианство сначала проникло в Северную Германию и затем в ходе конфликта, продлившегося несколько поколений, изменило старые представления и обычаи. Основное место драматических событий в романе – остров Гельголанд, древняя «Святая земля», который был культовым и время от времени также государственным центром Северной Европы со своим более чем двухтысячелетним главным святилищем бога Фосите или Фосты.

В живо изображенных персонажах, действия которых в романе прочно опираются на старинные письменные свидетельства, противостоят друг другу терпимое, близкое к природе местное язычество с его светлым священным миром и пришедшее с юга, частично олицетворенное фанатичными «борцами за божье дело», христианство. Осужденный на мученическую смерть за осквернение святилища его братьями-миссионерами молодой монах через душевные испытания и с помощью «лебединой девы» языческого святилища старается выпутаться из конфликта, в котором он оказывается виновным, и постепенно понимает, что бог язычников и бог христиан – это, по сути, один и тот же бог.

С большой исторической достоверностью историк культуры Бритта Ферхаген мастерски описала, как и в ее более ранних исторических романах («Король в Атлантиде», «Возвращение в Атлантиду») тогдашние события, сыгравшие столь большую роль для будущего. Это интересная для всех возрастов книга о ранней

истории нашего народа и живое свидетельство культурного величия наших предков.

Об авторе: Бритта Ферхаген – псевдоним известной немецкой писательницы Альберты Роммель (05.05.1912 – 22.12.2001), автора – под своим именем и под псевдонимом «Бритта Ферхаген» – многочисленных книг для детей и исторических романов, а также трех популярных исторических исследований о древней истории Европы: «Боги на утреннем небе. Религия североевропейского бронзового века» (1983), «Пришел ли Один-Водан с Востока? О религии германской праистории» (1994) и «Древнейшие боги Европы и продолжение их жизни до сегодняшнего дня» (1999).

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Путешествие сквозь шторм
- II. Отец Вульфрам
- III. Ключ к потусторонней стране
- IV. Король Радбод
- V. Святилище осквернено
- VI. Под стражей
- VII. Королевский суд
- VIII. Дракон
- IX. Странные дни
- X. Испытание
- XI. Жертвенный камень
- XII. Свобода
- XIII. Десятью пять лет спустя
- Послесловие

Дополнение. Р. Хенниг, «Неведомые земли», том II, глава 80. Св. Виллиброрд и Св. Людгер в «Стране Фосите» (около 690 и 770 гг.)

Путешествие сквозь шторм

Корабль назывался «Победитель моря» и, кажется, был достоин своего имени. Он весело и смело скользил по волнам, и драконья голова на его штевне мрачно вглядывалась в затянутую туманной дымкой даль, когда миссионер Виллиброрд со своими попутчиками отправился из Ютландии в путешествие на юг.

Весь апрель продолжались шторма, так что о плавании по морю нельзя было и думать. Но теперь наступил май, хозяин «Победителя морей», управлявший им у руля, говорил о благоприятном ветре, и таким образом двенадцать монахов смогли приступить, наконец, к обратному путешествию с негостеприимного севера.

Они, подобно двенадцати апостолам, исходили пешком всю страну данов, что было связано со многими трудностями. Монахи охотно взяли бы на себя бремя этих трудов, если бы только их миссия увенчалась хоть каким-нибудь успехом. Но об этом не могло быть и речи. Даны и юты вообще и слышать ничего не хотели об Иисусе Христе, они смеялись над апостолами и даже бросали в них камнями.

Отец Виллиброрд сначала обратился, как это было принято, к королю, который должен был дать свое разрешение на миссию. Онгендио Ютландский называл себя королем данов, однако, он был скорее чем-то вроде наместника настоящего датского короля, который имел резиденцию на Зеландии. Как и все мелкие короли, Онгендио очень чванился своим статусом, он непрерывно кичился своей властью и величием и считался еще недоступнее, чем даже Радбод, фризский король, знаменитый тем, что убежденно презирал христианскую веру. Но отец Виллиброрд мужественно, как и всегда, явился к Онгендио, и с помощью своего дара красноречия добился от этого маленького тирана такого уважения к себе, что тот дал свое разрешение на миссионерскую поездку двенадцати. Однако, когда они затем в конце зимы вернулись к нему, король спросил их с громким смехом, сколько же людей им, собственно, удалось окрестить. Насмешка была оскорбительной, поражение – постыдным. Они больше не хотели ничего, кроме как покинуть эту страну как можно скорее.

Но тогда плохая погода задержала их еще на целый месяц при дворе этого маленького короля, и за это время отцу Виллиброрду, как ни странно, удалось добиться настоящей благосклонности этого могущественного человека, пусть даже он и не смог обратить короля в христианскую веру. В конце концов, король согласился даже с предложением отца Виллиброрда позволить небольшой группе датских мальчиков отправиться вместе с монахами в земли франков. Некоторые из этих ребят присоединились к миссионерам уже по пути, остальных Онгендио

отобрал из младших сыновей датских поселенцев на побережье, которые сидели на неплодородной земле и были только рады тому, что их лишним едокам достанется жизнь без голода по ту сторону моря.

Теперь они были здесь на корабле вместе с монахами, тридцать белокурых мальчишек, которых отец Виллиброрд мог таким образом спасти для христианства и франкских монастырей, успех, который несколько возмещал разочарования, испытанные миссионерами.

Большинство мальчиков поехали с монахами с удовольствием, морское путешествие в далекие страны представлялось им заманчивым приключением, что такое монастырь они понятия не имели, и надеялись, что, переплыв море, они попадут в какую-то чудесную страну, где постоянно светит солнце и где всегда полно еды. Только некоторые из них сидели в стороне на дощатой палубе, и лица их были хмурыми, потому что их уже начинали мучить морская болезнь и тоска по дому. Остальные толпились у борта, смеялись, толкали друг друга и бросали чайкам, которые все еще сопровождали корабль большими стаями, кусочки хлеба.

Корабельщик рассердился, так как корабль склонился на тот борт, где столпились все ребята, а отец Виллиброрд закричал, что хлеб существует для людей, а не для лишенных бессмертной души животных. Так как его приказаниям, однако, никто не последовал, он отправил брата Вигберта, чтобы тот положил конец всему безобразию.

Брат Вигберт был молод, ему даже не исполнился еще двадцать один год, и он сам тоже вовсе не был сторонником такой строгой серьезности. Собственно, ему было жаль лишать мальчишек их радости. Но он должен был повиноваться.

Он перелез через несколько скамей гребцов, подошел к мальчикам, обнял двух из них сзади и оттащил их назад. – Пойдем! Отойдите от перил! Корабль опрокинется, если вы все будете стоять у одного его борта. И хватит уже кормить чаек, у них от обжорства скоро животы лопнут.

Мальчики не очень хорошо понимали его франкский диалект и смеялись. Но, все же, ему удалось собрать их посреди ладьи. – Я вам кое-что расскажу, – пообещал он, говоря медленно. Теперь они поняли и окружили его. Он уселся между ними и начал рассказывать. Ребята внимательно слушали. Один из них, самый старший и толковый из них, высокий красивый парень, переводил, если что-то оставалось непонятным.

Но Вигберт не продвинулся далеко со своим рассказом, когда отец Виллиброрд вызвал его к себе. – Что ты им там рассказываешь? – спросил он.

- А, это такая веселая история о водяном Экке-Некке. Мальчишки любят слушать такое.

Взгляд больших серых глаз отца Виллиброрда стал жестким. – Дело не в том, брат Вигберт, что они любят слушать, а в том, что полезно их душам. Или ты позабыл, что они все еще язычники и в лапах дьявола? Спасать их души важнее, чем заставлять их рты смеяться.

Он покачал головой, глядя на Вигберта, и отправил одного из других братьев к мальчишкам, что тот наставлял их поучительной речью.

Вигберт отошел в сторону. Он сжал губы. Всегда, когда отец Виллиброрд поучал его – и это случалось часто – все в нем кипело от подавляемой досады. Он знал, что у него по отношению к отцу Виллиброрду не хватало истинной покорности, но он просто не мог избежать того, чтобы его лицо не краснело при этом от гнева. Он отвернулся и посмотрел на волнующееся, озаренное солнцем море. – Ах, ладно, – прошипел он про себя, – мой добрый старый аббат поступил бы точно так же, как я, это я точно знаю.

Вигберт был крестьянским сыном и родился неподалеку от Ксантена на Рейне. Он уже в десятилетнем возрасте попал в тамошний монастырь. Его род уже давно поклонялся христианскому богу, и, согласно их обычаю, младший сын каждой семьи переходил в духовное сословие. Вигберт очень хотел, чтобы его мать родила после него еще сына, но этого не произошло. Поэтому ему пришлось оставить крестьянский двор, который был для него всем. Это далось ему тяжело, но потом он все-таки свыкся в монастыре, жизнь в котором оказалась лучше, чем он ожидал. Он учился охотно и хорошо, и скоро монахи увидели, что он обладал особенным талантом обходиться с ножом для резьбы по дереву. Один старший брат, который делал статуи святых, взял его к себе в учение, и немного времени спустя, Вигберт уже превзошел своего учителя в этом искусстве. Аббат был очень добрым человеком, который никогда не смог бы сказать даже одно только недружелюбное слово человеку или животному. Все монахи искренне любили его, и поэтому в монастыре царил мир и сердечной радости, и, только покинув стены этого монастыря, Вигберт заметил, насколько необычной эта атмосфера была.

Вигберт смог вырезать для церкви Святого Виктора, который был поставлен у алтаря. Все уважали и хвалили Вигберта за его работу, больше всего сам аббат, любивший Вигберта как своего сына. И когда отец Виллиброрд, прибывший от

герцога франков, в своей поездке на север несколько дней провел в монастыре, аббат сразу представил ему своего любимого художника и показал апостолу язычников также сияющую золотом статую Святого Виктора. Хотя отец Виллиброрд лишь мельком взглянул на статую своим холодным взглядом и выказал мало интереса к искусности Вигберта, но он несколько раз беседовал с молодым монахом и, кажется, тот ему понравился. И так как один из его одиннадцати попутчиков заболел во время путешествия и умер, Виллиброрд сделал предложение, что Вигберт мог бы сопровождать его в его миссионерском путешествии к фризам и данам.

Старый аббат согласился, хотя и сквозь слезы. Также Вигберт немного плакал, когда он покидал монастырь. Но так же, как и мальчиков здесь, даль манила его, приключение поездки к диким язычникам севера, о чем отец Виллиброрд говорил, что в этом путешествии их могли бы подстергать опасности. Хотя герцог франков Пипин в этом 689 году после рождения Господа победил фризского короля Радбода в большой битве и отнял у него полгосударства. Радбод ускользнул, никто не знал куда, и его едва ли стоило уже опасаться. Однако люди в этих землях, как фризы, так и юты и даны, были «жестокосердны» и «упрямы», как Виллиброрд называл это, христианских миссионеров они очень не любили. И уже не раз случалось так, что они незамедлительно убивали посланцев истинного бога или приносили их в жертву своим богам, особенно тогда, когда миссионеры посягали на их священные деревья, источники или камни.

Ну, до сего дня двенадцать божьих воинов все еще были живы, и пока все прошло, в общем, хорошо. Вигберт увидел кое-что из окружающего мира и накопил кое-какой опыт, который, как он считал, сделал его немного умнее.

Он, однако, сам пока еще не понял, что этот опыт сделал его также критичнее. Он не знал, что любовь его старого аббата и большое восхищение монахов его искусством незаметно усилили его уверенность в себе. Он разучился повиноваться вслепую и смиряться, как подобало монаху, и он стал чувствительным. То, что отец Виллиброрд вообще ничего не хотел знать о его резьбе, и запрещал ему заниматься ею – он ни во что не ставил языческую веру в изображения, поскольку она вызывает сатану, как он говорил – обижало Вигберта. К сожалению, также та благосклонность, которую этот служитель церкви проявлял сначала к молодому брату, похоже, со временем испарялась все больше.

Вигберт повернул голову и взглянул на отца Виллиброрда. Он стоял прямо у мачты, к которой он прислонялся, когда движения корабля становились сильнее. Он смотрел вдаль, на его лице было, как обычно, замкнутое выражение, по нему ничего нельзя было прочесть.

Отец Виллиброрд был высоким сильным мужчиной тридцати пяти лет от роду. Несмотря на простую монашескую рясу, его внешний вид вызывал почтение. Его светлое, с тонкими чертами лицо с темными бровями над большими глазами производило впечатление на каждого, кто встречал его. Он был от рождения англосаксом, сыном благочестивого христианина, который прославился своей святостью и после смерти своей жены удалился как отшельник в глухую скалистую местность. Сын его вырос в монастыре и в двадцатилетнем возрасте отправился в Ирландию, чтобы подчиниться тамошним более строгим монашеским правилам и учиться у мудрых учителей той страны. Однако после тринадцатилетней учебы внутренний голос призвал его посвятить себя миссии крещения язычников. Так он с одиннадцатью отобранными спутниками прибыл на континент, получил от герцога Пипина разрешение на обращение в христианскую веру, и затем начал всюду, где люди еще были язычниками, проповедовать евангелие.

Он был человеком, требовавшим безусловного монашеского послушания. Вигберт знал: Хотя отец Виллиброрд не был аббатом, он охотно приказал бы высечь его по строгим правилам ирландских монастырей, если бы только молодой монах решился бы возразить на его слова. Вигберту повезло, что во время путешествия такая порка была невозможна, и этот суровый человек мог наказывать его здесь только словами. Однако, он делал это с такой холодной, резкой остротой и вследствие этого всегда снова и снова пробуждал в Вигберте сопротивление.

Святой Виллиброрд, апостол фризсов (657-739)

Но когда отец Виллиброрд проповедовал, он полностью менялся. У него был ораторский дар. Его голос тогда приобретал теплый, заклинающий тон, его глаза вспыхивали, из кажущегося хладнокровия его существа вырывалась такая сдержанная страсть, которая захватывала каждого слушателя. Также Вигберт тогда полностью восторгался им. Так же мало, как и другие братья, он мог сопротивляться «святому отцу», когда тот говорил о боге и о божьей воле, которую он, кажется, знал со всей точностью. Сколь часто Вигберт внутренне сопротивлялся ему, столь же часто он смирялся в мыслях перед наполненным божественным чувством оратором. Это создавало в душе Вигберта странный раскол, с которым он не мог справиться. Как только было возможно одновременно любить и ненавидеть одного и того же человека, причем ежедневно находясь вместе с ним? Насколько проще все же было «дома» в монастыре – иногда Вигберту очень хотелось вернуться туда.

Ветер стал сильнее, волны поднимали корабль все выше. Море, серо-зеленое, с белыми верхушками волн, кажется, поднималось высоко, чтобы потом опять опуститься вниз под бортом корабля.

Лицо корабельщика, сидевшего у руля, приняло озабоченное выражение, Вигберт видел это. Неоднократно он слюнявил палец, поднимал его и проверял направление ветра.

Вигберт обратился к одному из моряков, который рядом раскатывал канат: – Погода, похоже, уже не такая хорошая, как сегодня утром, правда?

– Скоро начнется шторм, – прямо ответил моряк. – Мы не рассчитывали на него, но...

- А мы сможем добраться до какой-нибудь гавани?

- Единственной возможностью было бы зайти на Фоситесланд, – заметил хозяин корабля. – Если мы до тех пор не утонем...

Мужчина сплюнул.

- Фоситесланд? Земля Фосите? – Вигберт повторил незнакомое слово. Ему вообще было трудно понять этого человека.

- Остров бога, – проворчал моряк и вернулся к своей работе. – Ну да, вероятно, мы сможем добраться туда...

Настроение на борту заметно ухудшилось. Среди ютландских мальчиков большинство теперь страдало морской болезнью. Они со стоном сидели на палубе и

держались за головы. Другие перегнулись за борт, их сильно тошнило. Также несколько монахов присоединились к ним в этом занятии. Однако Вигберт уже во время плавания в Ютландию с удовольствием узнал, что он сам не был склонен к морской болезни. В его животе ничего не шевелилось. Наоборот, движение корабля вверх и вниз, шум и свист ветра поднимали ему настроение, вызывали чувство радостной легкости. Ему казалось, как будто бы он в великолепном полете парил над диким волнением безграничного моря.

Взгляд его снова обратился к отцу Виллиброрду, который все еще – теперь уже много часов – стоял у мачты. Его лицо выглядело таким же зеленоватым, как лица других монахов, рот был твердо сжат, он время от времени сглатывал. Но если теперь все братья постепенно опустились на скамьи или уселись на доски палубы, или, запыхавшись, шатались к поручням, он оставался неподвижным, смотрел вдаль, и лишь губы его иногда шевелились: он шептал молитву, как он часто делал.

Вигберт подавил в себе появляющееся чувство триумфа: «великий Виллиброрд все же будет страдать морской болезнью, а маленький Вигберт нет». Снова в нем было восхищение этим выдающимся человеком, его силой воли, его сдержанностью. Он всегда сохранял свое достоинство, долг для него был превыше всего. Так он прошел через все трудности этого путешествия, и теперь он тоже прямо и гордо выдерживал опасности и беды этого плавания.

День продолжался, шторм, кажется, еще больше усиливался. Он ревел вокруг мачты, которая дико раскачивалась и трещала, как будто должна была сломаться. Корабль скрипел во всех стыках. Помощники хозяина корабля нарастили высоту борта с помощью досок, но поднимающиеся высоко волны снова и снова переливались через борт на палубу. Парус, сначала только наполовину спущенный, теперь был совсем убран.

Медленно Вигберт добрался до хозяина корабля, который так же непоколебимо держался за руль, как отец Виллиброрд стоял у мачты. Вигберт прокричал ему в ухо: – Можем ли мы так – без паруса – вообще удержаться на нашем курсе? Не отгонит ли западный ветер нас назад к побережью?

- Это больше не западный ветер. Он повернул к северу, – прокричал корабельщик. – Кроме того, нас несет течение. Если корабль не пойдет ко дну... Он замолчал и с кашлем налег на руль, который уже едва повиновался ему.

- Сможем мы добраться до того Фоситесланда?

- Если бог этого захочет, если он хочет этого, то да, – прокричал моряк. – Если бы у меня был белый ягненок на борту, я бы принес его в жертву. Но у меня ничего нет. Если бы я только не взял этот проклятый христианский груз... Он снова умолк.

Через бушующий шторм к ним донесся сильный, ясный голос отца Виллиброрда. Можно было даже разобрать его слова: – Не беспокойтесь, возлюбленные братья. Великий бог защитит и сохранит нас.

- Великий бог! – засмеялся корабельщик и снова налег на румпель. – Да что уже стоит этот его бог! Ничего, это же видно. Теперь должен был бы прийти другой.

- Какой еще другой?

- Тринадцатый. Он, господин ветра и волн. Разве у меня тоже нет двенадцати глупцов на борту? Но им он вряд ли захочет помогать, им нет. Теперь он был бы нам так нужен с его золотым топором. Но он не придет, и мы...

Он закричал, так как ручка румпеля выскользнула у него из рук, корабль закачался.

Вигберт поспешил ему на помощь. Вместе им удалось снова удержать руль. Рука об руку они управляли румпелем, пока море не успокоилось настолько, что корабельщик смог вытереть себе лоб.

- Ты моряк? – спросил он.

- Нет, христианский монах.

Тут хозяин корабля сплюнул и тверже сжал руль. – Я уже справлюсь сам, – прорычал он.

Когда Вигберт искал свой путь назад по палубе, он споткнулся обо что-то, что лежало там на досках. Оно было похоже на узелок мокрой одежды, но оно извивалось туда-сюда и жаловалось тонким детским голосом.

Вигберт наклонился: – Что случилось? – спросил он.

Бледное маленькое лицо высунулось из узелка. – Ах, дорогой господин, мне так плохо, – жаловался детский голос. Лицо было совсем заплаканным. Вигберт увидел, что то, что лежало там на палубе, было самым младшим из ютландских

мальчиков. Его звали Норберт, совсем маленький мальчуган, который наверняка не прожил еще и восьми зим.

Он встал на колени. – Ты не должен бояться, Норберт, мы придем к земле, тогда тебе снова станет лучше, – утешал он.

- Но мне так плохо, – повторил ребенок, и его вырвало.

- Если тебе нужно вырвать, я помогу тебе.

Вигберт взял промокшего мальчика на руки и отнес к поручням. Он высоко приподнял его над головой, чтобы тот смог склониться над фальшбортом. Ребенка вырвало, ему стало легче, потом Вигберт отнес его назад.

Вигберт чувствовал дрожь беспомощного тела, он оттащил малыша к месту около мачты, где лежали сухие мешки. Он обернул ими мальчика и остался сидеть с ним. Мальчик доверчиво прижался к нему. – Ах, дорогой господин, я так хотел бы вернуться к своей матери. Не мог ли бы ты сказать хозяину корабля, чтобы он повернул назад?

- Для этого уже слишком поздно, мой дорогой. Мы плывем уже почти целый день. Но там есть остров, он лежит на нашем курсе, там мы высадимся, там прекрасно, и ты потом опять будешь очень здоровым и бодрым.

- В это я не верю, – простонал малыш. – Я ни во что больше не верю. Они тоже говорили, что это будет прекрасная поездка, а это оказалось вовсе не правдой. Ах, лучше бы я остался дома у своей матери! Он всхлипнул.

Вигберт снова взял его на руки и аккуратно укрыл. – Теперь ты должен спать, Норберт, – сказал он.

Малыш зевнул. И через некоторое время он действительно заснул.

Вигберт осторожно поднялся. Уже смеркалось. Шторм все еще бушевал с той же силой. Глаза Вигберта искали тех немногих его попутчиков, которые еще держались прямо. Впереди в носовой части стоял стройный парень, не из моряков, пожалуй, скорее один из ютландцев, но он был высокий, как взрослый. В отличие от других у него было еще достаточно мужества, так как Вигберту показалось, что он слышит его пение. Его длинные волосы развевались на ветру как знамя.

Ползя на четвереньках, Вигберт, наконец, добрался до носа корабля, выпрямился и стоял теперь рядом с высоким юношей. Как и тот, он попытался через

высокие перила взглянуть на бушующие волны. Перед ним в затянутое серыми тучами небо поднимался вырезанная голова на штевне, раскрытая пасть дракона, кажется, пила ветер. Юноша рядом с Вигбертом действительно пел песню, которую шторм срывал с его губ. Покрасневшее от ветра лицо было обращено куда-то вдаль, его глаза сверкали. Вигберт подумал: Это, конечно, песня, такая же дикая и языческая, как шторм. Однако, если бы я только знал слова и мотив, я подпевал бы ему. Его охватило какое-то опьянение: Почему я только так долго прятался и ползал посреди корабля? Здесь впереди все было так великолепно: зеленые, как стекло стены, которые, набегаая друг на друга, распыскивались в белую бурлящую пену; корабль, взбирающийся вверх на них; вид высоты гребня волн над бурлящей поверхностью; толчея туч над нею... Одна черная угрожающая масса поднималась за другой на горизонте, серые лоскуты пронесились за головой над штевнем – и затем огромное падение в глубину... Однажды, когда корабль снова вскарабкался на волну, облака внезапно раскрылись далеко вдаль, и единственный, ослепительно красный луч света вырвался оттуда и задрожал на бушующей воде. – Солнце! Солнце! – закричал Вигберт.

Тут юноша рядом с ним повернулся к нему. Вигберт узнал высокого парня, который переводил утром. Его весьма умное лицо с выдающимся вперед подбородком и красивым носом с маленькой горбинкой привлекло к себе внимание Вигберта уже давно. Теперь он смотрел на Вигберта, улыбаясь. – Это же ты рассказывал историю об Экке-Некке? Ты с побережья? У тебя, похоже, живот не страдает от морской болезни?

- Так же, как и у тебя?

Из-за сильного ветра им обоим приходилось кричать. – Ты же тоже стоишь здесь не потому, что тебя тошнит, правда?

- Мой отец владеет кораблями и много плавал по морю. Мой дед тоже. Я сам уже плавал несколько раз...

- Мой отец был крестьянином, мой дед тоже, и так же весь мой род. Никто не нюхал морского воздуха.

- И все же?

- Все же. Морское путешествие прекрасно, шторм прекрасен. Ты видел красный луч на воде? Я люблю красоту. Вигберт выкрикнул это признание ветру, оно вряд ли предназначалось пареньку, стоявшему рядом с ним.

Но тот понял. – Хорошо сказано. Ты действительно христианский монах?

- Ты же сам видишь. Вигберт провел ладонью по тонзуре. Ветер давно сдул маленькую шапочку, которая должна была прикрывать эту монашескую прическу, и буря растрепала его коротко постриженные волосы.

- Если все монахи такие как ты, то я тоже согласен стать монахом.

Вигберт рассмеялся. Он хотел ответить, но тут корабль неожиданно врезался носом в огромную волну, поднявшуюся над ним на гигантскую высоту. Она с шумом упала на носовую часть. Вода обрушилась на юношей, они схватились за борт и сцепились руками друг с другом, чтобы их не смыло. Они с трудом ловили ртом воздух, когда бурлящая пена откатилась прочь.

- Хорошенькая баня! – закричал высокий мальчик и попытался встать на ноги. Вигберта волна отбросила к высокому борту, у него болела рука, но он тоже рассмеялся. – Все водяные посетили нас, – закричал он, отряхиваясь.

- Они хотели посмотреть, как выглядят христианские монахи. Но ты возвращайся назад. Если они вернуться, они заберут нас с собой в царство морских дев. Но туда мы не хотим.

- Нет. Мы хотим на христианское небо.

- Пока нет. Сначала на Фоситесланд и к тринадцатому с золотым топором.

Пока они кричали друг другу на ухо свои шутки, они поползли по совершенно мокрой палубе до того места, где мачта и несколько надстроек давали слабую защиту. Там лежал маленький мальчик, которого Вигберт укутал в мешки. Он крепко спал, вопреки всему.

Они сели рядом с ним. С них стекала вода, и ветер, который, кажется, становился все холоднее, заставил их стучать зубами. – Подожди-ка, – сказал высокий юноша. Он пополз до того места, где лежали мешки мальчиков. Они были накрыты водонепроницаемой тканью. Мальчик вытащил из своего мешка огромный плащ из толстой шерсти. Они сняли одежду и сидели теперь закутанные в сухую и теплую ткань, и спящего ребенка между ними плащ тоже защищал.

Здесь они могли теперь говорить без крика.

- Хозяин корабля говорил, что мы придем на Фоситесланд? – спросил юноша.

- Да. Это должен быть какой-то остров!

- Правильно. Его еще называют островом бога, святой землей.

- И это там живет бог с золотым топором?
- Что ты знаешь о нем?
- Ничего. Корабельщик говорил, что тринадцатый с топором должен прийти нам на помощь, ведь у него же двенадцать глупцов на борту. Он имел в виду нас, монахов, я думаю, но я не понял связь.
- А, этим он намекал на историю с двенадцатью судьями. Они терпели бедствие на море, и тогда бог пришел к ним по воде и своим топором уверенно направил их к земле. Так рассказывают. Но я не знаю, что здесь правда.
- У вас много богов? – Вигберту не хотелось говорить с этим умным парнем об идолах и, тем более, о чертях.
- Здесь в этом уголке мира у них есть только один. Как раз тот с топором. Фосите, его также зовут Фоста.
- Только один бог?
- Ну да, там есть и другие. Но они не имеют значения. У вас их три, не так ли?
- Ну, можно и так сказать, если тебе нравится. Отец, Сын и Святой дух образуют божественную троицу.
- Я хотел бы больше узнать о христианской вере, потому-то я и поехал с вами. Может быть, я стану христианином, я пока еще этого не знаю.
- Ты этого не избежишь, раз уж ты с нами поехал. Кстати, как тебя зовут?
- Тойдберт. А тебя?
- Я Вигберт.
- Приятно познакомиться. Но я думаю, что о том, о чем мы говорили, я тоже должен высказать свое мнение.
- Ты так думаешь? Отец Виллиброрд окрестит тебя, хочешь ты этого или нет.
- Он красиво говорит. Но он жестокий, я знаю.
- Не совсем жестокий. Все же, он человек сильной воли.

- Посмотрим.

Они болтали, рассказывали друг другу разные истории, и не обращали никакого внимания на шторм. Вигберт думал, что он еще никогда так хорошо не находил общий язык с молодым человеком, как с этим Тойдбертом из Ютландии. Он, должно быть, где-то на пару лет младше меня, но он удивительно зрелый для своего возраста, думал он. Он знает многое, чего я не знаю, в монастыре люди остаются оторванными от жизни, это, наверное, правда...

Однажды малыш проснулся между ними и спросил заспанным голосом: – Мы уже скоро приедем, да?

- Скоро, – утешил его Вигберт. – Это уже не продлится долго, потом наступит рассвет, и тогда мы увидим, как остров появится перед нами. И тогда все будет хорошо.

- Ты ясновидящий? – спросил Тойдберт.

- Нет. А что?

- Потому что рассвет как раз уже поднимается над горизонтом, и Фоситесланд действительно лежит перед нами.

- Где? – вскрикнул Вигберт вспльчиво. Он приподнялся и вглядывался вдаль.
– Где? Я ничего не вижу.

- Ты не видишь красную искру вон там позади в темноте? Они зажгли маяк.

В этот момент один из моряков закричал: – Эй, вижу землю, и несколько голосов повторили этот крик.

Все же, только по истечении некоторого времени Вигберт смог разглядеть темно-красную точку на горизонте. – У тебя хорошие глаза, – сказал он Тойдберту.

- Если бы мой внутренний взор был бы так же хорош, как мои глаза, то я мог бы, пожалуй, быть... – ответил юноша, зевая.

- Ясновидящим? Я никакой не пророк и не ясновидящий, вовсе нет.

- Я думал, все христианские монахи умеют видеть внутренним взором так же, как наши святые женщины.

- Я знаю, что ты имеешь в виду. Есть монахи, у которых есть дар такого зрения. Но я к ним не отношусь.

- Вероятно, приятнее не знать, что будет. Они засмеялись.

Уже довольно давно шторм ослабел, и моряки снова подняли парус. На хорошей скорости они спешили теперь к темной полоске суши, которая все отчетливее выделялась на фоне бледно-серого утреннего неба.

– Мы справились, спасибо богам, – громко простонал хозяин корабля, когда они входили в гавань. На косе горел большой маяк, указывая путь кораблю. Несколько мужчин караулили здесь, они помогли пришвартовать «Победителя морей» и перебросили сходни. По ним медленно двинулась на сушу вереница шатающихся, измученных, бледных от бессонной ночи фигур. Мальчики с трудом тащили свои походные мешки, Вигберт взял своего маленького подопечного, которого он с Тойдбертом скорее несли, чем вели.

Несколько темных сараев возвышались на берегу. Мореплаватели направились туда. В самом большом из них жители острова даже разожгли огонь, у которого промокшие люди могли обсохнуть. Все распределились по помещению и готовились лечь спать. Затем был слышен голос отца Виллиброрда, который сильно и звучно благодарил Господа за спасение от шторма. Не все повторяли за ним латинскую молитву. Можно было еще слышать стенание и бормотание. Тут и там кто-то уже храпел. Вигберт вскоре уснул крепким сном.

Отец Вульфрам

Вигберт проснулся от ударов молотком по деревянной доске, которую миссионеры брали с собой во время путешествия. Эта доска здесь, как и в монастыре, служила для того, чтобы будить людей. Вигберт поднялся. Хотя он хорошо устроился на соломе, которая покрывала пол сарая, он чувствовал себя одеревенелым и слабым. К тому же еще он был настолько сонным, что ему пришлось много раз зевать. Но как монах он привык обходиться недолгим сном. Он несколько раз нагнулся и потянулся, и это сделало его снова бодрым. Он вошел в круг своих спутников, которые собрались вокруг отца Виллиброрда. Довольно тихими, беззвучными голосами они пели всюнощную молитву: также Вигберту пришлось откашляться несколько раз.

После молебна огонь заново разожгли. Дверь сарая была широко открыта, свежий, прохладный воздух и свет проникали внутрь.

Вигберт вышел на порог. Над морем и сушей стояло светлое утро. Дул резкий ветер. Стоявшие в гавани корабли сильно раскачались. Небо было покрыто легкими облаками, в которых местами были разрывы, и через них можно было видеть бледную голубизну неба. Воздух благоухал морской водой, травами и свежей зеленью. Между дюнами, обрамляющими берег, сверкала приветливая зелень. – Мы на суше, действительно на суше, – сказал Вигберт себе под нос, глубоко дыша.

Кто-то дернул его за рясу. Там стоял маленький Норберт. – Дорогой господин, я хочу есть, – сказал он.

- Я тоже, – Вигберт засмеялся. – Какую-нибудь еду, думаю, нам удастся найти. Но, прежде всего...

- Вот, это успокоит голод, – произнес голос за ними. Это был Тойдберт, который с этими словами протянул им несколько наполненных высушенным мясом хлебных лепешек. Малыш засиял и сразу вцепился зубами в лепешку. Вигберт отказался, хотя у него и потекли слюнки. – Мне кажется, что отец Виллиброрд готовится к благодарственной мессе. Раньше мы не можем есть.

- Мы язычники, нам можно, – сказал Тойдберт. Он попытался навязать Вигберту еду. – Просто забудь, что ты христианин.

- Никогда нельзя забывать, это не разрешено, – ответил Вигберт. – Позже, Тойдберт. Ты взял с собой в своем мешке так много этих лепешек, что даже можешь накормить ими других людей?

- Когда отправляешься в далекое путешествие, нужна предусмотрительность.

Тойдберт переоделся. Теперь на нем был длинный темно-красный камзол из самого тонкого сукна, отороченный на шее мехом, и пояс, на котором были золотые украшения и чудесно гравированная пряжка.

- Какое великолепие! – Вигберт с удивлением рассматривал высокого паренька.

- Моя одежда промокла.

- Моя тоже все еще сырая. Но это ничего.

- Вы привыкли не обращать внимания на невзгоды, – серьезно произнес Тойдберт, – это большое преимущество. Я тоже хочу этому научиться. Я, к сожалению, был изнеженным.

- Сегодня ночью я ничего такого не заметил.

Удар молотка позвал на мессу. Отец Виллиброрд пел, его голос звучно раздавался по большому помещению, он поднял футляр с дароносицей, который он всегда брал с собой в путешествия, все опустились на колени, также многие из мальчиков, золото футляра блестело в свете утра. На маленьком, переносном походном алтаре горели свечи, монахи пели в ответ, и ладан распространял мягкий аромат.

- Я нахожу очень красивым, как вы почитаете вашего бога, – сказал Тойдберт, когда Вигберт снова подошел к нему. – Это кое в чем напоминает о наших обычаях на праздниках богов, но так, как вы это делаете, мне больше нравится. Этот чужой язык такой благозвучный.

Он имел в виду латынь. – Я хотел бы выучить его. Собственно, я не знаю, почему наши люди дома чувствуют такое сильное отвращение к христианам и к их обычаям, – добавил он задумчиво.

- Теперь ты можешь есть, – сказал он тогда другим тоном.

Вигберт принялся за еду.

Но тут кто-то закричал, что на берег спускаются священники.

- Священники? Христиане?

Все выбежали наружу.

Вигберт был среди первых. Он действительно увидел, как трое монахов в темных рясах спускаются по тропинке через дюны. У одного, пожилого мужчины, в руке был посох, и он шел с некоторым трудом. Он шагал впереди, два других следовали за ним.

- Разве это не...? – некоторые из спутников Виллиброрда узнали его. – Да, это отец Вульфрам, франк...

Виллиброрд быстро пошел навстречу ему. – Отец Вульфрам, ты здесь? Это кажется мне чудом.

Они обнялись.

Вигберт слышал о том, что миссионер Вульфрам как неутомимый работник в винограднике Господа объезжал земли язычников. Теперь он рассматривал его

с любопытством. У апостола было морщинистое, приветливое лицо, он не держался так прямо, как отец Виллиброрд, и венчик его волос был седым, хотя он едва ли еще достиг пожилого возраста.

- Я услышал о вашем прибытии, братья, – сказал он. – Тогда я захотел приветствовать вас на этом языческом побережье.

- Все еще языческом? – сразу спросил отец Виллиброрд с определенной резкостью. – Значит, вы еще не так много времени провели здесь, мои братья?

- Мы прожили всю зиму на острове. Мы проповедовали и провозглашали нашего бога, но..., – отец Вульфрам огорченно покачал седой головой.

- Черствые сердца..., – пробормотал отец Виллиброрд, который теперь, вероятно, пусть даже и неохотно, подумал о своих собственных неудачах у данов.

- Мы собираемся покинуть Фоситесланд. Корабль, который должен отвезти нас к франкам, уже готов. Завтра или послезавтра, если на то будет воля божья, мы уедем, когда буря стихнет.

- Ты разочаровался в своей миссии? – спросил отец Виллиброрд тихо и настойчиво.

Вульфрам кивнул. – Здесь эта миссия не удастся никому. Перед лицом этого бога...

- Какого еще бога? – это снова был строгий тон. – Ты говоришь об одном из этих языческих идолов?

- Он больше, чем просто идол, – тихо произнес старый проповедник. – У него есть больше власти, чем мы можем поверить. Власти над сердцами фризов, во всяком случае.

- И поэтому тем важнее, чтобы он пал. Если это так, как ты говоришь, то нужно испробовать все возможности, чтобы вырвать души этих несчастных из власти их дьявола.

- Может быть, он и дьявол, – отец Вульфрам слабо вздохнул и тяжело оперся на свой посох.

- Ты в этом сомневаешься? – спросил Виллиброрд с крайней резкостью.

Вульфрам не отвечал. Все те, кто стоял в кругу вокруг обоих священнослужителей, пристально смотрели на него.

Он заметил это и махнул рукой. – Оставим это. Пришло время передать вам сообщение. Рано поутру король вызвал меня к себе. Он поручил мне сказать вам...

- Какой король? Здесь...

- Ты не знал, что Радбод находится на Фоситесланде? Со своим двором и частью своего войска?

- Так он здесь спрятался? Здесь! Нет, этого я не знал.

- Спрятался, это, вероятно, не совсем правильное выражение. Он удалился сюда, после того, как им был заключен договор с герцогом Пипином. Остров – это убежище, здесь каждый преследуемый находит защиту, здесь не разрешено убивать ни животного, ни человека, и если герцог Пипин решит нарушить договор и попытается схватить короля...

- Он не станет это делать, – прервал его Виллиброрд.

- Никогда нельзя знать наверняка.

Пока они говорили, оба миссионера медленно шли вперед, монахи следовали за ними. Они приблизились к сараю. Отец Вульфрам снова вздохнул. – Мои колени устают, я часто испытываю боль.

Он увидел скамейку у стены сарая, приблизился к ней и сел. – Здесь мое место, – сказал он, – я подожду, пока вы подготовитесь. Король приглашает вас жить в его доме для гостей. Он находится в двух милях отсюда, приблизительно в середине острова.

- Он приглашает нас? Звучит неплохо, – быстро сказал отец Виллиброрд. Ты смог, все же, по крайней мере, расположить этого упрямого язычника к нашей святой вере?

- Я неоднократно говорил с ним о нашей вере. Он не ведет себя недружелюбно и был для нас великодушным хозяином. Но он остается замкнутым. У меня такое впечатление, что поражение под Дорестадом все еще тяготеет на нем. Он чувствует себя побитым.

- Тогда он тем более должен был бы...

- Тем более он ищет помощь и утешение *своего* бога. Именно чтобы получить их, он, наверное, и прибыл сюда.

- Он узнает, что дьявол бросит его на произвол судьбы, и обратится к настоящему богу.

- Вряд ли. Его вера, как мне кажется, глубоко укоренилась в нем.

- Ты не показал достаточно мужества, брат, и достаточной настойчивости и выдержки в святом деле.

- Попробуй счастья сам, – ответил Вульфрам устало. – Здесь на самом святом из всех островов дует особенный воздух. Это тяжело...

- Тяжело отличить дьявола от бога? – перебил его отец Виллиброрд.

Вульфрам отвечал, как будто бы он не услышал вопрос. – Там есть это древнее святилище. От него как будто бы исходит таинственное колдовство. Я с ним не справился.

- Ты там был?

- Нет. Мы не могли решиться на это. Присутствие христианских миссионеров там было бы неприемлемым для язычников. Проникновение в это колдовство могло бы даже стать опасным для нас, если можно так сказать.

- Мы посланы как воины господина, брат, и мы должны не бояться сил дьявола, а бороться с ним всеми нашими силами, – отец Виллиброрд повысил голос. Теперь в его широко открытых глазах снова пылала страсть великого проповедника.

Вульфрам, епископ Санса (годы жизни припл. 630 -704).

Было видно, что у отца Вульфрама на лбу выступил пот. – Я знаю, я лишь слабый человек, – прошептал он, склонив голову. Но потом он снова поднял ее и вытер лоб. – Каким бы он ни был, я думаю, вы должны собрать свои вещи и следовать за мной. Сильный ветер пока еще не позволит продолжить путешествие. Идите со мной и подумайте вот о чем: король вполне мог бы ненавидеть нас – и по праву, так как мы были присланы его самым заклятым врагом, герцогом Пипином. И это очень достойно с его стороны, думаю я, что он принимает нас почтительно. Ты должен подумать об этом, Виллиброрд, – энергично повторил Вульфрам.

- Я скажу ему, что мы были отправлены нашим богом, а не людьми, – объяснил Виллиброрд спокойно. – Хорошо, мы соберем свои пожитки и последуем за тобой.

Он кивнул стоящим вокруг него, они поспешили в сарай и собрали свои вещи.

Спустя немного времени вереница монахов и мальчиков пошла по ровной дороге через остров.

Впереди шествовали оба отца, Виллиброрд и Вульфрам, с посохами в руке. За ними следовали монахи, по двое, как это было принято у монахов. За ними семенили тридцать мальчиков с мешками по дороге, между ними шел брат Вигберт, окруженный, с одной стороны, молодым Тойдбертом, с другой стороны, его маленьким подопечным Нойбертом, который всегда старался идти как можно ближе к нему.

Полный любопытства, Вигберт оглядывался вокруг. У него в голове все еще звучали слова отца Вульфрама: «От него как будто бы исходит таинственное колдовство». Куда же занесло их штормом? На волшебный остров? Поистине? Опасное колдовство? Это звучало в его ушах весьма заманчиво. Неужели здесь, наконец, они встретят настоящую опасность?

Правда, как внимательно он ни смотрел, он не мог заметить никаких следов колдовства и еще меньше признаков опасностей. Он хорошо видел колышущиеся на ветру пастбища, луга в первой зелени весны, маленькие деревья, тополя, которые мягко раскачивались, пасущихся лошадей и коров, позже несколько еще почти голых пашен, на которые садились стайки белых чаек. И над всем этим большое светлое небо с пушистыми облаками. В общем, ландшафт, похожий на тот, который он уже видел на берегах ютов, но все-таки производивший более приятное впечатление, потому что трава здесь выглядела уже сочной и более высокой. Он заметил, что на деревьях этого острова уже были листья, чего еще не было в Ютландии, единственное различие, которое он смог обнаружить.

Земля Фосите – широкая светлая равнина, вдали группы деревьев – неужели это все? Конечно, нет.

Где-то там скрывалось святилище, в которое не решился вступать отец Вульфрам, бог с топором, обладающий властью над сердцами, дьявол, которого хотел победить отец Виллиброрд...

- Чему ты так радуешься? – спросил Тойдберт. Он шагал проворно в своем прекрасном красном камзоле рядом с Вигбертом и теперь смотрел на него со стороны, улыбаясь. – Ты беспрерывно смеешься от радости и шагаешь так, как будто ты хотел обогнать всю нашу процессию.

Теперь Вигберт действительно рассмеялся. – Если честно: медленный шаг монахов мне кажется довольно утомительным. И здесь меня действительно радуют все эти тайны и опасности.

- Ого. Вот ты какой?

- Да. Отец Виллиброрд говорил о борьбе. Я еще никогда не боролся.

- Здесь вы разочаруетесь, я боюсь. Священный остров всюду известен как мирная территория. Фосите – это бог не только права, но и мира.

- Тот, кто называет его так, не рассчитывал на отца Виллиброрда, – снова засмеялся Вигберт.

- А вот тут следует бояться, что ему здесь не повезет так же, как и отцу Вульфрамму. Он же предостерегал его.

- Отец Вульфрам, кажется, действительно пошатнулся в вере, здесь это стало очевидным. Отец Виллиброрд очень рассердился на это...

- Посмотрим, не будет ли он сам через несколько дней сердиться на самого себя.

Я тоже рад, Вигберт. Я приехал, чтобы смотреть и слушать. Хорошо, что мы попали сюда. Если ваша христианская вера здесь устоит, то я стану христианином, я тебе это обещаю.

По прошествии короткого времени задумчивого молчания Вигберт заговорил: – Я удивлен тому, что мы все никогда еще не слышали об этом волшебном острове.

- Язычники умолчали вам о нем. «Гора молчания» – так называется возвышенность, на которой стоит старое святилище, так говорили мне. Там должен быть еще и «Источник молчания».

- Нам еще далеко идти? – спросил маленький Норберт и по привычке дернул Вигберта за ряску.

- Я думаю, мы скоро будем на месте, малыш. – Вигберт забросил походный мешок мальчика через плечо, на другом он нес свою легкую сумку. Только теперь он заметил, что до сих пор ускользало от его внимания, а именно, что Тойдберт шел рядом с ним налегке и не нес ничего из своих вещей.

- А где же ты оставил все свои большие мешки? – спросил он. – У тебя их было несколько, как я видел, и ты ничего не несешь?

- Мой слуга тащит все эти штуки, – сказал Тойдберт равнодушно. – Он, я думаю, нанял для этого еще одного из моряков с нашего корабля; это было бы слишком много для него одного.

- У тебя есть здесь свой слуга?

- Мой отец дал его мне с собой. Он должен позаботиться о его маленьком драгоценном плоде. Как будто бы у меня самого нет оружия.

Он указал на кинжал, который висел у него на поясе.

- Ты производишь из знатного рода?

- Да. Я из рода Амальфингеров. Мы могли бы и, собственно, должны были бы ставить фризских королей. Но дед Радбода вытеснил нашего предка из страны и забрал половину его поместий. С Онгендио мы в родстве и не враждуем с ним. Но Радбод... Мне не особо по душе, что он здесь. Во всяком случае, я хотел бы избежать встречи с ним.

Вигберт, который теперь лучше мог объяснить себе скороспелую уверенность Тойдберта в себе и его чувство превосходства, спросил озабоченно: – Он мог бы причинить тебе какой-нибудь вред?

- Собственно, это я должен был бы причинить ему вред. Смерть моего деда от руки убийцы еще не отомщена.

- Только не вздумай заняться этим, Тойдберт, – предостерег Вигберт серьезно. – Убийство! Только этого еще нам не хватало. Тогда язычники беспощадно нападут на нас. Стань христианином, Тойдберт, и скажи: отмщение в руках божьих.

- Удобная позиция, – Тойдберт снова рассмеялся. – Ничего не делай, пусть твой бог все делает за тебя. Но ведь ты же ищешь борьбы, Вигберт, или нет? Однако, спокойно, мы же здесь гости. Гости, по возможности, не убивают своих хозяев. Но – и это также стоило бы сказать вашему отцу Виллиброрду – хозяев также нельзя обижать и оскорблять. Так считаем мы, язычники.

Теперь дорога вела вниз, во впадине лежал большой двор с высокими соломенными крышами, окруженный деревьями. На крыше главного здания неподвижно стоял на одной ноге аист в своем гнезде.

- Аисты уже здесь? – спросил Тойдберт весело. – Это хороший знак. Лето началось. Первыми весной прилетают лебеди, только гораздо позже аисты.

- Лебедей мы видели в Ютландии высоко над нами, когда они летели. Странно, что они извергают здесь этот потрясающий трубный зов, когда они летят. На Рейне лебеди не поют.

- Здесь этот бог должен был научить их пению, он – покровитель всех певцов, как людей, так и животных.

- Ты всегда говоришь «этот бог», Тойдберт. Не является ли он также и твоим богом?

- Мы в нашем роду не полагаемся ни на какого бога, а только на нашу собственную власть и силу, как говорят. Христианский бог был бы первым, которому я бы доверился – если...

Они вступили во двор. Спутники отца Вульфрама поспешили им навстречу и радостно приветствовали их. Гостям показали их спальни, они устраивались. Этот двор, построенный для гостей короля, предлагал все удобства, которые они только могли пожелать себе. Также король прислал им еду и вино.

После того, как оба святых отца вместе прочитали мессу, все принялись за трапезу в большом зале. То, что прислал король, было хорошим и вкусным, но едва ли достаточным для такого большого количества людей. Все же, так как у них были еще свои запасы, можно было вполне наесться.

Вигберт поселился в общей спальне мальчиков и устроил себе постель между Тойдбертом и маленьким Норбертом. Не только эти, но и другие мальчики показывали расположение и доверие к нему. Они часто приходили к нему с множеством вопросов и просьб, и он охотно помогал им словом и делом.

Но затем отец Виллиброрд приказал позвать его к себе. – Это недопустимо, что ты уединяешься от братьев и смешиваешься с этими незрелыми и языческими мальчишками, как будто бы ты один из них. Никто не назначал тебя их учителем и воспитателем. Кто-то из старших братьев возьмет на себя эту работу. Я поручу это брату Ансельму, чтобы он учил их и поддерживал среди них порядок.

Он строго посмотрел на Вигберта, но тот, все же, решился, упрямо как всегда, возразить.

- Маленький Норберт очень привязан ко мне, почему, я не знаю. Мне кажется, он видит во мне замену своей матери, по которой он так сильно скучает. Он будет цепляться за меня, и я боюсь, что, если я переселюсь к братьям, то он тоже придет туда и будет лежать по ночам на полу возле моей постели.

- Ему не дадут это сделать, – холодно ответил отец Виллиброрд. – Я не желаю слышать никаких возражений, брат Вигберт. И я также не желаю этой дружбы с высоким парнем – как там его зовут...?

- Тойдберт. Он сын фризского князя и интересуется евангелием. Мы должны...

- Молчи. Не тебе решать, что мы должны, а что нет. Любопытный, ты что, так никогда и не научишься повиноваться молча, как это подобает твоему обету? Я говорю, что монах не должен ни с кем дружить, ни со своими братьями во Христе, ни, тем более, с язычниками. Тот, кто посвящает себя богу, у того есть только один друг, наш Господь Иисус Христос. Общность среди братьев страдает от слишком тесных уз с посторонними; еще больше она страдает, если один из нас захочет привязаться к ребенку, пребывающего в мирском грехе. А мы должны принадлежать богу, жить в нем, жить для него. Неужели ты этого не понимаешь?

Виллиброрд, в конце концов, говорил уже не холодно и как властитель, а убедительно, почти с теплотой. Что-то из его наполненности богом, его священного огня вспыхнуло в его глазах и голосе, и Вигберт, в общем, был настолько укрощен им, что молча повиновался.

Вздыхая, он взял свой небольшой походный мешок и отнес его к постели в углу большого зала, в котором ночевали монахи.

Но вечером дверь между обеими спальнями была заперта, так что безутешно плачущий Норберт не смог попасть к Вигберту.

Ключ к потусторонней стране

Следующим утром вестник короля Радбода прибыл в дом для гостей и пригласил отца Виллиброрда с двумя из его братьев явиться к королю.

После обеда приглашенные отправились в путь. Вигберт видел, как они шли по дороге на юг, королевский вестник вел их.

Также этот день был ясным и светлым, и ветер больше не дул так сильно, солнце показывалось среди облаков. Светло-зеленая земля заманчиво светилась, светлые песчаные дорожки тянулись вдаль.

Вигберт огляделся. Никто не обращал внимания на него. Мальчики собрались вокруг брата Ансельма, который поучал их. Отец Вульфрам, получивший сообщение, что корабль завтра выйдет в море, усердно занимался вместе со своими попутчиками подготовкой к путешествию. Монахи Виллиброрда помогали им, отдыхали, болтали или молились. Вигберт мог незаметно дать волю своему любопытству.

Тропу, по которой шел Виллиброрд, он благоразумно избегал. Он пошел по другой дороге, которая шла в восточном направлении и, очевидно, вела глубоко во внутреннюю часть острова. Вокруг него тянулись луга, иногда пересеченные маленькими канавками с водой. Виднелись прекрасные деревья, несколько домов с соломенными крышами вдали, справа вдалеке на горизонте, на фоне неба расплывчато выделялись контуры цепи гор.

Пока Вигберт брел так через майскую зелень и солнечный свет, всяческие мысли возникали в его голове. Он думал об обоих «Бертах», маленьком и большом – все же, «мы три Берта должны быть вместе», как прошептал ему Тойдберт сегодня утром, когда они мельком увидели друг друга. Это верно: та штормовая ночь на корабле связала их друг с другом, и в этом ничего не могли изменить даже запреты отца Виллиброрда. Только теперь Вигберту стало ясно, что у него никогда еще не было настоящего друга. В его старом монастыре он был на вроде избалованного сына многих добрых отцов. И отец Виллиброрд предотвращал дружбу среди своих миссионеров, по причинам, которые Вигберт понимал, против которых он, однако, в самой глубине своей души он все же протестовал. Иисус Христос, единственный друг? Нет, он чувствовал: этого ему не хватало.

Он, теперь он это понимал, уже давно тосковал по личным узам, по связи одного человека с другим, по общности с такими людьми, которые были так же молоды, как он сам.

Его радовала возникающая дружба с умным, опытным Тойдбертом. У княжеского сына был учитель – дома на большом дворе его отца, он уже в тринадцатилетнем возрасте ходил по морю и далеко на юг, он многое видел и испытал. В некотором отношении он намного опережал Вигберта. Маленький Норберт, напротив, был просто цыпленком, который стремился спрятаться под крыльями насадки. И так как Вигберт любил как учиться и узнавать, так и защищать и помогать, оба они были как раз теми друзьями, в которых он нуждался.

Если я снова вернусь в свой монастырь, я хотел бы взять их с собой, обоих, думал он. Норберт будет чувствовать себя там как дома, и больше не будет плакать по своей матери, так же как я тоже забыл там когда-то свою тоску по родному дому. А Тойдберт? Он критичен и много спрашивает. Я должен рассказать ему гораздо больше, чем до сих пор об Иисусе Христе, о добре и красоте...

Ему хотелось, чтобы они оба были сейчас здесь с ним, но он в то же время знал, что он ни в коем случае не смог бы взять их с собой в этот путь. По этой дороге он должен был идти только один; то, что он искал к этому часу, на первый взгляд, просто бесцельно бродя, он должен был идти искать в одиночку.

Он не переставал внимательно осматриваться по сторонам. На одном перекрестке он остановился. Справа контуры тех возвышенностей или скал, которые, очевидно, были расположены на юго-западе перед островом, можно было разглядеть более отчетливо. Слева, однако, дорога вдоль маленького ручейка бежала прямо к заросшей деревьями возвышенности, свежая зелень которой приветливо светила сюда. Вигберт медлил: куда идти – направо или налево?

Тут он увидел человека, который медленно приближался оттуда, где Вигберт предполагал королевский замок. Впрочем, это был вообще первый человек, которого он встретил на этих тихих тропинках. Это был монах, вероятно, один из спутников отца Вульфрама, он приближался, спокойным шагом, с четками в руке.

Когда он дошел до Вигберта, он остановился, чтобы поздороваться с ним. Он, кажется, не спешил, и Вигберт удивленно спросил: – Разве ты не должен быть там, где твои товарищи готовятся к отъезду?

- Да что мне там готовиться? – ответил брат, улыбаясь. – Мое земное добро невелико. Нигде нельзя молиться так же хорошо, как под этим большим небом. Мне вообще не хотелось бы покидать этот ландшафт.

- Я это понимаю, – сказал Вигберт. – И раз уж ты такой странник, то ты, конечно, хорошо знаешь эту местность. Что это там такое? Он указал на поросший лесом холм.

- Это? Это тихое святилище, они также называют его «старым замком», так как там раньше была королевская резиденция. Теперь эти дома пустуют и, как говорят, они уже в плохом состоянии.

- Король Радбод, вероятно, уже больше не проживает там?

- Он живет в замке Вильтенбург, который построил его отец. Монах указал направление.

- Старое святилище? – повторил Вигберт, и мурашки пробежали у него по коже.
– Значит, есть еще и новое?

- О, да. Оно находится в северо-западной части острова, возле него большая площадь для тингов, на которой происходят собрания. Мы однажды были там и присутствовали на суде, на котором председательствовал сам король.

- В старом святилище вы не бывали, как я слышал. Почему нет?

- Мы боялись злых духов, которые там должны жить.

Монах бросил косой взгляд на холм и перекрестился.

- Это так говорят люди, которые здесь живут?

- О, нет, они так не говорят. Они говорят: Там живет бог. Но что такое боги этих язычников, если не демоны и злые духи?

- Я смогу туда попасть, если я пойду по этой тропинке, вдоль ручья?

- Конечно. Но я не советовал бы тебе идти туда, брат. Там на самом деле что-то неладно. И, кроме того, язычники не любят, чтобы христиане заходили в это место.

- Вокруг этой дороги вообще нет ни одного человека. Странно. Или на этом острове просто так мало жителей?

- Усадьбы и поселения лежат больше на северной и западной стороне. Там, где находятся и гавани. Здесь только тогда кишит людьми, когда они устраивают свои праздники в честь сатаны.

Вигберт поблагодарил за сведения, и монах пошел своей дорогой. Но Вигберт решительно зашагал вдоль ручья. Ручей вскоре впал в канал, по возвышенному краю которого можно было легко идти, всегда напрямик к холму. Затем Вигберт увидел, что по краю возвышенности тянется канава с водой, которая, вероятно, окружала ее и превращала в крепость со рвом. Деревянный мостик был переброшен через ров, по ту сторону дорога начинала идти в гору.

Теперь путник погрузился в светло-зеленую тень деревьев. На пологом склоне холма росли кусты и большие деревья, через молодую листву которых блеск

солнечный свет. Птицы пели и ликовали всюду, Вигберт подумал, что он никогда еще не видел такого прекрасного леса.

Вскоре он добрался до вершины холма. Здесь сквозь рощу проходил древний, поросший мхом вал с неравномерно уложенными каменными глыбами. Через широкую брешь дорога вела прямо к открытым воротам, которые были сверху покрыты деревянной аркой. Справа ярко побеленные здания, кажется, наполовину скрывались за деревьями.

Вигберт увидел также большие, тоже поросшие мхом камышовые крыши – это могло быть покинутым королевским двором. Туда он не хотел, его тянуло прямо.

Но, все же, затем он остановился. Здесь никого не было, стражники не охраняли широко открытые ворота. Колдовство? Власть? Опасность? Что они там шептали об этом удивительно тихом месте, братья, отец Вульфрам, корабельщик?

Снова он почувствовал, как дрожь пробежала у него по телу. Священные рощи язычников были местами жертвоприношений. Лишь единственный раз миссионеры во время своего путешествия вошли в такую рощу идолопоклонников. Она была посвящена Вуодану, которого те на севере называли Одним. Прекрасные старые деревья стояли там, но на некоторых из них висели наполовину истлевшие тела принесенных в жертву людей, ужасный вид. Этот запах преследовал Вигберта еще вплоть до его снов. Он был рад тому, что отец Виллиброрд сразу дал команду свалить эти деревья. Этого не случилось, язычники собрались толпой против служителей бога и закидали их камнями. Тогда их жизни угрожала реальная опасность.

Не будут ли теперь и здесь гроыхать на ветру кости скелетов? Но ветра не было, воздух был тих, безоблачное небо возвышалось над кронами деревьев. Или этот Фосите, или Фоста, или как там они его называют, не требовал человеческих жертв? Но ведь так же поступают все эти идолопоклонники... Вперед! – сказал он самому себе. Посмотрим.

Он прошел через ворота и попал на открытую площадь, которая была вымощена неровными, темными каменными плитами. Они тут и там прилегали неплотно, так что травинки смогли прорасти между ними. Также маленькие весенние цветы были там, белые звездочки, которые приятно оживляли темное каменное сооружение. Большие обработанные каменные глыбы, которые стояли кругом, могли когда-то быть сиденьями, также несколько огромных необтесанных камней возвышались здесь. Примерно посередине площади, однако, поднимались

две очень высокие и красивые колонны, которые были по всей своей высоте украшены чудесной позолоченной резьбой.

Вигберт рассматривал их с восхищением. Они были похожи на опорные колонны дома, высоко наверху по две расходящиеся с каждой из них балки поднимались в пустоту, так как обе колонны вовсе не несли крышу... Выглядело так, как будто бы они хотели подпирать небо, подумал Вигберт. Так как он сам был резчиком, искусно переплетающиеся друг с другом разнообразные орнаменты восхищали его. Золото блестело, также янтарь был вделан там, и он видел, как даже мерцают цветные камни. Когда он присмотрелся поближе, он разглядел в живо изображенных формах вьющиеся растения с листьями, звериные головы, драконов с извивающимися хвостами, птиц... – Это чудесно, – сказал он себе под нос.

Когда он стоял так и удивлялся, в его мыслях возникло одно воспоминание – оно пришло издалека, из его давнего детства, шепчущий, рассказывающий голос: Замок чудес, таинственный, по ту сторону всего привычного, только избранные могли переступить его порог, умершие жили там, блаженные, они танцевали легкими ногами на траве и играли с золотыми яблоками. Тот, кто попал туда живым, не мог забывать о том, что ему нужно сказать правильное слово и сорвать правильный цветок, иначе он никогда не нашел бы снова страну чудес и остался бы навечно исключенным... Но нет, это же была прелестная дева, которая там передала герою цветок, ключ к возвращению... Там – в этом замке – стояли также мировые столбы, которые поддерживали небо, так говорили, и если они рухнут, то и небосвод упадет на землю...

Мировые столбы? Северные колонны? В северном море на каком-то острове... Неужели это они, на самом деле? Он слышал, что их часто искали, но так и не нашли. И здесь – здесь они были настоящие и истинные. Они существовали, они были здесь, стояли перед его глазами, его руки могли коснуться великолепного произведения резьбы по дереву. «Опорные столбы мира» – куда же я попал? – думал он.

Тут он услышал, как из маленького леса по ту сторону колонн донеслись нежные, странно неземные звуки, как будто бы кто-то в грезах играл на арфе, они прекратились, затем снова начались...

Он внимательно прислушивался, потом он, как будто его что-то тянуло, прошел между столбами к кустарнику, в который можно было попасть только по очень узкой тропинке.

Там была вода, маленький, сумрачный пруд между деревьями, которые склонялись над ним и отражались в нем. Два лебедя ныряли в пятнах света, которые рисовало на воде пробивающееся через листву солнце, вспыхивали и скользили прекрасно и с достоинством дальше, в то время как их тени двигались по легким волнам вместе с ними. По ту сторону родник пробивался над несколькими покрытыми мхом камнями и с тихим шумом журчал в водоем.

Несмотря на журчание, пение птиц и всегда непрерывное, тихое звучание арфы, у Вигберт было впечатление большой тишины, чудесного спокойствия, которое лежало над прудом – как мягкое покрывало, подумал он. И тогда: «Источник молчания», вот же он. Тойдберт говорил о нем. Гора молчания, источник молчания! И ни одной живой души везде и всюду. Или, все же, кто-то здесь есть? Кто все же там, позади, играет на арфе?

Он обошел пруд и увидел, что совсем близко за деревьями стояло какое-то здание, дом с высоким фронтоном и сенями. Также здесь створки двери были открыты, также здесь они и входные столбы были украшены великолепной резьбой. С фронтона свисала толстая золотая цепь. Порог, через который переступил Вигберт, казалось, был сделан из цельного куска янтаря, стены внутреннего пространства блестели от золота и драгоценных камней. Но Вигберт смотрел только прямо: можно было смотреть насквозь через весь дом, по ту сторону мерцающего помещения двери открывались в открытый зал, оттуда сюда внутрь устремлялся свет, и перед залом кто-то сидел, какой-то человек, похоже, мужчина. Он был большим и сидел там очень тихо, темный, неподвижный, также он был окутан молчанием. Лицо его было в тени, но казалось, что он смотрел на Вигберта.

Вигберт стоял как вкопанный и не знал, должен ли был он идти дальше. Почему не двигался мужчина?

- Прости, что я проник сюда, – выдавил он из себя, наконец. – Кто ты?

Но никто не отвечал. Наконец, Вигберт понял. Он приблизился к мужчине. Изваяние, он разговаривал с изваянием.

Это была статуя, в натуральную величину, похоже, красиво вырезанная из дерева и раскрашенная, так же как статуи святых, как Святой Виктор, которого он сам сделал в монастыре. Но это изображение показалась ему еще красивее всех тех, которые он когда-либо видел. – Он совсем как живой, – сказал Вигберт себе под нос, глубоко взволнованный. Молодой человек, без бороды, со светлым лицом и глазами под темными бровями, такими большими и голубовато-серыми глазами, как у отца Виллиброрда. Но вокруг рта, казалось, была тень улыбки,

которой не знали уста отца Виллиброрда. Это был такой прекрасный рот, прекрасный нос, прекрасное лицо. Вигберт просто не мог отвести глаза. – Тот, кто это сделал, был поистине великим мастером, – сказал он.

У сидящего мужчины был сверкающий серебряный нагрудный щит, над ним, далеко отброшенный назад, синий плащ. Он наполовину поднял правую руку, в руке топор, который казался изготовленным из чистого золота. Также он нес золотое украшение на груди. В левой руке он держал лиру, к его правому колену прижимался большой белый лебедь, который, казалось, своей вытянутой шеей и поднятой головой нежно смотрел вверх на лицо прекрасного мужчины.

Бог с топором! Это был он. Но у него были также лира и лебедь, и он был гораздо красивее, чем Вигберт представлял его себе. Красивее и добрее. Теперь, когда Вигберт стоял рядом со статуей, строгость взгляда, кажется, смягчилась, улыбка взяла верх, это была теперь чистая доброта, которую выражало это светлое лицо, величественная доброта, происходящая из превосходящей силы, а не из слабости. Власть над сердцами? Ничего удивительного, подумал Вигберт.

Он отошел назад, чтобы рассмотреть изображение в целом. Перед ногами статуи стояла большая низкая чаша, которая была наполнена пеплом. Здесь, вероятно, в священные времена горел огонь.

За статуей, однако, цвели весенние цветы, белые, желтые и синие, они растянулись вокруг изображения как прелестный ковер. Со стороны, еще под выступающей частью крыши, которая прикрывала статую, всюду цвел куст диких роз, что показалось очень невероятным Вигберту в это время и в этой местности.

Но что здесь не было чудесным? Не оказался ли и он сам там, где нет никакого обычного времени и пространства? Здесь розы, пожалуй, цветут даже зимой, подумал он. Он все еще слышал звуки арфы, совсем близко теперь, то громче, то тише, то жалостливо, то весело, но не было никого, кто на ней играл.

За храмом холм, кажется, опускался вниз более круто. Между деревянными колоннами, которые несли выступающую часть крыши, Вигберт мог взглянуть на светлые просторы, отсюда можно было видеть море, совсем недалеко, сегодня только мягко волнующаяся серо-голубая поверхность тянулась до горизонта.

Вигберт всматривался, но потом он прислушался. То, что он услышал теперь, было уже не игрой на арфе, теперь человеческий голос пел, сладкий и звонкий как голос ребенка, мелодия взлетала вверх и опускалась вниз, слова были непонятны, как будто они принадлежали какому-то незнакомому языку.

Вслед за тем Вигберт увидел певицу, девушку в длинной белой одежде. В руке она несла медный кувшин, который ярко сверкал на солнце. В этот момент она увидела Вигберта, перестала петь и остановилась.

Ее длинное одеяние вводило в заблуждение. У девушки было прелестное молодое лицо, из-под повязки на круглый детский лоб спадал локон белокурых волос. Круглая фибула удерживала длинные скрещивающиеся на груди концы платка. Она вопросительно посмотрела на него.

Вигберт удивился ее появлению. – Дева на горе чудес, – подумал он. Вот ее еще и не хватало.

Он наклонился, чтобы сорвать цветок. Он не знал, почему он делал это, это было как во сне. Он должен был дать ей цветок, и она...

Но тут она заговорила. Она сказала: – Ты ничего не можешь срывать здесь, эти цветы принадлежат богу.

Он быстро выпрямился. – Прости, – пробормотал он смущенно.

- Ты чужестранец, – приветливо сказала она, – поэтому я должна сказать это тебе. Ты один из тех, кто поклоняется Белому Христу, не так ли?

- Да. Ты это поняла по моей одежде?

Она кивнула. – Зачем ты пришел?

Теперь на ее лице появилось выражение, похожее на страх. Казалось, как будто она не знала, убежать ей или остаться.

Вигберт преодолел свое замешательство. Он быстро произнес: – Не волнуйся. Я пришел не для того, чтобы причинить какое-то зло. Мне хотелось посмотреть и послушать, вот и все.

Пока он это говорил, ему пришло в голову, что Тойдберт говорил что-то похожее. Из-за этой мысли кровь прилила к его лицу. Нет, это было все же не так: ведь он не пришел сюда, чтобы проверить, какая вера лучше. У него была твердая вера... Или, все же, нет?

- Ты не хочешь причинить ему вред? – спросила она настойчиво и указала на статую. – Я слышала, что христиане хотят этого. Очень плохо с их стороны.

Она говорила так по-детски уверенно и открыто, что ее слова поразили Вигберта как тяжелый упрек. Снова смутившись, он смог пролепетать только то, что он уже говорил: – Не бойся. Я не хочу причинить никому никакого вреда, ни ему, ни кому-то другому. – Это такое прекрасное изображение, – добавил он невольно, – я никогда еще не видел ничего подобного.

Теперь она приблизилась и подошла совсем близко к нему. – Да, прекрасное, – сказала она, глядя на статую. – Ты видишь, что он улыбается? Он знает все, он понимает все, он очень добр.

- Так он выглядит, – сказал Вигберт. Он думал: дьявол? Нет, поистине, нет. Но это же только статуя... – А ты знаешь, кто сделал эту статую? – спросил он.

Она покачала головой. – Она уже старая, ей несколько сотен зим, я думаю. Ее недавно раскрасили заново.

- Он смотрит на человека так, как будто он жив, как будто он видит, кто стоит перед ним.

- Так ведь он и действительно жив. И он видит, – твердо произнесла она. – Это трудно объяснить. Он существует, он сейчас здесь. Иногда... Это как ты говоришь: изображение. Фоста это бог, он живет очень далеко – в высоком небе...

- На небе? – И он тоже? – едва не спросил он.

- Да. Высоко наверху, еще намного выше облаков. Там он сидит на своем золотом троне, с которого он видит все, все, что происходит в огромном мире, он видит всех людей и заглядывает в их сердца...

Она верит в это? – спрашивал Вигберт себя. Этого же не может быть, ведь это же Иисус Христос сидит рядом с богом-отцом на троне, а не этот бог, он, все же, нет...

- Но, – очень тихо продолжала она, – иногда он бывает у нас. Он является людям во сне и наяву. И я определенно знаю, он входит также в эту статую, которое изображает его точно так же, каким он есть на самом деле. Бывают мгновения, когда он живет в своем изображении, я знаю это, я чувствую это по биению своего сердца.

Она мечтает и грезит, думал он. Она так сильно любит своего бога, что она видит его живым в статуе. Но убедительный тон нежного голоса девушки воздействовал на него как волшебство. Он заметил, что он уже почти поверил в то,

что она говорила. – А сейчас? – спросил он отказывающим ему голосом, – сейчас он здесь?

- Сейчас он здесь, – прошептала она. – Он смотрит на тебя.

- Меня?

Да, он осознал, что это было именно так. Этот взгляд, полный доброты и строгости, понимания и упрека одновременно, глубоко проникал в него. Он с трудом сдерживался, так как его просто тянуло пасть перед статуей на колени.

Близкая арфа зазвенела снова, жалобно и мягко. Птица пролетела мимо, тень скользнула по лицу бога. – Теперь он исчезает, – сказала с глубоким вздохом девушка рядом с Вигбертом. – И мне нужно поливать цветы, – добавила она уже другим, трезвым тоном.

Он увидел, что в сверкающем ведре была вода. С трудом он справился со своим потрясением. – Ты для этого сюда приходишь? – спросил он. – Ты здесь живешь?

- У нас есть дом у подножия холма. Я поднимаюсь каждый день, чтобы напоить цветы бога. Особенно розовому кусту нужно много воды.

Она взяла медный кувшин, который стоял рядом с розовым кустом, и перелила в него воду из ведра. Ее движения были легки и грациозны.

Она выглядит почти как монахиня, думал он. В монастыре на Рейне он видел монахинь в белой одежде и платках, которые были похожи на одеяние этой девушки. Но она слишком мила и прелестна, чтобы быть монахиней, продолжал он размышлять.

Она поливала землю, на которой рос куст. Он сказал: – Я удивился, что здесь уже цветут дикие розы.

- Только этот куст. Здесь под крышей он очень хорошо защищен. Я его удобряю и усердно поливаю.

Она говорила это очень по-деловому, в то время как она снова наполняла кувшин.

Тут снова раздались звуки таинственной арфы. – Что это такое? Он поднял голову. – Играет и играет, и там никого нет...

Она отставила в сторону кувшин. – Посмотри сам, – сказала она и выбежала мимо статуи на открытое пространство. Там спускался вниз поросший травой склон холма. На краю склона росло старое, сучковатое, слабо цветущее дерево. На протянувшейся далеко ветви была укреплена большая арфа необычной формы. – Подойди сюда! Смотри! Ветер играет на ней. Когда он приходит и уходит, он трогает струны. Так он играет днем и ночью.

- Это странно, – сказал Вигберт и легко коснулся струн. – Почему вы прицепили ее здесь?

- Потому что музыка должна быть там, где он. Он не только провозглашает право и наблюдает за тем, чтобы люди следовали законам, и чтобы хороший порядок оставался в мире...

Было видно, что она повторяла то, что слышала от других, вероятно, заученное наизусть.

Она продолжала: – Он изобрел музыку, он учит игре струн и дарит певцам песни – уже давно, с древнейших времен...

- Также ту песню, которую ты пела?

- Да, естественно. Она предназначалась ему.

- Слова там нельзя было понять.

- Уже никто их больше не понимает. Это очень древний язык. Эти священные и старинные песни поют в храме, – повторила она подчеркнуто.

Он возвратился к статуе. – Есть еще кое-что, что удивляет меня, что здесь нет сторожей и запертых дверей. У него золото вокруг шеи. Внутри в храме сверкают драгоценные камни...

- Ты думаешь, что разбойники могут прийти сюда, чтобы обокрасть его?

Она следовала за ним. – Но нет, это невозможно. Ни у кого даже рука не поднимется сделать такое. Даже ужасные пираты преподносят ему дары. Никто не отважится красть на этом острове, даже прикоснуться к священным дарам. Это было бы осквернением.

- И он отомстил бы за это?

- О, да. Удар молнии поразил бы виновного. Немедленно.

- Но ты же говорила, что он добр, – пробормотал Вигберт.

- И он действительно добр. Он справедливый. Он наказывает виновных. Он знает все, я это уже говорила. Он знает, хорошие наши мысли или плохие.

Вигберт вздохнул. Снова, он сам не знал почему, его охватило чувство неразрешимого разлада, не совсем осязаемой вины, которая, все же, казалась неотвратимой.

Тут маленькая рука легла на его ладонь, и приветливый голос произнес: – Не бойся. Ты ведь хороший.

Он покачал головой. Она сказала: – Я это знаю. Я видела, что это так. И он тоже это знает.

Они замолчали. Девушка села на постамент статуи совсем рядом с коленом бога и смотрела вниз. После короткой паузы она произнесла печальным голосом: – Это я не хорошая. Я сделала кое-что, что я не должна была делать, и я все еще делаю это. Я разговариваю с тобой.

- Ты не должна была говорить со мной?

- Нет. Мы не можем разговаривать с молодыми мужчинами, а уж с чужестранцами и подавно. Но, все же, я должна была помешать тебе сорвать цветок. Тогда я и заговорила.

- Мы? Кто – мы?

- Мы это девять девушек, которые служат храму. Ты не понимаешь?

Она серьезно посмотрела на него снизу вверх. – Я святая дева, – произнесла она.

- Святая?

- Да. Ты можешь говорить также «Белая дева». Мы живем у Альбруны в доме девушек. Она многому нас учит. Мы разбираемся в целебных травах и учимся лечить раны, мы поем священные песни и просим бога о дожде, когда царит засуха.

Итак, она, все же, похожа на монахиню, думал он. Он не знал точно, почему эта мысль причиняла ему боль.

- Мы носим священную утварь и предметы во время праздников. Иногда – в свои самые торжественные дни – Фоста носит на голове корону с длинными зубцами из золота. Она мерцает в свете, ты не поверишь, как прекрасно это выглядит. Если ты еще будешь здесь в день летнего солнцестояния, ты сможешь это увидеть. Одной из нас будет дозволено вынести корону из сокровищницы и водрузить ее ему на голову, в то время как другие поют. Я надеялась, что в этот раз я могла бы нести ее. Но теперь, – добавила она печально, – теперь я думаю, что я не могу это сделать, потому что я нарушила заповедь.

- Это потому что ты говорила со мной? Но, все же, это не преступление, – неуклюже попытался возразить он.

- Я посвященная, – сказала она с достоинством.

- Я тоже, – вырвалось у него. И одновременно ему показалось, как будто бы он отодвинулся далеко от нее, как будто бы между ними разверзлась пропасть, которая становилась все шире и шире.

- Ты? Ты тоже?

- Да. Я тот, кого мы, христиане, называем монахами. Я тоже, собственно, не должен был бы...

Он запнулся. – Сидеть вместе с девушкой вот так, – закончил он смущенно, так как теперь он сидел очень близко к ней на каменном постаменте статуи. Неожиданно она засмеялась, звонким смехом облегчения. – Но это же прекрасно. Тогда я вовсе ничего не нарушила. С посвященными я могу говорить, с королем, например. Прекрасно, что и ты тоже посвященный.

- Ты так думаешь?

- Конечно. Мы не можем говорить только с непосвященными, до тех пор, пока мы – служительницы бога. Когда мы покидаем храм и выходим замуж...

- Вам разрешено выходить замуж? – крикнул он.

- Разумеется. Большинство из нас оставляют служение в храме, когда родители находят для них хорошего мужа. Много других девушек ждут того, чтобы стать одой из девяти.

Пропасть, кажется, исчезала. – Однако, это хорошее учреждение, – воскликнул он воодушевленно.

Но потом ему пришло на ум, что пропасть, тем не менее, существовала, и снова он почувствовал боль, которая делала его беспомощным. Теперь солнце уже склонялось к закату, его лучи золотили снаружи деревья на склоне, в то время как под выступающей крышей господствовал мягкий полумрак. Вигберт откинулся назад на своем каменном сиденье и почувствовал колено деревянного бога у своей спины как опору. Разве все не было прекрасно и хорошо? Откуда тогда приходила боль, почему сомнения снова мучили его? Подобно принуждению его охватило желание обнять эту прелестную девушку, которая так доверчиво сидела рядом с ним, и поцеловать ее. Желания такого рода уже иногда посещали его, когда он видел красивых женщин или девушек. Ему говорили, что это были «искушения», за которыми якобы прятался сам дьявол. Он ведь дал обет целомудрия. Жениться, заключить женщину в свои объятия, ничего подобного не могло существовать в его жизни. И теперь он так желал этого, пылко и страстно. Могло ли это тоже быть «искушением»? Злом? Ах, нет, нет. Это было такое прекрасное, сладкое чувство, которое тянуло его к девушке рядом с ним, нежность, в которой ощущалось заботливое почитание и глубокое уважение прелестной невинности розового лица. Все же, такие чувства никак не могли исходить от дьявола, ни за что. Но отец Виллиброрд, вероятно, сказал бы, что зло пользуется самыми удивительными уловками, и он, конечно, утверждал бы, что в том, к колену которого он здесь прислонился, именно и жило это зло и покоряло его своими чарами.

Он неуверенно встал и на несколько шагов отошел от статуи. Девушка продолжала сидеть. – Что? – спросила она и внимательно взглянула снизу вверх на него.

Он не отвечал.

- Я совсем не знаю, как тебя зовут?

- Вигберт. А тебя?

- Лифбург.

- Прекрасное имя. Однако ты разговариваешь не так, как здешние люди...

- Я с Нижнего Рейна.

- Я тоже, – воскликнул он.

Теперь они радостно смеялись. – Я как раз об этом и подумала, – сказала она, сияя. – Вот почему мы понимаем друг друга так хорошо.

- Ах, да, – пробормотал он. Снова боль! Ах да, то, что он чувствовал, было хорошо и правильно, но все равно оставалось то обстоятельство, что он был монахом. Да, и христианином, значит, одним из тех, кому, собственно, здесь было не место.

- Ты из знатного рода?

Он отрицательно покачал головой.

- А я, да, – гордо сказала она. – Мои предки были королями. Здесь на Священном холме они жили очень, очень давно. Поэтому я тоже пришла сюда.

- Королевская дочь? Королевская дочь на Священном холме. Еще и это! – бормотал он.

Она неправильно поняла его.

– Не нужно придавать этому такое большое значение, – произнесла она успокаивающе. – Это давно в прошлом. Теперь мы бедны. Поместье наше маленькое, отец не может дать мне приданое. Поэтому я рада тому, что меня приняли здесь в храме. Здесь прекрасно, и я счастлива, – добавила она.

Да и я тоже был бы здесь счастлив, подумал он. Молча он рассматривал ее. Жалостливые звуки играющей на ветру воздушной арфы с корявой ветви дерева теперь причиняли ему боль.

- Почему ты печален? – спросила она. В ее взгляде было участие.

Он беспомощно пожал плечами. – Я не знаю... Эта музыка...

Это была не музыка, но что он должен был сказать?

Она встала. – Я должна еще раз принести воды. Пойдем со мной к источнику. Там ты снова станешь веселым.

Он в этом сомневался, но последовал за нею. Со своим сверкающим ведром в руке она двигалась впереди него, обогнула здание храма, и пришла к пруду у источника, над которым играли теперь вечерние золотые огни. Лифбург подошла к роднику, который просачивался из покрытых мхом камней. Она немного приподняла свое длинное одеяние, ее оголенные маленькие белые ножки стояли в воде, она наклонилась и поставила кувшин под струйку, и вода потекла в него с серебристым звуком.

Потом она снова поднялась. Он хотел что-то сказать, но она быстро приложила палец к губам. Он понял и молчал.

Она села в ожидании на каменную стену, ноги в воде. Тишина лежала над прудом как туман, как освященный платок, который вылечивает все раны, думал он. Звуки арфы, кажется, были теперь очень далеки, и вскоре они совсем умолкли. По водной глади медленно скользили лебеди, которые, сверкая, то появлялись на свету, то снова исчезали в тени. Лифбург протянула руку, и тогда они приблизились друг к другу.

На ее красивом, подбитом медью поясе висела маленькая сумка. Из нее она брала куски хлебной лепешки и бросала их в воду. Лебеди сгибали гордые белые шеи и хватали кусочки.

Когда кувшин наполнился, Лифбург соскользнула со своего места, взяла его, улыбнулась Вигберту и пошла к храму. Он следовал за нею, ошеломленный, но странно успокоившийся, теперь почти счастливый. Ему казалось, как будто бы эта тишина избавила его от гнетущих сомнений, которые охватили его. Теперь все было гармонией и красотой, и когда он снова стоял перед богом, он мог со спокойным сердцем смотреть ему в глаза и видеть в них одну лишь доброту.

- У него тоже есть лебедь, – сказал он Лифбург, которая поливала свои цветы.

- Он любит лебедей, как и я, – ответила она. – Лебеди служат ему так же, как я. Когда он прибывает на корабле после далекого путешествия из потусторонней страны, они тянут его ладью. Они когда-то тоже были людьми.

- Людьми?

- Да. Это умершие. Избранные. Они могут снова стать людьми, если он захочет. Поэтому я так сильно люблю их, так как они так прекрасны, и так как они наверняка когда-то были хорошими людьми. Я хотела бы после своей смерти стать одним из священных лебедей.

Она стояла, с кувшином в руке, и смотрела вниз на цветы.

- Даже сейчас ты выглядишь как лебедь, – произнес он невольно и добавил совсем тихо слово «лебединая дева».

- Да, – сказала она, – люди нас так тоже называют.

Но потом она быстро подняла голову и внимательно прислушалась. Издали доносился звук, похожий на сигнал рожка. – Посланники! – крикнула она изме-

нившимся голосом. Поспешно она продолжала: – Ты должен уйти. Они послали вестника, ты знаешь. Они идут сюда, чтобы принести дары богу, потому что у них есть просьба к нему. Благородные люди из земли данов, я думаю. Они не должны увидеть тебя здесь.

- Почему?

- Потому что по твоей одежде видно, что ты христианин. Они наверняка рассердятся из-за того, что христианин приходил сюда. У тебя могут быть неприятности.

- Я этого не боюсь, – сказал Вигберт упрямо.

- Но я боюсь за тебя. И за мир здесь. Перед лицом Фосты нельзя спорить и ссориться. А вы спорили бы, как мужчины всегда поступают.

Он засмеялся.

- Я прошу тебя, уходи. И если ты встретишь их по дороге, то спрячься. Бог не хочет, чтобы здесь было шумно. Пожалуйста. Ты мужественен, но в этом случае это бессмысленно.

Эти разумные слова имели для него решающее значение. – Я склоняюсь перед твоим умом, королевская дочь Лифбург, – заявил он с поклоном. – Я ухожу. Но скажи мне, – он подошел к ней совсем близко, – могу ли я вернуться?

- Да, – сказала она.

Ее улыбка наполнила его счастьем. – Дай мне знак! Цветок как ключ к чуду, чтобы я нашел доступ.

Она медлила, затем она наклонилась и сорвала цветок. – Бог разрешает это, – сказала она и подала цветок ему. Это была совсем маленькая маргаритка, розово-белая звездочка. Он так хотел бы прижать ее к губам, но переборол себя и кивнул ей со словами: – Прощай. Я вернусь.

«Лебединая дева», художник Франц Хайн (1863-1927)

Затем он прошел быстрой походкой через середину сверкающего храма, через сени, мимо мировых столбов. На мощеной площади он остановился и обернулся. Лифбург стояла под входом храма и махала ему. Он помахал ей в ответ. Затем он быстро прошел через открытые ворота и брешь в вале и побежал вниз с горы.

Когда он услышал поднимающихся чужеземцев, он скользнул в кустарник на обочине дороги. Там он спрятался и увидел, как они шли мимо, бородатые мужчины в цветной одежде. Они, молча, тяжело шагая, поднимались вверх по дороге, слуги с мешками и ящиками следовали за ними. У вала они оставили свое оружие, он слышал его звон, затем их шаги удалились.

Он еще недолго подождал, прежде чем, быстрым шагом, продолжить свой путь. По пути он смеялся и напевал себе под нос. Теперь в нем больше не было места ни для чего, кроме как для озорной, окрыленной радости. Он нес маргаритку за стебелек, как будто бы это была горящая свеча. «В моей руке я держу ключ к райскому саду», пел он.

Король Радбод

К счастью, уход брата Вигберта и его отсутствие в доме для гостей короля остались незамеченными. Когда Вигберт осторожно прокрался в зал, он увидел, что братья собрались вокруг обоих отцов, которые сидели на скамье, увлеченные пылкой беседой. Он незаметно протиснулся между внимательно слушающими.

Отец Виллиброрд, кажется, вернулся с беседы с королем очень неудовлетворенным. – Почему он вообще принимает меня, если он затем остается глух к божественному озарению? – сердился он.

- Мы всегда должны помнить о том, дорогой брат, – пытался успокоить его отец Вульфрам, – что рекомендация герцога Пипина у него может вызвать не симпатию, а только недоверие. Он заключил союз с Пипином, это верно. Но Пипин Геристальский нарушил уже не один договор и нарушит также и этот, и Радбод об этом знает.

- Ты несправедлив, брат мой.

- Я франк, но христианин может, пожалуй, осознать и высказать то, что и так очевидно. Обращение в наше чистое учение принесло у Меровингов и так же у их майордомов вовсе не те плоды, которых следовало бы желать. Их грехи ужасны, они вопиют к небесам, если я могу так сказать. Но Радбод – это как добросовестный, так и добродетельный человек. Поэтому мы как христиане оказываемся по отношению к нему в плохом положении.

- Добродетельный? – возмутился Виллиброрд. – Как христианский глаз может обнаружить добродетель в слуге сатаны? Так же, как и Онгендио Ютландский, он насмехался надо мной, даже если он, в отличие от того, стремился скрывать насмешку за маской подобающей вежливости. Он спрашивал меня о моих успехах. Он достаточно прямо дал мне понять, что мое проповедование здесь нежелательно. И когда я стал наседавать на него, он тоже начал говорить о той горе демонов, которую они здесь называют «наивысшим святилищем». Но я покажу им, что я думаю об их святилище, я наглядно покажу им бессилие их идола. Этот король должен научиться понимать, что только один истинный бог имеет власть как на земле, так и на небе. Что власть того идола рассыплется на куски перед крестом и рассеется как пыль.

Глаза Виллиброрда пылали, он повысил голос, отец Вульфрам опустил голову, и окружавшие пробормотали проклятие всем чертям и злым духам.

Вигберт выскользнул из зала и вошел в зал, где были мальчики.

Он увидел там Тойдберта, который сидел на пороге, потому что там был свет, и вырезал латинские буквы на покрытой воском табличке. Когда Вигберт подошел к нему, тот поднял глаза и сказал: – Я хочу этому научиться. Может оказаться полезным. Тебя давно не было видно. Где ты был?

Тут подбежал маленький Норберт. Он схватил Вигберта за монашескую рясу. – Почему ты так долго не приходил к нам? Где ты был, где ты был?

Вигберт наклонился вперед. – Я скажу вам это только тогда, если вы пообещаете, что никому об этом не расскажете.

- Мы клянемся, – улыбнулся Тойдберт. – Отец Виллиброрд ничего не узнает. Я могу себе представить, куда потянуло тебя, ты же такой любопытный.

- Где я был, ты этого не знаешь и не можешь представить. Никто не может выдумать ничего подобного.

Теперь они все втроем сидели на пороге, Вигберт говорил себе под нос тихо и мечтательно. – Знаете ли вы, что я был в потусторонней стране, где в мае цветут розы, где арфы играют сами по себе, где королевские дочери дают герою цветок возвращения...?

- Это из сказки, – кричал маленький Норберт. – Рассказывай.

- А я готов поспорить, все же, что ты был в Старом святилище, – сказал Тойдберт.

- Может быть. Но это другое, совсем другое...

- Я не верю, – вмешался в разговор Тойдберт. – Я довольно точно знаю, что там есть: пестро и красиво раскрашенный идол с небольшой позолотой, очаг, каменный стол, на котором лежат священные предметы, стены и колонны покрыты красивой резьбой и блестящим золотом. Серебро, драгоценные камни, запах благовоний... Так ведь бывает во всех значительных храмах, и у вас, христиан, тоже, не так ли?

- Так. Но там наверху есть гораздо больше, цветы, я это уже говорил, невыразимая прелесть, чудесная тишина, чистота, доброта, невинность...

- Даже невинность? Отец Виллиброрд, во всяком случае, не разделит это мнение. Он полагает, что Старое святилище наполнено чертями.

- А там не было никаких чертей? – спросил Норберт со слышимым разочарованием в голосе.

- Нет, никаких. Только тишина и арфа, которая играет сама по себе, и ни один человек не прикасается к ней.

- Воздушная арфа, – Тойдберт снова вернулся к своему занятию письмом. – Давно известная вещь. Она часто находится в святилищах. – Вигберт, ты грезишь. Колдовство там захватило тебя. Главное, чтобы отец Виллиброрд этого не заметил. Иначе он попытается изгнать из тебя дьявола, а это может оказаться очень неприятным для тебя.

- Я тоже хотел бы послушать арфу, – попросил Норберт. – Я могу пойти с тобой?

- Я могу только посоветовать, – сказал Тойдберт, – соблюдать крайнюю осторожность и, прежде всего, вовремя улизнуть, когда отец Виллиброрд отправится к святилищу, а он, по-моему, собирается это сделать. Тогда все там уже больше не будет так тихо, поверьте мне.

- Все же, он не будет – он не может..., – обеспокоенно заикался Вигберт.

- Отец Вульфрам непрерывно отговаривает его, но... – Тойдберт пожал плечами и вырезал на доске латинскую букву «Т», рядом с которой он начертил соответствующий знак острия копья рунного Футарка. – Оба знака почти одинаковы, – сказал он, – и означают они то же самое: «Т» это смерть. Тюр, это великий бог неба, который посылает войну и смерть, и которого отец Виллиброрд тоже считает дьяволом. Смерть, дьявол, скорбь... Похоже на то, как будто бы мы еще здесь можем встретиться со всем этим, – тихо пробормотал он.

Вечером отец Вульфрам со своими спутниками отправился на корабль, который должен был отплыть завтра на рассвете.

Вигберт с несколькими другими братьями утром пошел к северной гавани, чтобы увидеть отплытие единоверцев. Корабль долго лавировал при слабом ветре перед узким входом в гавань, пока ему не удалось, наконец, выйти в открытое море. Постепенно он становился все меньше и исчез в утренней дымке.

Когда Вигберт вернулся в дом для гостей, Тойдберт встретил его. – Слушай, – сказал он, – отец Виллиброрд был у нас в общей спальне, чтобы выбрать трех мальчиков, которых он хочет крестить уже прямо сейчас. Он пощадил Норберта

и меня, к счастью, и отобрал трех братьев из Фюна, которые все равно и так уже всегда бормочут молитвы...

- Он хочет крестить их? Прямо сейчас? Где?

- В том пруду у источника, который ты видел. Он хочет сделать это назло язычникам.

- Тойдберт, но он не может, это же нельзя делать. Вигберт схватился за голову.

- Ты не пойдешь туда, Вигберт, и не будешь пытаться отговорить его от его намерения. Ты сам знаешь, что это не принесет никакой пользы и только лишит тебя того маленького остатка свободы, который у тебя все еще есть.

Вигберт осознавал это. Тем не менее, он оставался в сомнении. Но затем он быстро избавился от всей неуверенности.

Брат Альфред вышел из дома и подошел к нему. – Я как раз ищу тебя, – сказал он Вигберту. Брат Альфред был настоящим великаном, очень сильным и с большими руками. Он был сыном англосаксонского крестьянина, был большим мастером особенно в забое скота и снятии шкуры с животных, и служил группе странствующих миссионеров мясником и главным по обеспечению пищей. Вигберт не любил Альфреда, так как тот был глуп, груб и недружелюбен.

- Святой отец приказал передать тебе: Ты должен немедленно отправиться к королю Радбоду, – проворчал он теперь.

- Я?

- Да, ты. Он посылает тебя. Этот язычник, который обзывает себя королем, должен соблаговолить прислать нам побольше мяса, так ты должен ему сказать.

- Нашему хозяину? Но...

- Никаких «но». Я уже говорил святому отцу, что так дело не пойдет. В конце концов, с нами также эти датские мальчишки, тридцать голодных ртов. Того, что посылает король, едва хватает для нас, монахов. Нам не достает нескольких жирных быков. Вот пусть он нам их и даст, фризский скряга. Можешь сказать ему это немного повежливее, ты же все равно любишь все делать красиво, и с этим делом ты точно справишься, – монах широко ухмыльнулся. – Вот поэтому он и посылает тебя, наш святой, а я для этого дела слишком груб, говорит он, – громко рассмеялся брат Альфред.

- Хорошо, я пойду, – ответил Вигберт. Ничего другого ему и не оставалось. Это поручение не особо воодушевляло его. Упрекать короля, который принял их так гостеприимно, в том, что он отправил им недостаточно мяса... Не посчитает ли он их всех наглыми нищими?

- А как обстоит дело с хлебом и крупой? – спросил он.

- Пока хватает, но этого тоже слишком мало. Можешь тоже потребовать там еще несколько мешков.

Брат Альфред тяжелыми шагами вернулся назад в зал.

Вигберт рукой подозвал к себе Тойдберта. Ему в голову пришло кое-что еще, он сделал несколько шагов назад. – Если вы как-нибудь сможете избежать этого, Норберт и ты, то не ходите к Старому святилищу, если отец Виллиброрд действительно должен... Он запнулся. Тойдберт успокаивающе кивнул.

- Хорошо, что ты тоже должен теперь пойти в другую сторону, – тихо произнес он за спиной Вигберта, когда тот выходил. – Может быть, отец Виллиброрд намеренно убрал тебя с дороги? Не очень вероятно, но возможно.

Вигберт задавал себе тот же вопрос, пока он брел вперед, сначала по той же дороге, что и вчера, потом повернув направо. Он не мог найти решение. Ему не казалось особенно вероятным, что отец Виллиброрд знал или хотя бы догадывался о том, где он был вчера, и насколько сильно пережитое там взволновало его. Чувствительность не была сильной стороной отца Виллиброрда, ясновидящим он тоже не был. Вероятно, он только боялся упрямства Вигберта, которое было ему хорошо известно. Как бы то ни было, Вигберт получил поручение и должен был выполнить его, как бы сильно его беспокоило, опасение и тоска не тянули его в другом направлении.

Когда он приблизился к королевскому двору, тогда любопытство победило в нем. Это любопытство было возбуждено предстоящей встречей с королем, о котором уже так много рассказывали. Но сможет ли он вообще увидеть его?

Король фризов Радбод (годы правления припл. 680 – 719, умер в 719 году).

Он заготовил заранее свою маленькую речь, насколько это получалось. Первым он произнес ее привратнику, который встретил его. Тот сердито покачал головой. Он сказал как раз то, чего боялся услышать Вигберт: – Вы, очевидно, не очень-то скромны, благочестивые братья. Вам посылают то, в чем вы нуждаетесь, а вы еще и не довольны?

- Не могу ли я сам доложить свою просьбу королю? – спросил Вигберт.

- Этого еще не хватало. У господина есть другие..., – привратник хотел сказать слово «дела», но тут высокий мужчина появился на пороге, кивок которого сразу заставил его замолчать.

- Что случилось? – спросил король Радбод.

На короле было длинное, опушенное мехом одеяние, пояс для меча был украшен драгоценными камнями. Тонкое, бледное лицо с маленькими, светлыми

усами выглядело серьезным и несколько усталым. Все же, светлые глаза смотрели на Вигберта умным и пытливym взглядом.

Вигберт поклонился. – Прости, высокий господин, – сказал он. – Я спутник отца Виллиброрда, англосакса, и пришел по его поручению, чтобы передать тебе его просьбу.

- И что же это за просьба? – Король говорил медленно и отчетливо, Вигберт мог понять его фризский язык без труда. И он сам тоже старался произносить слова понятно.

- Высокий господин, это очень нескромная просьба, и мне тяжело произнести ее, но я уполномочен, и это должно быть.

Он говорил это так бодро и открыто с небольшой краснотой и смущенной улыбкой на своем ясном мальчишеском лице, что замкнутое выражение лица короля посветлело. – Ну, тогда говори! – приказал он.

- Речь о том, что наш повар утверждает, что ему не хватает мяса, которое твоя милость любезно посылает нам, и что еды уже недостаточно...

- Но вам было отправлено больше, чем достаточно. Для двенадцати мужчин этого должно было бы хватить. Или это вы так много едите?

Вигберт рассмеялся. – Вовсе нет, господин король. Но у нас не двенадцать, а целых сорок два едока. С нами путешествуют тридцать датских мальчиков.

- Датских мальчиков? Я не знал этого. Как они попали к вам?

- Король Онгендио Ютландский позволил отцу Виллиброрду взять их с собой, чтобы они стали христианами и монахами.

Король нахмурил брови. – С согласия их и их родов или без такого согласия? – резко спросил он.

- С согласия их и их родителей, господин король!

- И они должны стать монахами? И это для них хороший жребий?

- Я думаю да, господин король. Вероятно... Я, например, очень охотно стал монахом. У меня был такой добрый аббат в монастыре Святого Виктора близ Ксантена. Я хотел бы взять некоторых мальчиков со мной туда, они там точно будут

счастливы в моем монастыре, как я был счастлив сам, и у них больше не будет тоски по родному дому.

- А сейчас они тоскуют по дому?

- У некоторых да. Но она успокоится, – утверждал Вигберт весело.

- Ты думаешь? Король рассматривал его задумчиво и несколько скептически. Но он улыбался. Непринужденной открытости Вигберта нельзя было сопротивляться.

- Как тебя зовут?

- Вигберт, сын Веримберта, господин король.

- Судя по языку, ты франк. Как ты оказался среди англосаксов?

- Отец Виллиброрд пришел в наш монастырь, поговорил со мной и взял меня с собой, – просто ответил Вигберт.

- Я бы на его месте поступил точно также, – пробурчал король. – Ты, вероятно, хороший попутчик, да?

- Ах, в моем случае это совсем не так, – ответил Вигберт доверительно, но потом немного испугался и покраснел еще больше. Как он решился сказать это этому чужому королю?

Но король улыбался настолько понимающе, что смущение Вигберта исчезло. – Пожалуй, не всегда очень легко находить общий язык с отцом Виллибрордом и повиноваться ему?

- Ах да, это правда, господин король. Но он великий человек. Он всегда покоряет человека своей речью, которая исходит из его глубокой веры.

- У меня тоже было такое впечатление, – произнес король таким же задумчивым тоном, как и раньше.

Вигберт решился продвинуться немного дальше. – Отец Виллиброрд был очень огорчен тем, что ты, господин король, выслушал его без внимания или расположения, – сказал он живо.

Пока они говорили, они вышли в сени, привратник удалился. Король прислонился к колонне и смотрел на зеленую землю. – Дорогой мой Вигберт, я выслу-

шал его со всем вниманием. Но едва ли можно требовать от меня, чтобы я только ради прекрасной речи из истинного убеждения отказался от веры моих отцов, которая во всем соответствует мне, и в которой я чувствую себя уверенным и в безопасности.

- Да, об этом мы тоже говорили, – выпалил Вигберт неосторожно.

- Кто это мы?

- Мой друг Тойдберт и я. Он...

Вигберт запнулся, ему показалось неподходящим упомянуть здесь о роде Тойдберта.

- Он фриз, – закончил он. – Самый старший из тех мальчиков из Ютландии. Он поехал с нами, чтобы больше узнать о христианстве.

- И как христиане ведут себя, не так ли? Это разумно. В этом, ну, скажем так, есть действительно очень разный опыт. Иногда они ведут себя так, что людей это совсем не привлекает к их вере.

Вигберт это знал. Он убедительно сказал: – Господин король, наш господь Иисус Христос был как человек, и как бог – и он все еще такой – мягким, готовым помочь и добрым, и это не его вина, если некоторые его приверженцы ведут себя совсем иначе. Вы можете мне в этом поверить, мой аббат говорил это, а он всегда говорил правду.

Король смотрел на Вигберта, улыбаясь. – Нужно было бы отправить тебя как апостола вместо этого Виллиброрда, – произнес он вполголоса. Затем он отошел от колонны. – Хорошо, монах Вигберт. Я исполню твою просьбу. Если вам нужно кормить еще тридцать ртов, то, конечно, вам нужно больше еды. Я отправлю вам говядину и еще кое-что к ней. Всего хорошего.

- Большое спасибо, господин король. Это очень хорошо с твоей стороны.

Король любезно кивнул Вигберту и вернулся в дом.

Вигберт вышел из ворот. – Это действительно превосходный человек, – сказал он себе под нос. – Было бы настоящим горем, если бы Тойдберт ударил его кинжалом в ребра только из-за такой глупой старой вражды родов, которую действительно сейчас давно уже пора было бы забыть.

Святылище осквернено

Он вышел со двора энергичными шагами, и уже скоро королевский замок с его кольцами палисадов и маленькими деревянными башнями остался у него за спиной. Он был погружен в мысли, но не настолько сильно, чтобы, когда он хотел двинуться к гостевому двору, не заметить вдали, по ту сторону маленького леса, зеленый холм Старого святилища. Дорога как раз вела в лес, и Вигберт не колебался ни мгновения перед тем, как пойти по ней.

Совершенно неожиданно в нем возникло сильное беспокойство: вероятно, они были теперь там, все, монахи и мальчики... Вигберт видел, как несколько чужих мужчин идут вдоль дороги, они как раз нырнули в тень светло-зеленой листвы. Двигались ли они туда, где Вигберт вчера встретил чудо и красоту? Отец Виллиброрд хотел крестить мальчиков в источнике молчания – и лишь по одной единственной причине: чтобы показать людям здесь, насколько бессилён их бог. Примут ли это эти люди? И был ли этот бог все же действительно бессильным? Вигберт очень сомневался в этом. Вероятно, удар грома с неба действительно поразил бы нарушителей тишины. Темные облака сгущались над морем, деревья светлой рощи, через которую он теперь шел, угрожающе шумели. Перед ним все еще были мужчины, они шли быстро. Не прибегнут ли они, в конце концов, к оружию? Лифбург: кто знал, не поливала ли она в это время цветы – она хотела поливать их в мире, с пением под звуки арфы? В какую неразбериху она могла бы попасть? Вдруг ему стало ясно, что он шел здесь для того, чтобы защитить ее, если он сможет, чтобы сказать отцу Виллиброрду... Но этот человек был словно из железа, он всегда делал все, что он намеревался...

Вигберт не знал, что он хотел или мог сделать, он знал только одно, что он должен был быть там, где, вероятно, теперь происходило что-то, что потом никогда нельзя будет исправить.

Посреди леса была поляна, где бил родник, высокие камни окружали его кольцом, как будто бы и он был святым местом. Вероятно, он также и был им, но Вигберт не задержался у родника, а последовал за течением узкого ручья, который исходил от источника.

Скоро он вышел из леса. По ту сторону плоских лугов неподалеку возвышался холм. Маленький ручеек впадал недалеко в тот канал, по дамбе которого Вигберт вчера достиг холма. Там шли люди, но у Вигберта не было желания смешиваться с ними. Почему все они двигались к святилищу? Он видел также блики шлемов – вооруженные? Он должен был попытаться добраться до храма другой дорогой.

Узкая тропа вела справа к обратной стороне холма, он поспешил по ней. Он пересек канаву по переброшенным через нее доскам, местность стала более высокой, тропка терялась в траве. За деревянным забором склон холма поднимался вверх, наверху он увидел деревья и фронтон. Здесь он по прямой мог попасть к дереву с арфой и к идолу.

Вигберт легко перелез через забор. Теперь он оказался в загоне для скота, он это видел. В удаленном углу забора теснились, как будто напуганные, коровы и телята, между деревьями носился красно-коричневый бык – он исчез, и Вигберт пошел дальше вверх.

Вдруг он увидел мужчину в темной одежде, который склонился над тушей животного. Он пытался поднять ее. Наконец, ему удалось забросить тушу на плечи... Теперь мужчина тащил свой груз по склону вверх. Вигберт разглядел, что на нем была ряса – монах?

Он скоро настиг его. Да, это был брат Альфред, который со стоном и пыхтением нес в гору мертвого теленка.

- Брат Альфред, – крикнул Вигберт, – что ты здесь делаешь? Откуда у тебя этот теленок?

Брат остановился, вытер пот со лба тыльной стороной ладони и широко ухмыльнулся. – Убил. Поймал петлей, камнем убил. Так это делают, мой мальчик.

- Здесь? Здесь внутри ограды?

- Конечно. Если этот король хочет, чтобы мы умерли с голоду, то мы сами найдем себе пропитание.

- Но он же отправляет нам то, что нам нужно, – закричал Вигберт возмущенно. – Ведь тебе совершенно не нужно красть скот. Мы получаем мясо в изобилии.

- Ты был у него?

- Да, и он был очень благосклонен ко мне. Согласился на все...

- Так, так. Может быть или нет. Как можно доверять язычнику. Действовать самому всегда лучше, чем полагаться на других. Ну, взяли!

Он снова взвалил на себя свою ношу.

- Ты должен был снять с него шкуру и разделать, – невольно посоветовал Вигберт.

- Я так и сделаю там наверху. Помоги мне нести.

- Таскать украденный скот? Это не работа для христианина, – сказал Вигберт, однако, тем не менее, схватил теленка с другой стороны.

Они вместе шли и несли. – Ты один здесь? – спросил Вигберт. – Или другие...

Альфред снова остановился и показал большим пальцем на храм, крыша которого возвышалась в небо теперь уже близко от них. – Все там. Купают детишек. Я устрою крестильное пиршество. Снова он громко засмеялся.

- Значит, все же, крестины? Вигберт выронил копыта теленка, они тяжело ударились о землю.

- Гопля! – закричал Альфред, все еще смеясь. – Что, силенок не хватает, наш резчик по дереву? Вот, взгляни!

Он, наконец, оттащил теленка на вершину холма, где бросил его наземь. – Так, теперь снимем с него шкуру. И когда дрожащие дети язычников, души которых только что спас благочестивый отец, вылезут голодные из воды...

Он вытащил нож из-за пояса и начал точить его о камень.

Вигберт стоял как парализованный. Да, там был открытый зал, там сидел бог, который повернул к нему покрытую синим плащом спину, там были цветы. Его взгляд невольно искал: нет, белая фигура с блестящим кувшином в руке не огибала дом. С той стороны храма доносился звук голосов, крики, пение. Люди были поблизости... На ветвях груши висела арфа. Порыв ветра налетел с моря, она зазвучала мягко и жалобно...

Брат Альфред поднял голову, он уже сделал первый надрез в шкуре своей добычи. – Что это там за завывание? – спросил он. – Языческое колдовство, или что?

Он уже стоял возле дерева и протянул руку. Но Вигберт очнулся от своего оцепенения, подскочил к нему и схватил его за протянутую руку. – Оставь это, оставь!

Они боролись. Брат Альфред был гораздо сильнее Вигберта. Он потрянул его руку и схватил его за сустав. Но потом он рассмеялся и отпустил его. – Я мог бы

вывернуть тебе сустав, мальчишка. Но зачем? Если эта музыка горя нравится тебе...

Добродушно бурча, он вернулся к своей работе.

Теперь, однако, шаги и голоса приближались. Из-за угла храма появились мужчины в шерстяных камзолах. Они остановились, когда увидели двух монахов. Сначала они бормотали угрожающие слова, потом Вигберт понял, что кто-то из них закричал: – Этот парень зарезал одного из священных быков.

Также брат Альфред понял. Он посмотрел на мужчин. – Священный, как это так? Священные коровы? Так это еще лучше, ведь тогда это даже заслуга – резать скот язычников, это зачтется мне на небе, не так ли?

- Ты злодей, ты,- закричал в ответ один из крестьян. – И ты еще и смеешься? Вы все осквернители святынь, и этот тоже, все вы, – мужчина указал на Вигберта.

В этот момент, однако, с той стороны храма донесся крик, пронзительный, звонкий и жалобный, крик смерти живого существа – человека, животного? Вигберт почувствовал его, как будто нож вонзился в его сердце, это заставило его вскочить. – Что это? – с криком пронесся он через ворота храма и на другой стороне снова выбежал из здания. Шаги мужчин были за его спиной, все последовали за ним, только брат Альфред остался.

Вигберт подобрал свою ряску, которая мешала ему двигаться, он бежал так, будто спасал свою жизнь. Вот уже пруд, где собрались все братья, отец Виллиброрд... Запыхавшись, Вигберт остановился и осмотрелся.

Возле струйки родника стояли, дрожа, как и говорил брат Альфред, три крестника в их длинных белых рубашках, с мокрыми волосами и растерянными лицами. Рядом с ними отец Виллиброрд, высокий, выпрямившийся, возвышающаяся фигура пророка. Он протягивал руку и что-то кричал, но Вигберт уже больше не понимал его слов. Так как теперь он увидел обоих лебедей в береговом камыше, белое оперение между листьями и зеленью. Один лежал там мертвый с вывихнутой шеей, другой еще слабо двигал крылом, в то время как два монаха, вооруженные большими камнями, стояли возле них.

Вигберт закричал и побежал к ним. – Что вы делаете? Что вы делаете? Лебеди, лебеди бога!

Он попытался схватить одного из монахов за руку, но тот оттолкнул его в сторону, другой поднял свой камень и с размаху ударил им по голове еще живого лебедя, так что тот, дернувшись, затих. – Так, – сказал брат удовлетворенно, – вот и все. Теперь отдых.

- Как вы могли это сделать? Как вы могли? – закричал Вигберт, вне себя от боли и ужаса. Слезы лились у него из глаз. Он пристально смотрел вниз на белое оперение, которое теперь больше не двигалось. – Они были так прекрасны, шептал он. – Лифбург любила их...

Несколько мгновений ему показалось, как будто бы она сама лежала там, белая, мертвая и уничтоженная, в камыше и траве. – Лифбург – лебединая дева...

Оба брата не поняли его шепот. Тот, который нанес последний удар, отбросил камень. – Чего же ты от нас хочешь? – спросил он. – Они набросились на нас, они хотели помешать святому действию. Отец Виллиброрд приказал убить их. Теперь вырвался дьявол, который жил в них.

- Отец Виллиброрд приказал, – повторил Вигберт. Внезапно неистовый гнев вспыхнул в нем. Он большими шагами пошел туда, где Виллиброрд еще стоял рядом с источником. Он закричал на него: – Ты сделал это, ты. Ты убил красоту, ты убил все, что было чистым и святым. Кто, все же, здесь зло, кто дьявол, который разрушает мир бога? Ты, только ты...

Вигберт был настолько вне себя, что его голос сорвался.

Отец Виллиброрд уставился на него. Его большие глаза широко раскрылись в огромном удивлении. – Что ты себе позволяешь? – спросил он вполголоса, – что вселилось в тебя, Вигберт? Одумайся. Или ты не знаешь, что ты сам во власти чар зла, которое ослепляет тебя, которое заставляет тебя говорить мне – мне – такие слова? Не стыдно ли тебе, что ты говоришь подобно идолопоклоннику, защищаешь творения и олицетворения сатаны? На колени, покайся!

Теперь его голос гремел с могущественным звуком.

- Нет, – закричал Вигберт в ответ. – Больше нет, больше никогда. Раз и навсегда я покончил с тобой и подобными тебе, ты плохой служитель бога, который разрушает его самые прекрасные творения, не может ничего лучшего, чем убивать и осквернять. Я отрекаюсь от тебя, я больше не хочу иметь с тобой ничего общего.

Отец Виллиброрд повернулся к нему спиной. – Образумьте его и заставьте замолчать, – сказал он братьям, которые испуганно пришли на звук громкого спора.

Брат Ансельм положил Вигберту руку на плечо, но он больше ничего не успел сделать, так как теперь крики, доносившиеся с другой стороны пруда, звучали уже совсем громко. Там стояли, плотно столпившись, крестьяне, и к ним присоединялись уже другие. Они трясли кулаками, поднимали вверх руки, и глухой рокот заглушали громкие крики: – Осквернители святынь! Мерзавцы! Убийцы и воры!

- Они убивают лебедей, потому что хотят сожрать их, – кричал один.

- Нужно было убить их как шелудивых собак, – рычал другой.

Какой-то голос пытался успокоить собравшихся: – Это гости короля, подумайте об этом.

- Хорошенькие гости. В благодарность королю они портят то, что принадлежит ему. Оскорбляют богов, насмеваются над Фосите.

Отец Виллиброрд обратился к разгневанным людям. Над темной водой он закричал своим звучным голосом: – Молчите, люди, и покоритесь тому, кто выше вас и ваших лживых богов, настоящему и истинному богу. Это он, кто ставит здесь свои знаки. Где же власть ваших идолов, где молния сверху, которая должна была поразить нас? Даже гром нельзя услышать. Здесь лежат мертвыми в камыше создания дьявола, здесь в этой воде, которую вы в глупом суеверии называете святой, я от имени святой Троицы освятил трех мальчиков в христиан. Ваши так называемые боги молчат в ответ на это. Поэтому и вы тоже замолчите теперь...

- Сам замолчи!

Сначала люди стихли. Так было всегда: голос Виллиброрда заставлял прислушиваться к нему, он сковывал и зачаровывал – вначале.

Тогда, все же начались возражения. – Красивые речи – это еще не все, священник, – закричал кто-то. – Нужно также и поступать красиво. А вы – убийцы и осквернители вопреки вашему настоящему и истинному богу, да еще и воры, которых следовало бы повесить...

Тут Вигберт поднял голову. Он стоял между монахами и боролся со своим возбуждением и своим гневом. Теперь со стороны храма проникал резкий запах

гари, который испугал его. Он посмотрел туда. Темные облака дыма, кажется, поднимались из сеней храма. – Боже мой, что же это там случилось? Неужели еще и пожар?

Вигберт уже бежал между кустами и деревьями и ворвался в дым. – Пожар, – кричал он, – пожар!

- Спокойно! – ответил ему низкий голос. Там стоял брат Альфред посреди облаков дыма. – Что же ты так кричишь? Мой маленький огонь как раз немного дымит, и кожи пахнут плохо, но этого не избежать.

Теперь Вигберт увидел, что брат Альфред разжег сильный огонь в чаше у ног идола и сжигал в нем куски шкуры зарезанного тельца. Дым разъедал Вигберту глаза, он протер их, и тогда он увидел такую картину: хворост был уложен слоями до самой чаши, поднимающиеся языки пламени обжигали деревянную статую, ее ноги в позолоченных сапогах и кромка синего плаща уже обуглились, и очень скоро все изваяние должно было загореться.

- Бог! Статуя! – запыхавшись, с трудом воскликнул Вигберт. Он вытащил длинное полено из пламени и принялся бить им по огню, разбрасывая в стороны хворост и кожи.

- Что ты делаешь? – закричал Альфред и хотел остановить его.

Но Вигберт как раз получил помощь. Крестьяне, как и он, прибежали к огню, они вместе с Вигбертом вытаскивали из костра все горящее, били, топтали огонь ногами, пока брат Альфред, сраженный чьим-то ударом, ругаясь, лежал на земле.

С черным лицом, в подгоревшей рясе и с ранами от ожогов на руках Вигберт исследовал повреждения статуи.

– Все не так уж плохо, – сказал он, вздохнув, – только ноги и кромка...

Высокий мужчина в крестьянской одежде склонился с ним над почерневшими ногами статуи. – Правильно, – заметил он. – Надо будет отмыть и заново покрасить, тогда он будет как раньше.

Вигберт поднялся и вытер рукой грязный лоб. – Могло бы быть и хуже.

Он видел, как мужчины стоят вокруг еще тлеющего хвороста, и сказал упрашивающим тоном: – Только не наступайте на цветы, отойдите от розового куста. Помните, что вы в святилище!

- Это он должен был об этом помнить, – закричал один и указал на брата Альфреда, который пытался подняться с земли. – Это он захотел поджарить здесь свою разбойничью добычу.

Рядом с огнем лежали сложенными толстые куски мяса.

- Крестильное пиршество, – ворчал Альфред ошеломленно и ощупывал растущую шишку на лбу. – Уходите прочь, язычники, уходите. Крестильное пиршество должно быть.

- Убивать священных коров, жрать ворованное мясо в святилище, вы этого хотите, шайка воров. Но вы скоро получите заслуженное наказание – все вы в ваших бабьих юбках.

- Вот этот правильный человек, – сказал высокий мужчина и положил Вигберту руку на плечо. – Он храбро боролся с огнем.

Вигберт улыбнулся крестьянину. Дикое возбуждение теперь покинуло его. Он чувствовал даже что-то вроде удовлетворения: статуя – бог, он, все же, по крайней мере, смог воспрепятствовать уничтожению самого красивого.

Теперь вокруг него было много людей, и когда он огляделся, он увидел, что мужчины в кожаных доспехах и в шлемах прокладывали себе путь через толпу. У них не было ни копий, ни мечей, с оружием никто не мог вступать в святилище, но это были, без сомнения, воины короля. – Здесь еще двое, задержите их, – приказал самый передний.

Брата Альфреда схватили и, несмотря на его неуклюжие попытки защищаться, связали. Когда командир взял Вигберта за руку, высокий крестьянин подошел к нему, чтобы защитить. – А этого отпустите, – сказал он. – Он смело помогал нам тушить огонь и при этом сильно обжег руки.

- Да, – дополнил другой, – это правда, это он первым закричал: «Пожар!» И он очень красиво высказал своему предводителю мнение, лучше, чем мы сами смогли бы это сказать.

На Вигберта во всем этом хаосе печали, гнева и гордости, который был в нем, странным образом подействовало хорошо, что эти чужие ему язычники так заступались за него. Ему вдруг показалось, как будто он был среди настоящих друзей. – Спасибо, – говорил он, улыбаясь, своим защитникам.

Предводитель стражи пожал плечами. – Это может быть так или нет, но я, все же, должен связать и его. Король, а не я решает, кто виновен, а кто нет. Приказ звучал: «все христиане», и я должен точно его исполнять.

- Кто же вас прислал туда?

- Король, кто же еще? Прискакал конный вестник. Тогда сразу последовал приказ: Вперед! Задержать всех христиан, они устроили безобразие в Старом святилище. И ведь они действительно это сделали, разве не так? – Вперед, – сказал он довольно дружелюбно Вигберту. – Ты пойдешь добровольно? Я должен связать тебя – это верно – твои руки выглядят нехорошо, но я с этим не могу ничего поделать. Ты позже получишь целебную мазь, и если ты действительно невиновен, то с тобой определенно не случится ничего плохого.

Он осторожно связал Вигберту руки.

Они проходили мимо храма и мимо пруда. Там было теперь снова тихо. Родник мягко просачивался в водоем, в камыше еще лежало неподвижное, белое оперение лебедя. Солнечные искры играли над ним и бросали мерцающие пятна света на воду. Далеко впереди сверкали шлемы, там связанные монахи, один за другим, шли к воротам святилища. Последними шли три всхлипывающих крестника, тоже окруженные воинами.

- Эти мальчики так же невиновны, как и я, – обратился Вигберт к своему сопровождающему в доспехах.

- А наш приказ их вовсе и не касается, – успокоил тот его, – они возвращаются на гостевой двор, они же еще дети и вовсе не христиане.

Вигберт не стал прояснять этот вопрос командиру стражи. Ему хотелось смеяться, так как теперь все, что происходило, казалось ему странно бессмысленным, но он еще не мог смеяться, только вздыхать, так как руки очень болели у него, и гнев и печаль все еще лежали тяжелым грузом у него на сердце.

Под стражей

Три ночи и три дни провели двенадцать христианских служителей бога как пленники в цитадели королевского двора. С ними не обращались плохо. Помещение, в котором их держали, было большим, сухим и полным воздуха, пусть даже и темным, так как лишь маленькие окошки под крышей впускали слабый свет. У монахов были соломенные тюфяки и одеяла, несколько скамей и столов

были здесь. Еда, которую давали им, была хорошей и в достатке, слуги приносили и уносили чаны для естественной надобности и ведра с водой для умывания, у них ни в чем не было недостатка. Они могли безмятежно распевать свои псалмы, проводить свои молитвы и богослужения в положенное время, как они привыкли, потому что все их вещи вместе с дарохранильницей и предметами алтаря были доставлены им.

Также у Вигберта была возможность основательно умыться, и один человек, который, возможно, даже был лекарем короля, смазал ему ожоги и перевязал руки. После этого боль ослабла, но Вигберту от этого почти не стало легче. Он сидел целыми днями на своем соломенном тюфяке, размышлял и сердился.

Никто не говорил с ним. Время от времени братья подходили и уходили, занимались какими-то мелкими делами, приглушенными голосами беседовали друг с другом, пели и молились, когда наступало время молитвы, и не удостоивали Вигберта ни словом, ни взглядом. Он должен был сам получать еду, никто не подавал ее ему. И так как они исключили его из их общности, он оставался сидеть, когда они пели, и только иногда неохотно произносил вместе со всеми несколько слов молитвы.

Он чувствовал себя отвергнутым, изгоем, и это ранило его больше, чем он мог себе представить. Он был человеком, у которого была потребность быть хорошим другом для всех, кто окружал его. Хотя он думал, что ему не особо нравятся эти люди, которые все были англосаксами и людьми другого склада, чем он, также совсем ничего не понимали в искусстве и не любили вырезанные из дерева изображения, то, все же, он ощущал, что он чувствовал себя принадлежащим к ним и страдал теперь от их показного презрения.

Он был очень зол на них из-за их поведения. Они вели себя действительно так, как будто бы это он нанес поистине какой-то огромный вред, хотя на самом деле все обстояло как раз наоборот. Это они напали и разрушили то, что было для него чудом и восхищением. Ему казалось, будто он нашел чудесную драгоценность, а они отняли ее у него, бросили в грязь и растоптали. Он все еще видел перед собой мертвых, задушенных, убитых лебедей и беспрерывно думал о том, как Лифбург будет оплакивать их и оскверненную тишину. Ах, и, в конце концов, она же подумает, что и он участвовал в этом злом деянии, и с презрением отвернется от него. Она говорила, что он хороший, теперь она больше не скажет так. Что же это за мир, в котором все могли презирать одного бедного парня, который не сделал совсем ничего плохого, а только защищал то, что было красивым и святым?

Что касалось братьев, то они, естественно, только следовали примеру и приказам отца Виллиброрда. И именно он сделал Вигберта отверженным. С братом Альфредом он говорил долго и подробно, порицал его, так как тот зарезал теленка и хотел дать мясо им для пропитания. Это была, конечно, кража, которая привела их всех к неприятностям, и которые были заслужены. Брат Альфред встал на колени и не защищался, а говорил, что он раскаивается.

Но отец Виллиброрд не раскаивается, думал Вигберт. Он наблюдал за этим высоким человеком, как он ходил туда и сюда, медленно, твердым шагом, с четками в руке. Он шевелил губами в молитве, но он смотрел не покорно вниз на свои руки, а прямо вдаль, на то, что он, пожалуй, видел внутренним глазом за деревянной стенкой этой тюрьмы. Он видит свое собственное величие, подумал Вигберт внезапно, свое большое будущее как епископа, вероятно, даже как папы в Риме, кто знает? Он ни на мгновение не боится, что Радбод всерьез может поднять руку на него, на него, великого посланника истинного бога и герцога Пипина в землях франков. Я только рад тому, что смог прокричать ему в лицо о его вине, и я не сожалею ни о чем. Я рад, что он не разговаривает со мной. Я совершенно не придаю этому значения, мне все равно.

Однако пришел тот час, когда отец Виллиброрд заговорил с Вигбертом. Вечером он неожиданно подошел к нему и заговорил. – Ну, Вигберт, – спросил он. – Ну и как это? О чем ты размышляешь? Теперь ты уяснил самому себе все обстоятельства твоего предательства?

Сердце Вигберта билось сильно. Но он продолжал спокойно сидеть, упершись локтями в колени и положив подбородок сцепленные ладони. – Я никого не предавал, – сказал он.

- Никого? А разве ты не предал нас, твоих братьев? В тот самый миг, когда я противостоял орде разозленных язычников, ты выступил против меня, встал на их сторону, и тем самым увеличил опасность, которая существовала для всех нас. И, Вигберт, разве ты не предал, что еще хуже, живого бога, который твой, как и мой господь, и которому ты клялся в верности?

- Я не предал его, – воскликнул Вигберт. – Я, я – бог не хочет, чтобы от его имени происходили такие вещи, вроде тех, что вы сделали, нет, этого он не хочет. Теперь Вигберт дрожал от возбуждения.

- Откуда ты можешь знать это, ты, неопытный мальчишка? Или ты настолько самонадеянный, что веришь, что бог откроет тебе, чего он хочет или не хочет, и скроет это знание от меня? Опомнись, учись скромности.

Отец Виллиброрд говорил тихо, но в помещении царила большая тишина, и Вигберту казалось, что он действительно видит, как все монахи наострили уши, чтобы услышать, как его отчитывают. Это возмущало его еще больше. – Я знаю, что я знаю, – выкрикнул он с покрасневшим лицом.

- Ты ничего не знаешь. Опомнись, я говорю. Исследуй свою душу. И ты испугаешься того, что ты там найдешь. Вигберт, я видел, как ты сидишь и размышляешь, два дня, и я думал, что ты узнал корни своего бунтарского поведения, как я узнаю их.

- Что еще за корни?

- Побуждения грешной похоти, Вигберт. Я из собственного опыта знаю, как легко подобное поражает молодых мужчин и насколько тяжело справиться с этим. Ты, как мне говорили, во сне несколько раз произносил женское имя...

Вигберт вскочил. – Вы даже подслушиваете, что я говорю во сне? – закричал он. Монахи уставились на него.

- Чтобы помочь тебе, Вигберт.

Теперь голос отца Виллиброрда звучал необычно мягко и почти упрасивающим тоном. – Ты не хочешь признаться, что ты уже раньше был в том месте языческого колдовства и поддался там тем чарам, во власти которых ты, к сожалению, все еще находишься?

Мой добрый старый аббат уладил бы это в исповедальне и не рассуждал бы об этом так, чтобы это могли слышать все, подумал Вигберт в ярости.

Он упрямо ответил: – Да, за день до этой беды я уже был в Старом святилище, и это не тайна. Я нашел там не языческое колдовство, а тихий пруд, по которому через свет и тень плавали самые прекрасные лебеди. И я нашел статую, такую прекрасную, что только великий резчик мог сделать ее. И, – он смело поднял глаза и посмотрел отцу Виллиброрду прямо в лицо, – она смотрела на меня глазами, которые как твои, только они смотрят более заботливо и добрее, а не холодные как лед.

Вигберт не ожидал, что его слова поразят великого апостола. Он заметно испугался, да, он стал еще бледнее, чем он был обычно. – Глаза как мои? – прошептал он.

- Да, – ответил Вигберт. Твердо и ясно он продолжал: – Это изображение бога, отец Виллиброрд, в нем не живет дьявол.

- Но как ты можешь знать это, откуда ты можешь это знать? – шептал отец Виллиброрд.

- Я это знаю. В нем так же не живет дьявол, как в тебе.

Отец Виллиброрд вздохнул. Затем он, кажется, успокоился. Он снова смотрел строго. – И, Вигберт, что было там еще? Не было ли там также женщины?

- Да, – ответил Вигберт, который теперь чувствовал себя совершенно свободным. – Там была девушка, изящная, прелестная дева, которая поливала цветы. Она сказала, что она – святая дева...

- Святая дева?

В этом вопросе слышалась насмешка, и она рассердила Вигберта еще больше.

- Да, и она такая и есть на самом деле. Она посвященная, как я. Она говорила, что мы и поэтому могли понять друг друга, а также еще и потому, что мы оба родом с Нижнего Рейна.

- Вигберт, Вигберт, искуситель скрывается в самых различных образах. Не чувствуешь ли ты склонность – ну, ты понимаешь, что я имею в виду...

У Вигберта появились слезы в глазах. – Да, – воскликнул он, – да, но, все же, в этом не было ничего плохого. Никакого зла. Никакого дьявола. – Отец Виллиброрд, ты думаешь только о плохом, но это не так, ибо там не было ничего плохого...

Он ударил обоими кулаками себя по коленям.

Высокий мужчина молчал несколько мгновений. Ведь во всей его самоуверенности он все же был способен увидеть, что здесь с ним разговаривала истинная невинность. Сделав несколько глубоких вдохов, он склонил голову. – Сын мой, прости меня, – сказал он.

Вигберт этого не ожидал, и это потрясло его. Он опустил лицо в открытые ладони отца Виллиброрда, которые мягко удерживали его, и заплакал.

Наконец – после длительной тишины – отец Виллиброрд заговорил. – Я недооценил твою неопытность, сын мой. Ты еще невинен, даже если по своей неопытности ты попал под власть чар, которые могут нанести тебе большой вред и разрушить твою чистую душу. Только чтобы сохранять тебя от этого вреда, я разговариваю с тобой так, как сейчас. Это мой долг предостеречь тебя. Ты вы-

рос в монастыре, причем в таком монастыре, в котором над всем царила любовь бога, я видел это, когда я был там. И поэтому ты еще ничего не знаешь о бесконечно ловких и хитрых уловках, которыми пользуется сатана. Но поверь в этом деле моему опыту: с помощью твоей внутренней силы и самовоспитания отмежуйся от этих слишком красивых изображений, которые тебе так понравились.

Он говорил очень убедительно.

Вигберт сидел и утирал слезы. Он хотел что-то сказать, но отец Виллиброрд жестом руки попросил его молчать. – Я думаю, ты научился любить нашего господа Иисуса Христа в твоём монастыре, Вигберт.

- О, да, научился.

- Любишь ли ты еще его? Ты киваешь? Тогда твердо храни эту любовь в своём сердце и не позволяй ничему другому вытеснить ее оттуда.

- Да, я люблю и почитаю его, – пылко сказал Вигберт. – Он мягок и добр, мой аббат часто говорил так.

- Он кнутом выгнал продажных торговцев из храма, как говорят. Он порицал своих апостолов, если они вели себя глупо. И он придет в день Страшного суда на облаках в небе, чтобы судить живых и мертвых. Для бога недостаточно быть только мягким и благосклонным, Вигберт, так как его борьба с жестоким противником продолжается целую вечность...

И этого также недостаточно для апостола господа, ты это хочешь сказать? – спросил безмолвно Вигберт. Вероятно, ты даже прав...

- Хорошо, Вигберт, – отец Виллиброрд закончил спокойно и достойно. – Ты простил меня, и я прощаю тебе твой бунт против меня, замещающего здесь твоего аббата. Теперь мы лучше понимаем друг друга. Теперь пойдем со мной, и пой с нами.

И Вигберт встал рядом с монахами и запел с ними.

Королевский суд

На следующий день рано утром у пленников появились три посланца короля. Двое из них безмолвно остановились у двери, один, достойный господин в до-

рогой одежде, подошел к отцу Виллиброрду и обратился к нему. Он мог быть одним из доверенных лиц короля, вероятно, даже его родственником.

- Я должен объявить вам, какое решение было принято насчет вас, – сказал он. – Сначала король Радбод созвал свой совет, чтобы разобраться с этим злым делом, которое, к сожалению, не является простым случаем. На всем острове царит большое возмущение из-за событий в Старом святилище и его осквернения. Ежедневно представители жителей острова приходят к королю Радбоду и требуют смерти осквернителей. По нашим уставам это требование оправдано. Поэтому король должен был решиться рассматривать это дело как случай жизни и смерти.

Господин сделал полную глубокого значения паузу. Монахи молча стояли вокруг отца Виллиброрда. Но некоторые из них содрогнулись. Собственно, никто не рассчитывал на то, что двенадцати спутникам может угрожать смерть. Они думали, что приговором короля в самом худшем случае будет их высылка. Их прежний опыт в языческих странах не подготовил их к такой строгости. Даже если в них иногда бросали камнями, апостолы пользовались защитой соответствующего короля или князя, даже когда они там и тут опрокидывали идола или валили священное дерево. То, что язычники были гораздо терпеливее и терпимее, чем они сами, казалось им совершенно естественным, как же эти люди могли бы также с такой глубокой любовью быть привязанными к своим демонам, как они сами к единственному и истинному богу? Еще они едва ли могли поверить, что король язычников, который лишь недавно потерпел поражение в битве, на самом деле решится посягнуть на них.

Отец Виллиброрд резко сказал: – Если мы должны будем умереть здесь смертью мучеников, то герцог Пипин Геристальский определенно спросит, что случилось с нами.

Посланник короля откашлялся. – Святилище бога на Фоситесланде – это не какая-то маленькая роща богов, которых существует много. Это – и причем уже много тысяч лет – центральное святилище всех объединенных фризских племен, и оно раньше пользовалось властью и уважением еще далеко за пределами фризских земель. Когда-то франки посылали свои дары сюда, также они почитали господина права и света. Герцог Пипин наверняка будет считаться с этим фактом. Он не захочет, чтобы самая важная и благородная святыня его союзников была обесчещена, хотя сам герцог и христианин. Наш господин король заключил договор с ним, он, как уже было сказано, его союзник, и он попросит герцога, чтобы тот больше не отправлял людей, которые оскверняют и разрушают то, что дорого нам с древнейших времен.

Снова пауза. – Ну, и что теперь? Что? – спросил отец Виллиброрд с той же самой резкостью, как и раньше.

- Фризское право осуждает вас, господа. Тем не менее, король Радбод в своей мудрости учел то, что эта не случай обычной кражи или нарушения общественного порядка, а в первую очередь случай, который касается бога. Таким образом, король решил предоставить это дело божественному решению. Согласно старому обычаю, он попросил на протяжении трех ночей бросать палочки жребия, чтобы узнать мнение богов. Все же, этот опрос не дал удовлетворительный результат. Бог молчит. Пророчица святилища До сих пор не высказалась. Итак, король постановил, чтобы вы сегодня явились перед его судом, который вынесет вам приговор. И поэтому, – сказал господин торжественным голосом, – я просил бы тебя, Виллиброрд из земли англов, и твоих одиннадцать спутников, с соблюдением всех правил, без сопротивления и возражений, проследовать на поле для проведения тингов и предстать перед правосудием короля.

- Ничего другого нам и не остается, – ответил отец Виллиброрд пренебрежительно, наполовину повернувшись к королевскому посланнику. – Пойдемте, дорогие братья. У нас нет причины бояться суда неправедных. Каким бы ни был их приговор, он может поразить только наши тела, но не наши души. И свидетели наивысшего бога все время должны быть готовы отдать за него свою земную жизнь, за которую мы не цепляемся, как поступают язычники.

Братья готовились отправиться в путь.

Тут, однако, Вигберт выступил вперед. Холодный ужас охватил его. Но он быстро успокоился. Он знал, что его не могут подвергнуть какому-то наказанию, ведь король давно знал, что он защищал лебедей и потушил огонь. Но другая забота мучила его.

- Могу я спросить, господин, – обратился он к посланнику короля, – что произошло и что будет с тридцатью юными мальчиками, которые были с нами и остались в доме для гостей?

- Они все еще находятся там, – любезно ответил господин. – Король приказал снабжать их едой и заботиться об их благополучии. Когда придет подходящее время, он отправит их домой на попутном корабле.

– Спасибо, – сказал Вигберт.

Отец Виллиброрд быстро повернулся. Он нахмурил брови. – Это...

Но он тут же прервался. – Позже, – сказал он и протянул свои руки стражникам, которые снова связали его, как всех других братьев.

Это был дальний путь, по которому они должны были пройти, через весь остров до площади тингов у второго более нового святилища Фосите. Они добрались туда, когда солнце стояло уже почти на полуденной высоте, и их, после того как их развязали, тут же провели в огороженное лещиновыми прутами место суда. Судьи – здесь их называли асегенами – уже собрались, их тоже было двенадцать, как и апостолов, одни только мужчины пожилого возраста с серьезными лицами. Они сидели, как этого требовал установленный порядок, на каменных сиденьях в почти закрытом, но широком кругу, у которого был только один вход. В его середине возвышалась деревянная колонна, которая изображала неуклюже вырезанные лицо и руки мужчины, который, кажется, держал топор или секиру.

Напротив входа стояло каменное кресло с подлокотниками для короля. Король появился тут же, сразу после того, как подсудимых провели в круг. За ним следовала женщина в белоснежной одежде, которая села на деревянное кресло, стоявшее рядом со стулом короля. У Вигберта на минутку замерло сердце, когда он увидел сверкание белой одежды, но потом он быстро разглядел, что там сидела не Лифбург, а маленькая старая женщина с седыми волосами под повязкой на голове. Она была одета как Лифбург, и он подумал, что это, должно быть, и была та самая пророчица, о которой уже рассказывали.

Вокруг забора из лещины собирались зрители, которые производили очень большой шум, но стихли, когда король Радбод поднял руку. Он открыл собрание несколькими словами на старинном фризском языке, которые Вигберт не понял. Ему показалось, что король взывал к богу как свидетелю его действий.

Затем поднялся худой мужчина с морщинистым лицом. Он говорил сильным голосом, медленно и отчетливо, так что все, также Вигберт, могли его понять. Он говорил, что обвинение было предъявлено против присутствующих здесь двенадцати мужчин из-за осквернения храма и разрушения священных предметов и живых существ в наивысшем святилище фризов. Животные, которые были посвящены богу всех фризов, были преднамеренно убиты. Как знает каждый, на этом острове, который издавна назывался и был святой землей, считается достойным смерти преступлением убийство человека или животного, за исключением того скота, который законно забивают специально предназначенные для этого мясники в королевском районе, чтобы служить обитателям острова пищей, или для жертвоприношений на важных праздниках. Однако эти христиане про-

никли без разрешения короля в святилище, осквернили своими предосудительными крестильными обычаями священный пруд и нарушили обет молчания. После этого они убили лебедей бога и священную корову, чтобы удовлетворить свою прожорливость, также разожгли огонь в посвященном месте, который угрожал полностью уничтожить священное изображение бога, если бы огонь не удалось немедленно потушить. Все эти преступления открыты и совершены перед свидетелями. Присутствующие знатоки права, также как наивысший судья, король, который представляет здесь бога в качестве «тринадцатого», выслушали свидетелей, показания которых не оставили сомнений в действительном ходе произошедших событий.

- И поэтому я спрашиваю тебя, Виллиброрд, сын Вильгельса, которого называют англосаксом, который как предводитель твоей толпы также говоришь здесь за них, отрицаешь ли ты, что эти преступления были совершены тобой и твоими спутниками, или же ты признаешь это совершенное вами преступление?

Говоривший повернулся к отцу Виллиброрду, который спокойно стоял в одном шаге перед группой своих спутников и внимательно слушал.

Теперь он поднял голову. Его звучный голос заставил снова умолкнуть бормотание, которое появилось среди слушателей. Он говорил на фризском языке, которым он владел в совершенстве.

- Да, – сказал он, – я признаю случившееся. Но вот что я не признаю: то, что при этом произошли преступления предосудительного вида. Несмотря на некоторые неправильные действия нашего мясника, незнание которым ваших законов должен был бы учесть суд, как, впрочем, также его слабый разум, – мимолетняя улыбка появилась на его серьезном лице, когда он бросил взгляд на брата Альфреда, пристально смотревшего на него с открытым ртом, – помимо этого не произошло ничего, что мы как христиане, коими мы являемся, можем признать преступлением. Мы посланы нашим богом, который является единственным истинным богом на небе и на земле, и с разрешением милостивого герцога Пипина Геристальского в землях франков оглашать послание Иисуса Христа народам севера и, прежде всего, великому фризскому народу. Мы приняты и удостоверены королем Радбодом как посланники нашего бога и упомянутого герцога. Однако это наше поручение и наше задание смягчать загрубевшие сердца всех тех, кто еще придерживается старого идолопоклонства, и приводить их к их истинному спасению. Я действительно крестил трех мальчиков в воде того источника и этим самым вовсе не осквернил его. На самом деле, он и не обладал никакой святостью, а наоборот, я поистине сделал его священным. Мы убили белых птиц, которые мешали нашим деяниям, чтобы положить конец их демоническому действию. Отомстил ли ваш бог за это? Ударил ли молния из

облаков, или мы стали жертвами безумия, как нам грозили? Нет, мы стоим здесь, невредимые и здоровые, свидетельство бессилия ваших идолов и силы живого бога. Доказать это было хорошим делом, вы не находите?

Виллиброрд подошел еще на несколько шагов ближе к каменному королевскому трону. Радбод сидел неподвижно, руки на подлокотниках, и внимательно смотрел в светящееся от торжественного возбуждения лицо проповедника.

- Король Радбод, я еще раз обращаюсь к тебе. Ты мог бы открыть свои уши и свое сердце моему посланию. Тот, кого почитаешь ты, как и твой ослепленный народ, не бог, а дьявол, который тебя, о, король, как и всех других, опутал наихудшим и суеверным заблуждением, чтобы предать твою душу вечному огню. Потому что нет никакого другого бога кроме того одного, который сотворил небо и землю, море и все, что в них, и у тех людей, кто почитает его в истинной вере, будет вечная жизнь. Будучи его служителем, я сегодня еще раз призываю тебя, чтобы ты, наконец, отошел от глупости суеверного заблуждения, в которое верили твои предки, и одумался. Уверуй в Иисуса Христа, крестись в источнике жизни. Отринув навсегда всякую злобу и нечестие, ты станешь новым человеком во Христе и будешь жить в воздержании, праведности и святости. Если сделаешь так, то получишь в награду вечное блаженство вместе с богом и его святыми. Если ты пренебрежешь мною и осудишь меня, того, кто открыл тебе истинный путь к спасению, то знай, что вместе с дьяволом, которому ты служишь, ты будешь вечно мучиться и гореть в аду.

Была гробовая тишина, когда его прекрасный голос, привлекающий, обвиняющий, и пророчески усилившийся, звучал над полем суда. Также после того, как Виллиброрд перестал говорить, никто еще не двинулся, все стояли и сидели зачарованно и все еще, кажется, внимательно слушали, не зазвучит ли его голос снова.

Тогда отвечал король, и взгляды всех обратились к нему. – Так как ты особенно обратился ко мне, Виллиброрд, сын Вильгельса, то я хочу сказать тебе короткое слово возражения: Ты – смелый человек, который защищает своего бога как настоящий боец, и мы уважаем это. Все же, не думай, что я – заячья душа, которую ты можешь напугать сказками о муках и адском огне или привлечь обещанием вечного блаженства как награды за отрицание моей собственной веры и отход от нее. Я хочу оставить открытым вопрос, на чьей стороне глубокое суеверное заблуждение и неправедность, на моей или на твоей. Но я должен тебе сказать, что своими действиями, нарушением законов, которые ты тоже должен соблюдать, ты не оказал своей стороне хорошую услугу. Так как кто может прельститься желанием последовать за таким богом и господом, который

приказывает своим служителям, чтобы они вели себя как разбойники и мешали миру святых мест?

- Да! – закричало много голосов. – Да, это правда.

Король говорил очень громко, как и Виллиброрд, и его слова хорошо понимали и по ту сторону ограды. Теперь люди оттуда благодарили его с громким ликованием, и судьи на своих каменных сиденьях кивали головами.

Несколько более приглушено он продолжал, движением руки останавливая взгляды: – Но так как я уважаю твое мужество и так как ты ссылаешься на служение своему богу, то я, как это подобает мне как председателю этого суда, постановляю, что с обсуждаемыми проступками нужно обращаться и наказывать за них не как за преступления в обычном смысле слова, а следует предоставить решение самому богу. В этом случае он является оскорбленным. И если он также не послал молнию, чтобы наказать вас, – эти слова снова были обращены к Виллиброрду, который ответил на намек пренебрежительной улыбкой, – то, все же, он, как мы знаем, может и другим способом высказать свое мнение об этом деле.

Он вопросительно обвел взглядом круг. – Вы подтверждаете, что прежние опросы не дали какого-либо результата?

Мужчины на каменных сиденьях кивнули.

- Также в храме ничего не было видно или слышно?

Он повернул голову к женщине рядом с ним, та отрицательно покачала головой.

- Поэтому я предлагаю, чтобы здесь и в этот час воля бога была передана путем жребия. Вы согласны?

Снова все знатоки законов кивнули.

- Кто не согласен, пусть громко скажет об этом.

Не было слышно ни звука.

Виллиброрд еще не потерял улыбки. – Этот бог не решается говорить, – проворкотал он слышно.

Король смотрел мимо него. Тихим, глубоким голосом он медленно и очень серьезно произнес: – Произошло то, что не должно было произойти. Осквернение

самого святого может быть искуплено только пожертвованием жизни, мы все это знаем. Я думаю, вы тоже это знаете?

Он посмотрел на монахов, которые побледнели, так как теперь, после всего случившегося прежде, это решение, все же, стало для них неожиданным. Улыбка исчезла с лица даже отца Виллиброрда.

- Жребий решит то, чьей жизни потребует бог, он изберет того, кто должен будет понести наказание за остальных.

Тихое, но одобрительное бормотание пробежало через толпу у ограды.

Король встал. – Приговор вынесен: пусть жребий смерти определит того, кто будет виновен и будет обязан отдать свою жизнь богу. Принесите жребии!

Затем он снова сел.

Несколько стражников вошли в круг и выстроили двенадцать подсудимых открытым полукругом вокруг колонны суда. Они стояли, обратив лица к каменному трону короля, впереди всех как первый в ряду отец Виллиброрд, негибимо прямой и гордый, как всегда. Вероятно, остальные были выстроены по их возрасту и сану, так как Вигберт стоял последним в самом конце ряда, напротив отца Виллиброрда.

Затрубил рог, и появился человек с кожаной сумкой. Теперь поднялся один из асегенов и медленно и торжественно прочитал стихи на старо-фризском языке. Он поднял руки: то, что он произносил, наверное, было молитвой.

Стражники подошли к монахам и объяснили им, что, когда к ним поднесут кожаную сумку, они должны будут вытянуть жребий и сразу же спрятать его в кулаке, пока не будет дан знак. Тогда нужно будет его показать и поднять вверх.

Мужчина с сумкой начал свое шествие с отца Виллиброрда. Снова был слышен звук рога и голос, требовавший тишины. Этот призыв был излишен, и так уже наступило полное молчание. В этой буквально чудовищной тишине человек с сумкой шел от одного монаха к другому.

Вигберт должен был ждать довольно долго, пока сумка не приблизилась к нему. Он с сильным сердцебиением ощущал огромное напряжение этого мгновения. Но он не чувствовал страха. Глубоко в его душе жила статуя, которая смотрела на него так благосклонно. Этот бог – и он в этот момент твердо верил в него – не мог осудить того, кто был единственным, защищавшим его. Он был не дьяволом, как думал отец Виллиброрд, а настоящим, прекрасным и добрым богом. И

он не причинил бы Вигберту никакого зла, хотя Вигберт и был приверженцем Иисуса Христа.

Он позволил себе даже осмотреться. Однажды уже ему показалось, что он узнает лицо Тойдберта в толпе по ту сторону забора. Теперь он вновь увидел его. Тойдберт стоял в плотной толпе близко к ограде из связанных прутьев. Потом Вигберту показалось, как будто бы его друг подмигнул ему.

Вигберт улыбнулся ему. И вот – сумка со жребием была перед ним. Мужчина, державший ее, смотрел на Вигберта пристальным взглядом. Вигберт засунул руку внутрь. Сумка была похожа на узкий рукав, в котором было место только для того, чтобы запустить туда руку. Жребии нельзя было видеть, но Вигберт и так знал, что внутри мог быть только лишь один. Ему было довольно трудно вынуть и держать жребий своей перевязанной рукой, все же, он вытащил руку и держал эту маленькую штуку, которую он ощущал только слабо, в сжатом кулаке, как и было сказано.

Напряженная тишина. Ожидание. Затем зов рога. И голос: – Поднимите руки, покажите жребии!

Вигберт поднял руку и раскрыл ладонь. Он увидел жребий, это был короткий, покрашенный в красный цвет кусочек дерева. Спокойно он поднял его вверх, видел, что другие его спутники сделали то же самое, и одновременно увидел, что кусочки дерева в руках его соседей, да, у всех остальных, сверкали на солнце светлым и белым. Почему же мой красный? – спросил он себя и попытался это понять. Но это же не может быть правдой, подумал он.

Страшный ужас охватил его. Произошло то, что он никогда не считал возможным: в его руке был жребий смерти. У него выступил пот, волна темноты заливала его, он шатался, и поднятая вверх рука дрожала.

Когда темнота поредела, он увидел, что все, монахи, король, даже стражники смотрели на него. Они уставились на него, уставились на красный предмет в его руке. На лицах его спутников был ужас, но также явное облегчение.

Теперь в Вигберте бушевала ярость. Почему я? Почему? Как могло это произойти? Как может он – он, якобы справедливый, так поступить со мной? Он чувствовал себя преданным и осмеянным. Все же, это не может быть правдой, не может. Они говорят, что он добр. А я же, я невиновен. Он хотел было кричать: «Это несправедливо, я невиновен». Но из его пересохшего рта не смогло вырваться ни единого звука. И вопреки всему возбуждению Вигберт в своей

душе знал: невозможно было бы верить в собственной невинности все эти смотрящие глаза и внимательно слушающие уши.

Медленно он опустил руку, красный кусочек дерева выскользнул из перевязанной руки на землю. Один из стражников поднял его.

Молчание было нарушено. Всюду слышалось негромкое бормотание, которое постепенно переросло в возбужденные разговоры и крики. «Вот этот», расслышал Вигберт, «вот этот там, это он виновен...» Он хотел крикнуть: – Не я!

Но он стоял, дрожал и молчал беспомощно, брошенный на произвол судьбы и отчаявшийся.

Вдруг он заметил, что отец Виллиброрд тоже смотрит на него. Разделенные широким пустым пространством, они смотрели друг на друга. Что было в этом взгляде отца Виллиброрда? Насмешка? Триумф? Нет, его взгляд был добр и благосклонен, так же благосклонен теперь, как взгляд бога в Старом святилище. Скорбь видна была там, сочувствие и что-то вроде неуверенности. Медля, отец Виллиброрд направил свой взгляд на короля, который собирался подняться. Теперь он скажет: «Отпустите его, возьмите меня! Я отвечу за все, я виновен». Вигберт знал, что отец Виллиброрд хотел сказать это, что он скажет это.

Но ничего не произошло. Отец Виллиброрд не произнес ни слова. Голос короля раздался над полем суда: – Бог высказался, и мы принимаем его приговор.

Рядом с Вигбертом стояли два стражника. – Я должен снова связать тебя, – сказал один. Это прозвучало почти извиняющимся тоном. Вигберт позволил связать себе руки без сопротивления.

Теперь представитель судей стоял и говорил, формальные, принятые для данного случая слова, они скользили мимо ушей Вигберта. Отец Виллиброрд не заступился за меня, он бросает меня, как и все остальные, он радуется тому, что он остался пощаженым, что только я один стою здесь в оковах... Радостный и довольный... Они все довольны, я никогда не был в действительности одним из них, маленький Вигберт, всегда упрямый, какое им до меня дело...?

Теперь снова заговорил король: – Бог избрал, как мы все видели, одного из спутников Виллиброрда, чтобы он взял на себя вину и понес наказание за всех. Ты Виллиброрд, сын Вильгельма, свободен, так же и другие, которых оправдал жребий. Уходите. Я желаю, чтобы вы, как только это будет возможно, покинули остров и фризские земли. Завтра корабль увезет вас.

Отец Виллиброрд стоял прямо и смотрел на короля. Но он ничего не говорил, он только наклонил голову.

Чей-то голос прокричал из рядов зрителей: – Не отпускай их, король. Они все злодеи, пусть они все умрут, не только тот один...

Другие поддержали кричавшего.

Король поднял руку. – Я сказал, что мы принимаем приговор бога. Молчите и покоритесь богу. Одиннадцать свободны, один остается, так звучит приговор. Суд окончен, да хранит нас всех благословение, которое даруют боги.

Он повторил эту формулу на старом языке.

Тогда и судьи стали подниматься. Король покинул свой трон, пророчица последовала за ним.

Отец Виллиброрд отвернулся.

Теперь они уйдут, даже не посмотрев на него, горько подумал Вигберт.

Но тут отец Виллиброрд подошел к нему. Он стоял перед Вигбертом. Нет, он вовсе не выглядел радостным и довольным. Его голос был полон боли, когда он говорил: – Вигберт! Дорогой! Я должен оставить тебя, как бы трудно это ни давалось мне.

Он положил обе руки на плечи Вигберта. – Смерть мученика сладка, сын мой, – тихо обратился он к нему. – В этом ты должен быть уверен. Она открывает небеса. Я говорю это тебе, и это правда: Ты – самый счастливый среди нас. Ибо ты вознесешься на небо и увидишь бога. Но мы должны странствовать и дальше нести тягостное бремя мира. Я говорю тебе: Я был готов заменить тебя и встать на твое место, так как я не боюсь смерти, которую победил Христос. Но бог сказал мне: Задание, которое я поставил тебе, не выполнено. Я нуждаюсь в тебе. Я последую за голосом бога. Он направляет меня в Рим. Я вернусь, чтобы снова продолжить свой труд. Пойми, Вигберт, что мое дело зовет меня. Преклони колена, чтобы я благословил тебя.

Еще раз покоренный, Вигберт преклонил колена и принял благословение отца Виллиброрда. Высокий человек поцеловал его, затем он двинулся к выходу.

Так как стража теснила их, все братья последовали за ним. Все же, некоторые оглядывались назад, кивали и махали.

Внезапно между ними протолкнулась маленькая фигурка. Ребенок бросился, вырываясь от стражников, к Вигберту. – Они не должны убивать тебя, нет, они не должны это делать.

Это был Норберт. Он, всхлипывая, крепко ухватился за Вигберта. – Они не должны убивать тебя, я не хочу этого. Что я должен сделать?

С заплаканным лицом он поднял вверх к Вигберту умоляющий взгляд.

Вигберт попытался погладить его волосы связанными руками.

– Здесь уже ничего не поделаешь, – сказал он дрожащим голосом. – Будь благодарен, Норберт, будь послушным. Тебе нельзя здесь быть. Иди, возвращайся к Тойдберту.

Он подтолкнул, как мог, ребенка в сторону Тойдберта. Стражники не препятствовали ему.

- Иди ко мне, Норберт, – сказал Тойдберт. Забор не был высоким, он протянул обе руки над ним. – Он убежал от меня, – говорил он, поднимая мальчика через ограду.

- Тойдберт, позаботься о нем. Помоги ему. Чтобы он вернулся домой – к своей матери, позаботься об этом. Я тут ничего больше не могу сделать...

- Они не должны..., – причитал Норберт.

- Тише, – сказал Тойдберт. Его смелое, светлое лицо улыбалось Вигберту. – За него будь спокоен. И – выше нос, Вигберт.

Он говорил тихо и быстро. – Это еще не конец. Поживем – увидим. Будь здоров.

Он протиснулся сквозь толпу, таща за собой плачущего мальчика.

Вигберт отвернулся. Он заметил, что он все еще дрожал. Все было странно и как будто во сне. Он стоял один между стражниками. Всюду бежали и суматошно толпились люди. Все было в движении, кроме одного его. Но нет, там, недалеко от него, кто-то так же стоял и рассматривал его. Женщина в белой одежде. Пророчица? Все поплыло у него перед глазами, он не знал, была ли это она. Лифбург, внезапно подумал он. Лифбург, где ты? Я никогда больше не встречу с тобой. Я потерял ключ к потусторонней стране. Теперь я получил другой ключ, кроваво-красный, но он открывает другую страну, совсем другую...

Стражники подтолкнули его. – Ну, давай. Пошли!

Его сердце начало судорожно колотиться, он как будто проснулся. – Я иду, – сказал он. Что, что же произойдет?

Дракон

Сначала больше вообще ничего не происходило. Вигберта опять отвели в тюрьму и там снова заперли.

За время долгого пути к королевскому двору он немного пришел в себя. Слова Тойдберта: «Это еще не конец» продолжали звучать в его ушах как обещание. Тойдберт был таким человеком, который мог бы что-то предпринять. Вигберт не был всеми брошен, всеми предан и продан, как он думал сначала. У него были друзья, и, вероятно...

Но ночь в уединенности большого, темного помещения была тяжелой. Он не мог спать. Он лежал как в горячечном бреду. Наконец, он встал и попытался пройти по помещению. Он тяжело ступал во мраке, он стонал и охал, и потом опять замолкал от страха, что кто-то мог бы услышать и высмеять его.

Иногда его также охватывала ярость, и он бил кулаком по деревянной стене, и пусть это слышит, кто хочет.

И, все же, они предали его и продали, все вместе: братья, которые, облегченно вздохнув, теперь уходили прочь, поднимались на корабль, чтобы отправиться на свободу.

Король. Он любезно говорил с Вигбертом, разумно, понимающе. Это все было сплошной ложью. Он должен был знать, что Вигберт был невиновен – единственный невиновный... «Мы принимаем приговор бога». Красный жребий в перевязанной руке стер все приветливое понимание. Вот этот должен умереть, все. Так это было.

Отец Виллиброрд: Вигберт снова думал о нем со странно смешанными чувствами. Он больше не стучал по стене, он сидел на своем соломенном тюфяке во мраке и вновь боролся с теми чарами, которыми сковывал его отец Виллиброрд вопреки всем и всему. Он бросил меня на произвол судьбы, он, в первую очередь. Он, виновный, пожертвовал невиновным. Отец Виллиброрд, великий фризский миссионер, идет в Рим, чтобы получить благословение папы – и, наверное, епископство. Его жизнь ценна, о, да. Для папы и для герцога Пипина

Геристальского, да, она весьма ценна. Так как его дар проповедника открывает им дорогу далеко в страну язычников. В ту страну, которую они хотят захватить – не ради душ людей, о, нет, это только предлог, но ради очень светских желаний, ненасытных, как они сами, ради стремлений распространять свою власть дальше, приобретать земли, людей, сокровища. Вот этому я научился, теперь, когда я покинул свой дорогой монастырь – ах, все же, лучше я бы никогда не уходил оттуда. Я хотел что-то испытать, даже опасность, да, теперь я испытал это все, и это мне вовсе не нравится. Отец Виллиброрд много говорит о колдовстве язычников и никогда о христианском колдовстве, но он же сам занимается колдовством, которым он снова и снова ловит меня. Я стоял на коленях перед ним... «Бог позвал меня». Я даже поверил в это, я же всегда верил ему, когда я слышал, как он так красиво говорил.

Бог. Он поступил так же, как отец Виллиброрд, как король, даже еще хуже. Так как, если он все видел и все знал, то именно он лучше любого человека должен был бы знать, как обстояло дело в действительности. Справедливый? Да, это видно, что они, боги, все заодно. Они покинули того, кто оказался в беде, покинули того, кто доверял им, и позволяют убить его в их честь. И, пожалуй, считают все это правильным.

Иисус Христос? Он тоже предал меня? Похоже на то. Поверил ли он, что я покинул его, его, моего господина и спутника, ради чужого, прекрасного бога, который сидит там с топором в руке и с лебедем возле ног? Неужели он настолько ревнив, Белый Христос? Да и знаю ли я его вообще – по-настоящему и точно? Так, чтобы я мог бы доверять ему? Я знаю его изображение. Он висит на кресте с терновым венцом на голове, кровь на лбу... Принесен в жертву ради мира. Что это, собственно, значит? Слова, прекрасные слова, как их говорил отец Виллиброрд, слова, которые красиво звучат, и которые, тем не менее, нельзя понять. Все боги говорят такие слова на чужом языке. Все боги бросают на произвол судьбы бедного смертного, когда становится действительно опасно, оставляют его одного с его вопросами и его страхом...

Страх был в нем, и он не мог преодолеть его, как бы сильно он с ним ни боролся. Страх, который выжимал из него пот, заставлял неистово биться сердце и вызывал неприятное ощущение в животе. Как кровожадный дракон он сидел внутри него, дракон, который бил хвостом, сжимал когтями его сердце, своей пастью вытягивал из него дыхание... Страх смерти... Странно, там на корабле он ведь тоже был близок к смерти, но там опасность только радовала его. Ах, что, он же на самом деле даже не верил в то, что корабль может погибнуть. И он не погиб. Но теперь смерть раскрыла свою злую пасть совсем рядом с ним, верная смерть. Когда? Завтра, послезавтра? «Смерть мученика сладка», это было утешение, которое отец Виллиброрд подготовил для него. Тот, кто жил в мо-

настыре, знал кое-что о мученической смерти. Во время трапез вслух зачитывались жития святых. Им пришлось претерпевать ужасные муки, пока небо открылось для них. Сам Иисус Христос умер жестокой, страшной смертью на кресте. Кровь на лбу, кровь на боках, избитая бичом спина. Он преодолел смерть. Но Вигберт не мог это сделать. Он знал, что христианин должен был стоять выше страха, выше всех мучений, всех человеческих желаний, он должен был быть рад сознанию того, что он наследует небо. Но Вигберт не был достаточно крепок и силен в своей вере, не был достаточно силен вообще, он хотел жить, жить, не более того. Жить здесь, на этой земле, красоту которой он любил так искренне. Он хотел видеть, слышать, дышать, смеяться, хотел вырезать картины из дерева – ах, да, и хотел встретить милую девушку в белой одежде между цветами...

Теперь он сидел и стонал. Ему было невыразимо жаль себя, и он не мог этого изменить. Дракон был непреодолим.

Наконец, эта ночь закончилась. Слабый свет просочился через окошки высоко под крышей. Совсем истощенный, Вигберт все же немного поспал и затем вскочил с диким сердцебиением, когда дверь открылась.

Ему принесли поесть, больше ничего не произошло. Но он смог проглотить лишь небольшой кусочек хлеба.

День был сплошным ожиданием. Все же, однажды они должны были прийти, чтобы вывести его или хотя бы сообщить ему о его судьбе. Ожидание было ужасным, время тянулось до бесконечности...

И тогда он действительно услышал шаги и скрежет засова. Он вскочил, встал, беспокоясь о своем самообладании. Тот, кто войдет, не должен был заметить, что он дрожал...

Это был тот господин, который вчера – это было только вчера? – позвал двенадцать спутников на суд. Теперь он снова стоял здесь в своем красивом наряде с драгоценным поясом для меча, только на этот раз без своих спутников.

- Вигберт, сын Веримберта, – произнес он в том же подобающем случае торжественном тоне, – я пришел к тебе по поручению короля. Я должен сообщить тебе, что ты, так как жребий смерти пал на тебя, был избран в жертву святому богу Фосите.

- Жертву? – прошептал Вигберт. – Жертву – но... В его рту было слишком сухо, он больше ничего не мог сказать.

- Нашим богам по большим праздникам приносят жертвы. Также богу Старого святилища.

Вигберт сразу увидел перед собой полуистлевшие трупы в той роще богов в Ютландии, которые, качаясь на ветру, висели на деревьях. Он представил себя, висящего в монашеской рясе.

- Он? – воскликнул он растерянно. – Он хочет жертвы, он? Жертву повешения?

- Только бог бурь и колдовства принимает жертву повешения в землях данов и свеонов. Мы, фризы, не приносим ему жертвы. Жертвы, которые приносятся богу права здесь на этом острове, испокон веков прыгают с определенной скалы в море. Таков многовековой обычай. Главные праздники нашего Бога – это солнцестояния, зимой и летом. Они предназначаются ему, так как для детей земли он – солнце и всевидящий глаз, который смотрит в сердца. Ты избран как жертва для предстоящего праздника летнего солнцестояния. До этого праздника осталось еще тридцать четыре дня, луна сменится еще один раз.

Господин сделал маленькую паузу. Вигберт чувствовал, как его жизненные силы медленно укреплялись. Значит, еще не сейчас, не сразу? Он дышал глубже, дракон немного удалился, его грудь стала свободнее. Тридцать четыре дня. Разве за это время не могло бы многое произойти? Тойдберт...

Господин продолжал. – Король в своей милости и после совещания с пророчицей, которой подчинено служение в храме, постановил следующее. В течение этого времени ты не должен оставаться в темнице, а, как это раньше уже иногда происходило с людьми, определенными в жертву, можешь жить в Старом святилище и свободно ходить там. На бывшем королевском дворе живут три мужчины, которым доверен порядок и сохранение святилища. У них ты сможешь получить ночлег и пищу. В остальном тебе лишь запрещено покидать этот священный участок, ты не можешь переходить его границу в каком-либо месте. Поэтому король требует, чтобы ты поклялся священной клятвой, что ты не сбежишь.

- Но как я могу отсюда сбежать, – спросил Вигберт неуверенно, – с острова...

Тень улыбки появилась на лице серьезного мужчины. – Мы очень хорошо знаем, что непросто убежать с острова в океане. Но гавани и корабли обычно очень сильно притягивают молодых людей. И там иногда также можно найти недобросовестных людей, которых можно подкупить...

- У меня ничего нет, чем я мог бы подкупить.

- И все-таки: король желает твоего обязательного обещания.

- Я удивлен, – сказал Вигберт, когда снова обрел власть над своим телом и речью, – что мне хотят свободно позволить ходить по святилищу, хотя я, все же, христианин и принадлежу к осквернителям храма, и, – он запнулся, – должен понести наказание за их преступления.

- Предполагается, – сказал господин, – что ты, – он подчеркнул это «ты», – будешь уважать святость этого места и больше не сделаешь ничего плохого. Иначе мы включим соответствующее пояснение в твою клятву.

- Нет, это не нужно, – сказал Вигберт и посмотрел посланцу короля в глаза.

- Я тоже так думаю, – ответил тот с такой же сдержанной улыбкой, как раньше.

– Итак, положи руку на мой меч.

Он протянул меч ему. – Поклянись своим богом и со словами, которые вы, христиане, используете в таком случае, что ты, до тех пор, пока твоя судьба не позовет тебя утром солнцестояния, ни на шаг не удалишься от Старого святилища и не злоупотребишь доверием, которое король дарит тебе. Клянись.

Вигберт положил перевязанную руку на лезвие меча. – Я клянусь дорогим Иисусом Христом, и да поможет мне бог, что я не злоупотреблю доверием короля и ни на шаг не удалюсь от Старого святилища.

Господин взял ладонь Вигберта в свою. – Ты дал слово и сдержишь его как мужчина, – произнес он более теплым тоном. Затем он посмотрел на руку в грязной повязке, которую он держал. – Лекарь смажет твои руки еще раз и перевяжет их заново, прежде чем ты уйдешь отсюда, – добавил он.

Когда он ушел, Вигберт внезапно подумал: все же, я не должен был бы клясться, что я наделал? Я сам лишил себя возможности ускользнуть. Или я вновь был под действием каких-то чар? Доверие короля... Несколько слов немедленно делают меня послушным слугой. С отцом Виллибрордом у меня было то же самое.

Но они, вероятно, оставили бы меня в этой темной дыре, если бы я не поклялся. Было лучше сделать это, гораздо лучше. Старое святилище – значит, там я снова встречу...

Был прекрасный вечер с красно-золотым заходом солнца, когда два воина привели Вигберта к Старому святилищу. Они шли той же дорогой, по которой Вигберт шел четыре дня назад в послеполуденном свете. Теперь в лесу уже смер-

калось, и маленький источник в каменном кругу тихо журчал. Последняя птица еще пела на дереве.

Один из воинов говорил Вигберту, что эта роща называется Хиллигенвальд, священный лес, и что этот источник тоже святой. Высокая супруга бога, дева Нердис, однажды пила из него. – Она сидела у источника на дереве со распущенными длинными волосами, которые окутывали ее, – рассказывал мужчина. – И тут появился бог, белый олененок привел его к ней, там он увидел ее и удивился ее красоте, и забрал ее с собой в золотой дом.

Вигберт старался понять этого человека. Тишина в лесу, тихое таинственное повествование мужчины, все это благотворно действовало на него, заставляло дракона лежать очень тихо. Воины были дружелюбными, они вели себя так, как будто бы вовсе не конвоировали пленника. Скорее они с определенной торжественностью вели его через этот вечер, который светился между стволами деревьев таким золотистым светом. Вероятно, человек, который был предопределен для жертвоприношения утром солнцестояния, для них и сам был немного святым?

Это вечернее шествие было странным, необычным, сказочным, как будто бы все было не совсем настоящим: дорога в поднимающемся тумане через луга к дамбе, по мосту, который слабо дрожал под шагами людей, путь в гору... Не через ворота, нет, а туда к старому двору шли они. Дома этого старого двора с их большими крышами возвышались черными громадами на фоне ставшего желтым неба как огромные животные. Приветливые животные. Все здесь было приветливым: комната, которая была мягко освещена красноватым светом и отблеском маленького очага, три старых бородатых мужчины, которые сидели на скамье и приветствовали Вигберта кивком головы, как будто это было совсем естественным делом, что осужденный на смерть будет жить здесь у них.

Воины ушли. Вигберт должен был усесться к трем старикам. Они дали ему пиво и еду. Вопросов они не задавали. Они вообще были неразговорчивы, иногда они роняли замечание на фризском диалекте, который Вигберт едва понимал. Затем ему предоставили комнату и постель. Только теперь он почувствовал, как сильно устал, и тут же, успокоившись, заснул в безопасной тишине старого дома. И дракон тоже дремал, и никакие тяжелые сны не мучили спящего.

На следующий день он вел себя так, как говорил посланник короля: он ходил по святилищу. Он бродил вдоль его границ, влезал между кустами и деревьями по краю холма вверх и вниз, рассматривал пустые дома двора, из которых только один еще был населен. Сначала странная робость не давала ему пойти к храму. У него было такое чувство, что он там больше не был желанным гостем.

Он ступил только на мощеную площадь, посмотрел вверх на мировые столбы, заметил хищную птицу, которая кружила над ними и затем улетела к морю. Посланник богов? Что он принес? Какое-то указание, как нужно поступить с пленником? Внезапно он почувствовал себя в когтях силы, которая была непредсказуема и замышляла недоброе против него. Дракон снова начал бить хвостом по его сердцу.

Почти бегом он вернулся во двор. Он должен был признаться себе, что он боялся встречи с Лифбург. Она повернулась бы спиной к нему, она его презирает, даже ненавидит, вероятно. Все-таки он принадлежал к тем, которые убили ее любимых лебедей. «Я слышала, что христиане хотят этого. Очень плохо с их стороны». Вероятно, она вовсе не знала, что он пытался спасти лебедей. Да и откуда она могла это знать?

Он принес с собой свой маленький походный мешок. Чтобы хоть чем-нибудь заняться, он раскладывал теперь свои пожитки.

Среди них был маленький мешочек, в котором были бритва, ножницы и пинцет. Он не брился уже несколько дней, он просто забыл об этом из-за всего того, что произошло с ним. Он пощупал подбородок. Я уже почти такой же бородатый, как те добрые старики, подумал он. Это не подобает христианину, и уж тем более монаху.

Он вынул нож, при этом ему в руку упало что-то, маленькое, высохшее. Маргаритка, которую дала ему Лифбург. Он забыл, что он спрятал здесь ключ к потусторонней стране. Он был здесь, раздавленный, маленький, жалкий. Во все уже и не похож на цветок. И, все же, он был здесь. Как ни странно, он почувствовал теперь, как новое мужество возникает в нем. К этому добавилось еще что-то вроде упрямства. Если же меня выслали сюда, если мне сказали, что я могу ходить вокруг, то нельзя ожидать, что я стану избегать того места, которое я нашел таким прекрасным – нет, которое было таким прекрасным, до того, – до того, как произошла беда. Я должен найти в себе мужество снова увидеть его, и будь что будет.

Он подошел к чаше с водой во дворе, где, как ему показали, он мог умываться. Когда он увидел свое лицо в тихом зеркале воды, он подумал: лицо разбойника, запущенное, поистине одичавшее. И не кроется ли во взгляде глаз беспокойство вины? Но на мне же ведь нет никакой вины. Я должен научиться встретить несправедливость, которая привела меня сюда, со свободным и спокойным взглядом.

Он умылся и основательно побрился. Только тонзуру, которая уже покрылась маленькими волосками, он оставил такой как есть. Затем он взял высохший цветок и твердым шагом направился к святилищу.

Неподалеку у источника темнел пруд. В этот момент тучи закрыли солнце, и блики на воде исчезли. Не хватало лишь белого сверкания лебединого оперения. Теперь их полные достоинства движения не волновали водную гладь. Только серебряное журчание источника все еще было слышно. Тишина была чудесной и безмятежной, вопреки тому злу, которое произошло. Оперение мертвых птиц уже не лежало в камыше, ничего не напоминало больше о насилии и нарушении мира. Он вздохнул.

И тогда он снова услышал арфу. Она жаловалась и манила как прежде. Он пошел дальше.

Он боялся, что храм теперь заперли, чтобы не допустить новое осквернение. Но двери оказались открытыми, и он увидел статую бога в начале зала.

Здесь он должен был преодолеть сильную робость. И это ему удалось. Теперь его наполняло желание потребовать у бога ответа.

Он прошел сквозь помещение и встал перед богом. Он сразу же увидел, что ущерб, который нанес огонь ногам статуи, уже был устранен. Сапоги блестели новой позолотой, складки одежды были только что покрашены.

Вигберт решил поднять взгляд от сапог вверх к лицу бога, чтобы посмотреть ему в глаза. Как они смотрели на него? Укоризненно? Благосклонно? Нет, ни то, ни другое. Это был очень сдержанный взгляд, который был направлен на Вигберта. Холодный взгляд, который все скрывал и ничего не выдавал: «Мой приговор вынесен, ты должен принять его и ничего не спрашивать. Это все, что я должен сказать тебе».

Это лишь изображение, сказал себе Вигберт. Оно не может говорить, ни голосом, ни взглядом. Однако разве не говорили эти глаза тогда – совсем недавно – со мной? Лифбург говорила, что бог иногда присутствует в своей статуе, она почувствовала бы, если бы он там был, подумал он. Было ли это действительно так? Могло ли быть так? Я хотел бы, чтобы он действительно был там, подумал он. И чтобы он слышал меня. Чтобы сказать ему то, что необходимо...

Гнев был все еще силен в нем, он заметил это теперь. Он должен был бросить в это безжалостное лицо свое возмущение, свой упрек, так же, как он не мог сдержать его по отношению к отцу Виллиброрду.

- Предположим, что ты здесь. Вероятно, ты слышишь меня, было бы хорошо, если бы ты меня слышал. Ты предал меня. Твой взгляд лживо показывал мне доброту, хотя на самом деле там не было ничего, кроме холодного безразличия. Ты любишь играть с людьми, не так ли? Как кошка играет с мышью. Тебе нужны жертвы, жертвы, которых ты жаждешь, почему, я не знаю. Они говорят, что ты справедлив. Разве это справедливость наказывать невиновных и отпускать виновных? Не был ли ты здесь, когда произошла беда? Или ты не видел, как я бежал защищать лебедей, не я ли спасал тебя от огня? Или это все не имеет значения? И тогда ты суешь в руку мне красный знак, и все смотрят на меня и говорят: вот виновник, он должен умереть. И здесь теперь я стою с драконом в своем теле, от которого я не могу освободиться. Но если ты думаешь, что я буду просить тебя о милости, то ты ошибаешься...

Он говорил громко, распаяясь в гневе все сильнее. Он пылал от волнения и бросил раздавленный остаток маргаритки в неподвижное лицо бога. Да, он даже поднял руку, чтобы ударить статую.

Но потом он, внезапно отрезвев, снова опустил ее. Это только статуя, ничего больше. Кто знает, слышал ли его вообще тот таинственный на своем троне в облаках?

Теперь недоверие усилилось в нем. Не было ли это все какой-то грязной махинацией, махинацией, чтобы спасти отца Виллиброрда от смерти, которой требовал народ. Махинация короля, в которой совсем не было участия бога? Отец Виллиброрд считался посланником герцога Пипина, он сам достаточно отчетливо указывал на это. Король был заинтересован в том, чтобы не рассердить своего нового союзника, во всяком случае, не сейчас в этот момент своей политической слабости после проигранной битвы. Вероятно, это вовсе не было так уж невозможно засунуть маленький кусочек дерева в перевязанную руку, чтобы при этом эта рука ничего не заметила. Люди доверчиво стоят и ожидают божественный приговор, и тогда...? Бог – это деревянное изваяние, он ничего не говорит, он не судит... Его можно сжечь, разбить, он не пошевелится. Никакой удар молнии не последует с неба. Отец Виллиброрд говорил это: глубокое суеверное заблуждение! Ослепленные глупцы – те, кто верит в этого бога.

Но что же тогда с Иисусом Христом? Не взывал ли я также к нему в течение этих дней, неоднократно – в усердной молитве, как учил этому меня мой аббат? Услышал ли он мою просьбу о помощи? Как обстоят дела с его властью? Тойдберт не верит во власть и силу любого бога.

Не являются ли все боги только призрачными тенями или холодно восседающими на тронах идолами, которых вовсе не заботит судьба людей? И Иисус Хри-

стос тоже? Бог-отец? Он, который пожертвовал своим собственным сыном, как они говорят? Что можно ожидать от такого?

Вигберт прошел мимо статуи из сеней и вышел на лужайку. Воздушная арфа молчала, воздух был тих. Солнце спряталось за бледной дымкой. Светлое и широкое небо стояло над морем, пустое небо без синевы и без облаков. Ничего кроме пустоты. Было ли это то небо, которое должно было открыться для мученика? Открыться? Но как человек смог бы подняться туда? И там не было ничего, никакого трона в облаках, никакого рая, никакого сверкающего царства, в котором бог с любовью принимал человека. Ничего кроме беспредельной пустоты. Отец Виллиброрд обещал Вигберту небо, он верил во все это, это было явно. Но он также говорил, что смерть мученика сладка. А она, несомненно, вовсе не такова. Упасть с очень большой высоты и нырнуть в холодные, бурные волны, задыхаться в зеленых глубинах, потом твои легкие наполнятся водой, и ты жалко задохнешься, это едва ли могло быть сладким. Вигберт дрожал, дракон сильно бил своим хвостом. Отец Виллиброрд ошибся в этом вопросе и мог ошибаться также во всех остальных.

Вигберт пристально вглядывался в лишенное богов небо и дрожал от холода и беды.

Он повернулся. Он теперь совсем не хотел смотреть на обманчивое изображение бога. Лифбург? Ее не было здесь, никого здесь не было, он был совсем один. Она, также, пожалуй, не станет больше приходить сюда, пока он бродит здесь по святилищу. Она будет избегать его, кого она считает убийцей лебедей. С горечью на сердце, и с трудом борясь с драконом, он поспешил обратно в дом к старикам.

И здесь господствовала пустота, старики, вероятно, где-то занимались своими делами. В молчаливом доме он уселся на постель, покинутый богами и людьми, и заплакал. Из-за чего? Он сам едва ли знал это. Вероятно, потому, что он утратил всякую веру, и все вокруг него и в нем стало пустым, и внутри него жил только дракон, жадно ловивший его дыхание.

Странные дни

Но следующим утром он снова отправился в святилище, оно просто не отпускало его. Сегодня светило солнце, и пели птицы. И сегодня там была Лифбург.

Она стояла среди цветов, медный кувшин в руке, в белой одежде, локон спадал из-под платка на округлый лоб. Он остановился, когда обнаружил ее, и его

сердце заколотилось. Он не решился идти дальше, потому что был уверен, что она убежит, как только увидит его.

И тут она подняла голову и пристально посмотрела на него. Она оставила кувшин и быстро подошла к нему. – Ах, вот где ты, – сказала она. Она схватила обе его ладони и нежно взяла их между своими. Ей, кажется, трудно было говорить, потому что она сказала только: – Я знаю, что ты живешь теперь здесь. Я ждала тебя.

Он увидел заботливое сострадание в ее взгляде и попытался отдалиться от нее, так как он не хотел ее сочувствия. И, все же, оно одновременно воздействовало на него невыразимо благотворно.

- И ты также знаешь, почему я нахожусь здесь? – спросил он суровым голосом.

- Да, я знаю, – ответила она и опустила голову. Она отпустила его руки и наполовину отвернулась. – Все это очень несправедливо, и я очень зла из-за этого, – сказала она.

Это позволило ему рассмеяться с облегчением. Радость пронзила его. – Ты не веришь, что я убил этих лебедей? Ты плакала по ним?

Теперь сострадание звучало в его голосе.

- О, да. Но я знаю, что ты защищал их. Все знают это. Я просила Альбруну, чтобы она высказала это мнение королю, но она ответила, что это такое дело, в которое мы не можем вмешиваться.

Она глубоко вздохнула. – Если бы я не знала, что Альбруна всегда права, я сказала бы теперь...

Она умолкла и снова вздохнула.

- Ты очень добра, Лифбург, – сказал он. – Но и я тоже думаю, что это все равно не принесло бы пользы, если бы вы даже и потребовали справедливости для меня. Если такие большие господа как король и бог Фосите желают играть в эту игру, то слово женщины вряд ли подействует на них.

Вся горечь, которая владела им, снова была в его голосе.

Она задумчиво произнесла: – У Альбруны большая власть, король прислушивается к ней. Но у нее есть причины для того, что она говорит. Всегда. И, конечно, в этом случае. Вероятно, она хочет подождать. Если она может помочь тебе,

она сделает это, в этом ты можешь быть абсолютно уверен. Но ты не можешь так говорить о Фосте, – мягко предостерегла она, – не говори так, как будто он один из тех, кто хочет играть с тобой...

Она хотела за руку подвести Вигберта к статуе, но он сопротивлялся.

- И разве он этого не хочет?

- Нет, нет. Ты не можешь говорить так.

- Почему нет? Нельзя говорить то, что является правдой? Либо его вообще нет, и он только сделанное людьми изображение, не более того, либо он играет с людьми в несправедливую игру... Кстати, почему ты всегда называешь его Фостой? Здесь они говорят Фосите?

- Это одно и то же, – ответила она, опустив голову. – У нас его называют Фостой. На моей родине есть площадь тингов, там стоит его изображение, не такое красивое, как здесь, очень неуклюжее и просто плоское, но для крестьян этого достаточно, и там они всегда говорят так: Здесь стоит Фоста и следит за справедливостью...

- Это прекрасно звучит, Лифбург. Однако я теперь сомневаюсь в правильности таких слов.

- Ты не можешь сомневаться. Как мы, все же, можем знать, что он думает и намеревается на самом деле.

- Пути господни неисповедимы, и воля его тоже необъяснима, с этим нужно смиряться без вопросов и возражений, да, христиане тоже говорят так.

Она подняла на него взгляд. – Справедлив ли твой бог? – спросила она.

- Они говорят, что он справедлив.

- И ты теперь сомневаешься и в нем тоже?

Она, все же, привела его теперь туда, где она хотела, чтобы он был. Они стояли перед статуей.

- Ты сомневаешься во всех богах?

- В их справедливости.

Она потянула его вниз на постамент и села рядом с ним, так же, как недавно. Снова солнце тепло светило на него и на нее, снова аромат цветов окружал его, и снова он чувствовал в своей спине колесо деревянного бога как опору и рядом с собой Лифбург, приятно близкую и полную понимания.

- Не был ли и твой бог также однажды человеком? – спросила она. – Я слышала об этом. Когда он был человеком, он тоже познал несправедливость, я думаю.

- Да, – сказал Вигберт. Теперь ему пришло это на ум, вся история, как он слышал ее в монастыре. – Да, он был осужден без вины, это правда. Он должен был умереть очень тяжелой смертью...

Он остановился.

- Кто осудил его?

- Римские судьи. Его собственные земляки не могли терпеть его, поэтому они настаивали на его смерти.

- И там не было никакого бога над ним, который хотел бы помочь ему?

Вигберт глубоко вздохнул. Он тихо рассказывал: – Его отец, великий бог на небе, одобрил приговор, или, во всяком случае, он не захотел его отменить. Я слышал, что за один вечер до того, как Иисуса Христа поймали, чтобы убить его, он пошел в сад и молился, и в полном отчаянии просил своего бога о помощи...

Он подумал: не так же пахли ли там цветы, как сейчас здесь? Это ведь тоже был сад...

- И он не помог, – сказала Лифбург. Это было утверждение, не вопрос.

- Нет. Он позволил ему умереть жалкой смертью на кресте. Как жертва для мира, для людей, так говорят. Но я на самом деле никогда не мог этого понять, и даже сейчас я этого не понимаю.

- Альбруна поняла бы, – сказала Лифбург уверенно. Потом она спросила: – А был ли твой Иисус Христос тогда очень зол на своего отца?

- Нет, – ответил он нерешительно. – Да, вероятно, сначала был. Но потом он сказал: Отец, в твои руки я предаюсь со всем, что у меня есть, и кто я есть, с телом и душой, так, по крайней мере, рассказывал мне об этом мой аббат.

- Вот видишь. Он тоже знал, что это – правильно.

Вигберт запротестовал. – Ему легко было говорить. Он, естественно, знал, по сути, он очень хорошо знал, что он, сын божий, будет вознагражден, что его отец радостно примет его на небе и посадит на золотой трон рядом с собой... То есть, если эта история вообще правдива.

- У нас они тоже говорят, – прошептала она, – что тех, кто умирает как жертва, Фоста заботливо принимает.

- В глубинах моря? Неужели ты думаешь, что я поверю в это? Отец Виллиброрд сказал мне на прощание, что небо, мол, будет открыто для меня. Но я не могу представить себе, что, если это небо вообще есть, оно будет открыто как раз для маленького Вигберта, и что какой-то бог возьмет на себя заботу, чтобы принять его.

Теперь, все же, она немного засмеялась. – Но почему же нет? Я думаю, ты слишком недооцениваешь себя.

- Лифбург, я вообще не сделал ничего такого, чтобы заслужить себе небо. Если я по недоразумению, осужденный неправильным приговором, буду сброшен в море, то с моей стороны в этом нет ни малейшей заслуги. Это происходит против моей воли. Вот так.

- Ты пытался спасти лебедей. Разве это ничего не значит?

- Совсем ничего. Это же мне не удалось. Я пришел туда слишком поздно. И если это действительно представляет собой заслугу в глазах Фосты, что я попробовал это, то он, все же, не должен был позволить сбросить меня из-за этого в глубокое море. В конце концов, он все еще мог бы приветливо встретить меня, когда я однажды позже умру стариком и естественной смертью, не так ли?

Она смотрела вперед. Воздушная арфа тихо звучала в возникшей тишине.

– И тут мы снова вернулись бы к необъяснимой воле богов, – сказала Лифбург. Она задумалась. – Там есть что-то – но я не могу выразить это словами. Это связано с тем, что ты говорил о покорности того Христа воле своего отца. И о его жертве. Это так, как будто бы как раз та покорность и была жертвой, и эта жертва была не бессмысленной, а необходимой. Но правильно понять и выразить это я не в силах. Я недостаточно умна. Тебе лучше было бы поговорить с Альбруной, я думаю, она могла бы сказать тебе правильнее.

- Нет, этого я не хочу, – резко отверг он это предложение. Он вспомнил о пытливым взгляде маленькой старой женщины после его осуждения. Она хотела видеть, как я приму это, думал он. Нет, большое спасибо. Она увидела бы еще больше, она узнала бы, как дракон мучит меня, и какой я, по сути, трус. Надо надеяться, Лифбург не замечает этого, мне так плохо удастся что-то скрывать.

- Ты очень умная девушка, – серьезно сказал он, – и все, что ты говоришь, означает для меня очень много. Это для меня куда ценнее всего того, что могла бы сказать мне эта старая женщина.

- Тут ты переоцениваешь меня, – сказала она. Она встала. – Пойдем со мной, я должна принести воду.

Они пошли к пруду, и она наполняла свой кувшин, как в тот день их первой встречи. Снова тишина лежала как туман над темной водой, и маленькие белые ноги Лифбург стояли в прозрачной воде. Но, все же, это не было так, как в тот день.

Когда они возвращались к цветам, Лифбург спросила: – Стало ли тебе и на этот раз немного лучше?

Он пожал плечами. – Лебедей не хватает.

- У нас будут новые. Первой весной лебеди большими стаями прилетают на остров – как посланники бога, чтобы объявить, что теперь уже скоро настанет время высиживания птенцов и больших праздников. Они остаются только на короткое время, потом они улетают дальше на север. Но мы удержим здесь пару молодых лебедей, они охотно приживутся здесь и устроят свое гнездо у пруда...

- Я их больше не увижу, – сказал он. Он просто не мог скрыть это.

Она снова взяла его руку. – У тебя еще есть одна луна, за это время многое может произойти. И мы можем видеться каждый день. Я всегда прихожу примерно в это время. И тогда я буду петь для тебя, и рассказывать тебе истории, пока мне хватит времени. И утешать тебя, чтобы ты не был печален. Ты согласен?

- Ты очень добра, – повторил он.

Все происходило так, как она говорила. Он встречал ее каждый день в то же самое время у храма. Он помогал ей поливать цветы – розовый куст цвел и становился все красивее и красивее – и позже они сидели рядом и рассказывали друг другу истории, которые так хорошо подходили к зачарованной сказочной красоте этого святого места и к этим странным дням, или пели вместе. Она учи-

ла его своим священным песням, а он ее своим. Иногда они держали друг друга за руки. Более тесное соприкосновение воспрещала строгость Лифбург и ее невинное доверие, которое он уважал. Она верила – и даже иногда говорила, что он был добр, и он действительно был таким в эти счастливо-мечтательные мгновения, когда они были вместе.

Не всегда светило солнце, иногда шел дождь, или дул резкий ветер. Тогда они сидели на пороге между помещением храма и сенями. И когда Вигберт оставался наедине с самим собой, он в дождь и ветер ходил по всей территории святилища, тихонько напевал, смотрел на море, облака и птиц, и мочил голые ноги в маленьком ручье у пруда.

Когда приходили верующие, чтобы помолиться перед изображением бога, он прятался от них. Иногда подарки лежали у ног статуи, которые старики затем относили в дом сокровищ, который стоял у королевского двора, скрытый в кустах. Вигберт проскальзывал в кустарник и искал обходные пути, если он слышал чужие шаги. Но приходили немногие, и тишине и зачарованности святилища едва ли мешали молчаливый приход и уход случайных посетителей.

Но со временем Вигберт начал тосковать по настоящей деятельности. Поэтому он начал помогать старикам в их работе, что им очень нравилось. Он чистил сверкающий храм вместе с ними, обрезал кусты и полел сорняки, которые грозили разрастись на дорожках. Хотя старики строго следили за тем, чтобы он не рвал траву и маленькие цветы, которые проросли между камнями мощеной площади.

- Бог любит все, что всходит и цветет, – говорили они. – Только там, где зелень совсем не нужна, там, пожалуй, мы не даем ей разрастаться или совсем удаляем.

Работа благотворно воздействовала на Вигберта, она также помогала изгнать мрачные мысли и держать в страхе дракона. И тогда к нему пришла мысль заняться тем, что было его самой любимой работой: резьбой по дереву. Мягкую древесину и нож достали ему старики. Сначала он попробовал подражать чудесным узорам мировых столбов и столбов храма. Но это не выходило у него хорошо, то, что он делал, выглядело неуклюжим, неумелым и некрасивым. Скоро его потянуло дальше, к статуе бога, и почти неохотно он начал, сначала робко, вырезать копию прекрасного лица в куске старой древесины.

Иногда работа, кажется, удавалась ему, иногда нет. Но даже если он был очень недоволен тем, что у него здесь получалось, эта работа, тем не менее, удерживала его, он буквально зарывался в нее.

Иногда Лифбург сидела рядом с ним на пороге двери храма и смотрела на него. Она видела, как из древесины очень медленно появлялся божественный лик во все более четких формах. – Это он, – тихо сказала она. – Это будет он, Вигберт. Он выйдет из твоих рук, точно такой, какой он есть.

- И он такой? – спрашивал он, рассматривая свое творение. – Я не знаю – да, вероятно...

Она также видела, как он иногда робко поглаживал постепенно становившуюся все более гладкой поверхность древесины. Она знала, что он тайком боролся с тем, кто для них жил в этом куске дерева, что он сопротивлялся ему и одновременно любил его и с почтением чувствовал себя покоренным им, как раньше отцом Виллибрордом.

Вигберт ощущал, что эта борьба делала его счастливым, как и эти захватывающие дни в святилище давали ему парящее, нереальное счастье, за которым стояло возвышающее, но также и углубляющее, никогда незабываемое чувство скоротечности времени и мрачного конца.

Так как дни пролетали быстро, один за другим уходили они в прошлое, как будто он сидел в лодке, которую бурная река все быстрее уносила с собой, он, казалось, несся к воротам, за которыми не было ничего, кроме страшной пустоты, ужаса, взглянуть на который он так боялся.

Дни были прекрасны, но ночами ему снилась бурная река и ужасная темнота, в которую его неуклонно затягивало. Он чувствовал душащие руки на своей шее, и дракон поднимался и сдавливал ему грудь. Часто он просыпался в холодном поту.

Однажды он сидел вместе с Лифбург на постаменте статуи. Он отложил нож для резьбы, потому что сегодня его произведение не нравилось ему, и он праздно смотрел в одну точку. Тут она спросила: – Они тебе дают достаточно еды, смотрители святилища там на королевском дворе?

- О, да, конечно. А что?

- У тебя стало такое узкое лицо, я заметила. Ты не бледный, – он так много был на открытом воздухе и загорел под майским солнцем, – но ты выглядишь старше, чем тогда, когда я увидела тебя впервые. Ты слишком много размышляешь.

Он повернул к ней лицо и попробовал улыбнуться.

- Может быть. Но от этого вряд ли может быть какой-то вред.

- Тут дело в том, о чем именно ты думаешь, – сказала она себе под нос. И потом она взяла быка за рога: – Ты думаешь очень много об утре дня летнего солнцестояния?

Он вздрогнул. – Я не знаю. Нет.

Это должно было прозвучать безразлично. – Давай поговорим о чем-нибудь другом, Лифбург.

- Нет, я думаю, мы должны поговорить как раз об этом. Ты не знаешь, как это происходит на самом деле. Бог несет корону, и она вспыхивает, когда первый луч попадает на нее. И тогда мы, девушки, поем. Затем, иногда, забивают быка. И потом мы все с песнями идем длинной процессией, король и все люди с солнечными знаками и штандартами по далекой дороге до скал на море. И тогда тот, кто является жертвой, поднимается на высокий камень, который возвышается над волнами и вокруг которого летают чайки. На этом человеке белая одежда, и он стоит наверху и распростирает руки и молится, и потом..., – она запнулась, ее голос немного задрожал, – потом он прыгает далеко в синеву неба и моря...

Вигберт закашлялся. – Прыгает? – спросил он. – Если он пойманный преступник, он там стоит, наверное, в оковах, и его просто сталкивают вниз, так я думаю.

Она энергично покачала головой. – О, нет, нет. Никто не смог бы забраться туда связанным или в оковах. Но это и не нужно, и сталкивать его тоже не нужно. Все прыгают добровольно.

- И добровольно тоже? Я в это не верю.

- Я, – она говорила тихо, и немного запинаясь, – только один раз видела прыжок жертвы собственными глазами, но я много слышала, что об этом рассказывали. Это правда: все прыгают добровольно. Это падение в волны было бы без смысла и воздействия, если бы оно произошло не добровольно.

- Тот, кого несправедливым приговором принуждают броситься в море, тот не прыгает добровольно, Лифбург.

Лифбург подыскивала слова. – Они, они все знают, что бог позвал их. Что они ему нужны...

- Для чего они ему нужны?

- Я не знаю. Но он нуждается в них. Они ведь станут лебедями, его служителями. Ты не понимаешь? Там внизу на глубине в стеклянном дворце происходит превращение, так говорят. Они как лебеди снова выныривают из волн. Они взвиваются, все выше – пока их больше никто не сможет увидеть – и еще выше – к его золотому трону...

Ее голос замер.

Он тяжело дышал. То, что она говорила, сильно взволновало его. Несколько мгновений он спрашивал себя: Правда ли это? Может ли это быть правдой? Было бы прекрасно... Раскрыть белые крылья и подниматься все выше – к нему – раствориться в его свете... Но затем он покачал головой. – Это сказка, я не верю в это, Лифбург.

- Но ты же веришь в то, что ты поднимаешься в твое христианское небо. Разве это не то же самое?

Он задумался. Потом он снова покачал головой. – И в это я тоже не верю. Лифбург. Хотя я и монах, и у меня был такой добрый аббат, – печально добавил он. – Когда-то я верил в это, и также в то, что Христос откроет нам небо, но с тех пор как я, как я оказался так близко к этому – ты понимаешь?

Она кивнула.

- С тех пор как я приблизился к этому мнимому восхождению в небо – или к этому падению в глубину, настолько сильно приблизился, я уже больше не верю ни во что подобное. И уж тем более в какой-то смысл. В чем же находится этот смысл?

Он в отчаянии воскликнул: – Меня приносят в жертву бессмысленно – вопреки моей воле – бессмысленно... Смерть, которая не поможет никому – лебедь? Ах, что, зачем мне становиться лебедем и служить несправедливому богу, которого, вероятно, и вовсе не существует? Бессмысленно...

Он говорил громко, распаяясь до настоящего бешенства.

Только тогда он взглянул на нее и заметил, что она плакала.

Это привело его в чувство. Испуганно он обнял ее за плечи. – Не плачь, Лифбург, пожалуйста, не плачь. Все равно все это так, как есть. Ты веришь, и это хорошо...

- Ах, я не знаю, верю ли я действительно в это, – всхлипывала она. – И это мне тоже совсем безразлично...

- Ты хотела лишь только утешить меня и немного помочь мне.

Он нежно ее погладил.

- Да. Ах, я же вовсе не хочу, чтобы ты умирал. И не хочу, чтобы ты стал лебедем. Не хочу, чтобы ты прыгнул со скалы. Я больше не могу потерять тебя, я не вынесу этого. Я не знаю, что мне делать.

Он прижал ее к себе. Он неловко пытался утешить ее. При этом он сам был готов расплакаться и, все же, он в то же время был счастлив. Она сказала, что она не хочет потерять его. – И я тоже не хочу потерять тебя, моя дорогая, мое сердце, мое все...

- Должна ли я прыгнуть с тобой со скалы? Но они не допустят этого...

- Нет. О, нет. Только этого еще не хватало. Тогда я буду виновен в твоей смерти...

- Но как же мне жить дальше без тебя?

Как только эти слова вырвались у нее, она сразу же застыдилась их. – Ах, прости, – бормотала она. – Я только лишь делаю тебя еще более печальным, а я же совсем не хотела этого. Она отодвинулась от него, вытерла слезы в глазах и поднялась.

Он взглянул на нее. – Ты делаешь меня счастливым, – тихо сказал он.

Она покачала головой и сжала кулаки. – Если бы я смогла бы хоть что-то придумать! Если бы я только знала, что мы могли бы сделать. Ты дал клятву, ты не можешь убежать. Король должен повиноваться приговору Фосты, и он, Фоста, молчит – он. Кто поможет нам?

Она сцепила ладони и осмотрелась, как будто бы она искала в далекой окрестности того, кто мог бы помочь.

Тут тихий, низкий голос произнес из сумрачной глубины храма: – В этом месте нельзя говорить очень громко, Лифбург.

Лифбург вздрогнула. Из тени вышла на свет белая фигура, маленькая старая женщина стояла на пороге, седые волосы под повязкой на лбу. На поясе у нее висел большой ключ.

Лифбург быстро подошла к ней. – О, Альбруна, – сказала она, с трудом приглушая свой голос, – ты здесь. Это хорошо. Мы в такой большой беде. Помоги нам. Не сможешь ли ты помочь нам?

Старая женщина перевела взгляд с Лифбург на Вигберта, который невольно поднялся. Взгляд ее прозрачных глаз лежал на нем. Он вовсе не был недружелюбным, скорее испытующим и наблюдающим; в нем было что-то вроде сдержанного, скрытого, тихого знания, то, что, как Вигберт думал, он видел иногда в глазах деревянного бога. Эта женщина знает обо мне все, эта мысль снова пронзила его, я ничего не смогу скрыть от нее.

После паузы она произнесла своим низким голосом: – Если вы, как дети, требуете только внешнего, то я это не смогу.

Лифбург опустил голову. – Ах, я знаю, нет смысла просить короля.

- Нет, – подтвердила женщина тихо и спокойно, – даже он может делать только то, что положено ему. Он тоже может сказать только «да».

Она снова посмотрела на Вигберта.

- Все дело в том, что нужно соглашаться с приговором богов, – подчеркнуто сказала она.

- Даже если этот приговор несправедлив? – спросил он, теперь уже не громким и возмущенным голосом, а так же тихо, как говорила она.

- Да, даже если этот приговор кажется нам несправедливым, – ответила она.

Лифбург вмешалась в разговор: – Да, мы уже говорили об этом. Необъяснимая воля, говорит он. Но это не утешает.

- Ты боишься смерти, – обратилась Альбруна к Вигберту.

Лифбург быстро крикнула: – Нет, нет, он не боится, но...

Она умолкла, старая женщина смотрела только на Вигберта.

Он колебался лишь короткое время. – Нет, я все же очень боюсь. Я не могу справиться со страхом во мне, как сильно я ни стараюсь.

- Преодолеть страх трудно, но возможно. Главное, это согласиться с тем, что воля богов больше твоей собственной. Нужно любить их так сильно, что собственная воля меркнет перед их волей, как свет, который растворяется в большом свете и теряется в нем.

Вигберт сделал глубокий вдох. Из строгого голоса женщины к нему пришло что-то, что взволновало его, ему показалось, как будто издалека ему показали что-то, что он не мог на самом деле разглядеть, слабый свет, который, однако, снова погас.

- Я разучился любить богов, – признался он.

- Также Христа, которого они называют сыном божьим?

Он вздохнул. – Я не знаю. Меня учили любить его. Я связан с ним моей клятвой как с моим господином. Но теперь он так далеко отодвинулся от меня. Небо для меня закрыто и пусто.

- А другой? Слабым движением руки она указала на статую.

Вигберт ответил измученным тоном: – Я думаю, что я начал любить его. Но затем все было разрушено. Я не знаю, существует ли он, и если он существует...

Он не договорил и пожал плечами.

Старая женщина посмотрела вниз на кусок дерева с вырезанным изображением, который лежал на земле вместе с ножом для резьбы по дереву. – Ты выбрал хороший путь, чтобы снова добраться оцупью к потерянной любви.

- Я вовсе не могу любить его, – ответил Вигберт огорченно. – Нам, христианам, запрещено поклоняться другому богу, кроме Отца, Сына и Святого духа.

- Я знаю, – спокойно ответила она, – что христианские люди настолько глупы, что они запрещают человеку то, что является его первым и свойственным от природы правом: самому выбирать того бога, который кажется ему самым достойным доверия, и призыв которого он слышит в своем сердце.

Снова Вигберту пришлось глубоко вздохнуть.

- Ты думаешь, что можно было бы любить также двух богов, даже таких, которые враждуют друг с другом?

- Боги не враждуют друг с другом. Как они могут враждовать? Это люди, которые ставят здесь знаки войны, там, где их не должно быть. Христиане. Они несут войну и принуждение туда, где царят мир и свобода, а потом еще говорят о мире божьем.

Она говорила все это без горечи, очень просто, как утверждение. Что должен был на это ответить Вигберт? Он же на своем опыте испытал, что это действительно было так. И, все же, он считал себя обязанным защищать то, с чем он был связан с самого детства. Он беспомощно произнес: – Они верят, что на самом деле есть только один сын божий. И – Христос победил смерть...

- Фосите тоже победил дракона смерти. Они – братья, – бормотала она, – если не больше...

Затем она замолчала, очевидно, глубоко погрузившись в мысли.

Тогда она подняла голову. Снова ее прозрачный взгляд, полный знания, был направлен на Вигберта. – Если бы один из них помог тебе победить дракона внутри тебя, ты поблагодарил бы его?

- От всего сердца, – прошептал он.

Лифбург вмешалась в их разговор: – Альбруна, неужели нет никакого способа, совсем никакого пути, чтобы помочь ему? Не должны ли мы попросить богов?

Альбруна покачала головой. – Он должен сам найти этот путь, иначе ничего не получится. Только тогда бог поможет ему.

Эти слова она снова произнесла тихим шепотом.

- Ах, но...

Лифбург опустила голову.

- Пойдемте за мной! – приказала Альбруна. Они последовали за нею. Она очень прямо и спокойно пошла по дорожке, идущей вокруг храма, и привела их к пруду. Она шла не к источнику, а туда, где недалеко от берега на поверхности водоема плавали большие листья кувшинок. Она показала на них, и Вигберт только теперь увидел, что тут и там между листьями выглядывали бутоны еще нераспустившихся цветов.

Альбруна молча указала на один из них, он был гораздо больше и сильнее, чем другие.

Но только когда они прошли дальше и оказались под деревьями, она заговорила.

- Когда тот цветок распустится, Вигберт будет знать свой путь, – сказала она тихо, но четко.

Но потом она взяла Лифбург за руку. – Пойдем, дитя мое, ты давно просрочила время, которое дано тебе здесь наверху.

Лифбург кивнула Вигберту. – Мы встретимся снова. Альбруна, не могла бы ты иногда приходить и рассказывать ему, нет, нам, то, что полезно и может помочь? Ты мудра, ты знаешь все с давних дней. Все, что было, что есть и что будет...

- Не все, – возразила Альбруна. – Рассказать о знаниях предков христианину? Теперь она улыбнулась, и доброта появилась в ее взгляде. – Посмотрим.

Прощай, сын мой, и помни о том хорошем мужестве, которое ты, вопреки дракону, несешь в своей душе.

Она снова наклонила голову и ушла. Лифбург еще пару раз оглянулась на Вигберта и улыбнулась ему, хотя слезы все еще блестели на ее розовых щеках.

Искушение

Встреча с этой мудрой женщиной и знание о любви Лифбург принесли в душу Вигберта что-то вроде мира. Он чувствовал в себе тайное, робкое счастье, которое делало его спокойнее.

Но затем произошло нечто, что сильно помешало этому сказочному и, вероятно, обманчивому миру.

Случилось это уже следующим вечером. Вигберт во второй половине дня обрел со стариками кусты у изгороди для священных коров и убирал хворост. Так как он забыл свой нож в загоне, он на закате еще раз вернулся к забору под храмом.

Там он услышал шелест в кустарнике, какой-то человек осторожно вышел из кустов и, кажется, помахал ему.

- Вигберт, – слышался тихий голос.

- Тойдберт!

Вигберт перемахнул через ограждение и подбежал навстречу другу. Он схватил его за обе руки. – Тойдберт, ты пришел сюда?

Он смеялся от радости.

- Говори тихо, – сказал Тойдберт. – Никто не должен увидеть или услышать меня.

- Ах, здесь нет ни души. Быки пасутся в самом низу у ручья, ни один человек сюда не приходит. Впрочем, я не думаю, что это помешает кому-нибудь, если ко мне кто-то придет в гости.

- Помешает? Вероятно, нет. Но это помешало бы мне, если те, кто здесь держит тебя под стражей, узнают, что я был у тебя. Пойдем, мы сядем на склоне между кустами. Я должен поговорить с тобой. Ты, наверное, подумал, что я так же неверен тебе, как твои христианские монахи, и ничуть не забочусь о тебе и о твоей судьбе.

- Нет, так я не думал. Но я понял бы и посчитал бы правильным, если бы ты с Норбертом уехал назад на родину. Где он? Он должен вернуться к своей матери.

- Он туда и вернется. Только не надо так спешить.

Тойдберт немного засмеялся. – Ты такой бескорыстный и самоотверженный, какими должны были бы быть христианские монахи, вот только, к сожалению, они такими бывают очень редко, как мы увидели, – добавил он мрачно. – Мне довольно долго пришлось прислушиваться, пока я не нашел подходящую лодку с молчаливыми людьми...

- Остальные уже уехали? Братья по вере? И что с мальчиками? Я живу здесь в уединении как на острове покойников и вообще не знаю, что происходит в мире.

- Этот Виллиброрд со своими людьми сразу же на следующий день после суда уехал на корабле в страну франков, чтобы стать епископом, как я слышал. Мальчикам король предоставил выбор. Одиннадцать ушли с монахами, остальным король предоставил корабль, чтобы вернуть их на родину. Норберт и я сделали вид, будто бы мы хотели поплыть с ними, но потом мы ночью скрылись

в гавани и нашли, наконец, уединенный рыбацкий дом, в котором приняли нас. Люди там надежны, я дал им золото, и мой слуга помогает им ловить рыбу – так что они очень привязались ко мне. И они также раздобыли ту лодку, о которой я говорил. Итак – и теперь слушай!

Он поднял свисающую ветку и осмотрелся вокруг, не мог ли кто-то поблизости подслушивать их.

- Слушай, Вигберт. Лодка в одну из ближайших ночей будет находиться там внизу в маленьком заливе, который они называют Восточной гаванью – недалеко к югу отсюда. Там безопасное место, корабли туда почти не заходят. Мы, естественно, должны выждать благоприятный ветер, поэтому еще нельзя точно сказать, в какую именно ночь мы сможем выйти в море. Это маленькая, но хорошая лодка, и эти люди опытные моряки. С этим не будет трудностей. Но ты должен каждый вечер ждать здесь на склоне и быть готовым. Когда придет нужное время, я приду и заберу тебя. Хорошо?

Захваченный врасплох и оглушенный Вигберт качал головой.

- Но – ты думаешь, я должен...

- Конечно.

Такая большая несообразительность заставила Тойдберта снова рассмеяться. – Ты должен поплыть с нами, а как же иначе? Как ты думаешь, ради чего я нанял эту лодку? Чтобы устраивать на ней морские прогулки или ловить рыбу?

- Вы остались здесь только потому, чтобы спасти меня, ты и малыш?

- Конечно, – повторил Тойдберт. – Или ты всерьез думаешь, что мы сделаны из того же теста, что и твои благородные братья по вере, которые бросили друга на произвол судьбы и радостно уплыли прочь?

- Ах, Тойдберт, это был приговор, что...

- Это была их трусость, ничего больше. Я видел их лица, когда они шли с площади суда, они прямо-таки сияли от облегчения... И никто не думал о жертве.

- Отец Виллиброрд – он, все же..., – пробормотал Вигберт.

- Он знал, что король не решится приговорить к смерти так называемого посланника франкского герцога. Он видел перед собой сан епископа и был очень

доволен... Если ты думаешь, что ты еще обязан верностью ему или этому христианскому богу, то ты...

- Значит, ты больше не хочешь стать христианином?

- Разумеется, нет. Я видел, чего стоят эти христианские боги и, прежде всего, те, кто так много о них говорит.

- Но ты не можешь судить о боге только по его служителям.

- О, нет, нет. Я увидел уже достаточно, – вспыльчиво повторил Тойдберт.

- Тойдберт, я уже много размышлял над всем этим. Отец Виллиброрд говорил мне, что бог позвал его. Он должен был идти, чтобы выполнить свое задание...

- Кто в это поверит... Это так похоже на тебя, что ты еще защищаешь тех, кто впутал тебя в эту беду и потом бросил тебя там. Однако, что бы там с ним ни было, пойми, наконец-то, что у меня есть корабль, который должен доставить тебя на свободу, что ты не умрешь, Вигберт.

Вигберт сделал очень глубокий вдох. Он давно понял это, но, как ни странно, это казалось ему совсем невероятным и как что-то, о чем только так просто болтают, и чего не было в действительности. – Не умру? – повторил он вопросительно.

- Нет. Ты не должен истечь кровью под ножом для забоя скота от рук язычников, как это называют христиане.

- Я должен прыгнуть со скалы в море, – пробормотал Вигберт.

- Тебя, что, околдовали? – спросил Тойдберт обеспокоенно. – Мне кажется, что ты все еще не понял.

Теперь он кричал ему прямо в уши: – Мы хотим освободить тебя...

- Но, все же, Тойдберт, это не получится. Я дал клятву.

К этому возражению Тойдберт, кажется, подготовился заранее. Он быстро возразил: – Это не имеет значения. Клятвы, данные под принуждением, ничего не стоят, никто не должен соблюдать их, это общеизвестно.

- Я могу свободно ходить здесь, потому что я поклялся. Это не было принуждением. Я мог бы отказаться от этого.

- Это было все же принуждение. Ты был пленником, тебе не оставалось ничего другого, кроме как поклясться. Кто знает, что они сделали бы с тобой в противном случае.

- Король доверяет мне, так как я дал свое слово.

- И это обременило бы тебя?

- Ты все еще ненавидишь его?

- Нет. У меня была возможность употребить свой нож, но я не сделал этого. Я видел его и даже говорил с ним. Он действительно разумный человек. Он говорит «бог», Вигберт, но он подразумевает политику. Он не может иначе. Жертвы, какой-то жертвы хочет не бог, но, несомненно, народ. Я слышал разговоры, которые не были предназначены для моих ушей, я точно знаю. Ты был выбран не просто так.

- Ты думаешь, что красный жребий был подсунут мне преднамеренно? Я уже думал об этом.

- Конечно. И это не было тяжело, так как ты был последним, который полез в сумку. Я даже заметил движения того фокусника, который нес сумку. По крайней мере, я думаю, что видел их.

- Маленький Вигберт – самый незначительный из всех...

- Да. Так они подумали. Правда, я все равно не все здесь понимаю. Ты был единственным франком среди монахов, все остальные англосаксы...

- И что это значит – франк? Меня не было, когда миссионеры во дворе Пипина получали его одобрение. Герцог ничего не знал обо мне, он никогда не пришел бы к мысли потребовать ответа за мою жизнь.

- Да, это так. Они здесь знали это. Они знают многое. Где политика, там и шпионы. Но этот король – не изверг, я видел это. Я думаю, что он вовсе не ожидает, что ты соблюдешь клятву. Он, возможно, даже обрадовался бы, если бы ты исчез. Они уж найдут какую-нибудь другую жертву.

- Он был приветлив и добр со мной..., – сказал себе под нос Вигберт.

Он задумался над тем, что сказал ему Тойдберт. Это казалось правдоподобным. Каким-то образом это дело теперь уже не выглядело таким невероятным, оно стало ближе, осязаемей. Что-то как бы вспыхнуло в нем, захватывающее дух

желание последовать призыву Тойдберта и убежать прочь на свободу. Свобода! Это звучало как освобождение, как ликующая радость, дракон больше не пошевелился бы.

Однако было кое-что, мешавшее полному проявлению этой радости. Вигберт сам точно не знал, что именно это было. С осторожной неуверенностью он спросил: – А как же бог? Я имею в виду Фосту. Это ведь был его приговор...?

Тойдберт сердито щелкнул языком. – Ты только что говорил как благоразумный человек, а теперь ты грезишь. Божий суд был подстроен, если ты хочешь услышать это в сухих словах. Никакой бог не имел к этому отношения, там всем управлял только человеческий ум, который должен был считаться с определенными обстоятельствами, как всегда должны поступать побежденные.

Вигберт глубоко вздохнул. Слова Тойдберта каким-то образом причиняли ему боль. Пустое небо... Была ли свобода равносильна холодной пустоте? И хотел ли он все же этой свободы на самом деле?

- И ты уже подумал, – спросил он вяло, – куда именно поплывет та лодка, которую ты нанял?

- К ютландскому побережью, естественно. Ведь мы же должны вернуть домой Норберта. И я тоже хочу вернуться обратно.

- Но как я тогда попаду оттуда в свой монастырь?

- Тебе вовсе не нужно возвращаться туда. Разве ты действительно хочешь снова начать петь и молиться, и вести неестественную жизнь без настоящих поступков, жизнь, в которой мужчина даже не может жениться? Вигберт, подумайся. Твой Белый Христос точно так же бросил тебя на произвол судьбы, как и все другие так называемые боги, ты ничего ему не должен. Мой отец не бедный человек, он обладает влиянием, он легко сможет приобрести тебе маленький крестьянский двор с хорошей землей, который ты сможешь увеличить позже, если сумеешь. В конце концов, ты ведь крестьянский сын...

- Двор? – Вигберт едва ли мог поверить в это. Жгучее желание и радость взвились в нем вверх. – Приобрести мне двор? Мне? Твой отец смог бы?

- Без труда, если я попрошу его об этом. Не волнуйся, Вигберт. Мы, Амальфингеры, сможем помочь тебе.

Вигберт за время этого своего странного плена много думал о своем детстве на отцовском дворе. Бездеятельность заставляла его тосковать по тяжелой работе.

Он помогал старикам и чувствовал при этом большое удовлетворение. Теперь он знал, что желание собственного крестьянского двора, жизни крестьянина на собственной земле, никогда полностью не покидало его, и только было подавлено в монастыре. Внезапно он к своему собственному удивлению заметил, что он ничуть не тосковал по своему монастырю. Для мальчика жизнь там была прекрасной, но мужчина – и тут Тойдберт был прав – нуждался и хотел чего-то иного.

- Тойдберт! Это, это было бы...

- Тебе хочется этого?

- О, да еще как. Тойдберт, какие же вы с отцом, все-таки, замечательные люди!

Тойдберт засмеялся. – Наверное, мы такие и есть. Так ты будешь ждать здесь по вечерам?

Тут радость в его душе снова пропала. – Я не знаю... Тойдберт, было бы прекрасно. Но...

- Ты не хочешь жить, не хочешь действовать и радоваться?

- Летом возделывать поле, зимой заниматься резьбой по дереву...

- Вот именно. И ты хочешь выбросить все это ради каких-то выдумок?

Вигберт смотрел в одну точку. Что это было, что заставляло его колебаться? Там был дракон, он отчетливо шевелился в нем. Я освободился бы от него, я освободился бы от всего: от ужаса перед днем, который столкнет меня в глубину вод, перед самой этой глубиной, перед жадными волнами, которые схватят меня как злые звери. Оставить все это за спиной, вырваться на свободу, уехать прочь и стать тем, кем мне предопределено стать на самом деле. Что же для этого еще нужно? Если Тойдберт говорит правду, то никто в действительности не принял мою клятву всерьез, кроме меня самого. Никого? Он слышал светлый, сладкий голос, который говорил: «Ты поклялся и не можешь убежать». И теперь он также знал, что это было, что заставляло его колебаться. Лифбург. Он должен был бы оставить также ее. Она осталась бы здесь. И что она будет думать о клятвопреступнике? Она верила в богов и в нерушимость данного слова, которую нужно было соблюдать, независимо от обстоятельств, при которых это слово было дано. «Я клянусь дорогим Иисусом Христом, и да поможет мне бог, что я не злоупотреблю доверием короля...» И даже если бы дорогой Иисус Христос действительно ничего больше не значил для него, и если бы он считал доверие

короля пустым словом без содержания, как считал Тойдберт, он все равно не мог разочаровать ее доверие, не мог вычеркнуть из своей жизни те странно прекрасные дни в святилище и сказать: Они ничего не значили для меня...

- Я не могу, Тойдберт, – прошептал он в отчаянии. – Мне бы так хотелось уехать с тобой! Ах! Но я не могу!

- Какое-то колдовство держит тебя, чары, я боялся этого, пробормотал Тойдберт. – Что я могу сказать, что сделать, чтобы освободить тебя?

- Ничего не говори, Тойдберт. Я не могу.

- Там есть какая-то женщина, вот в чем дело, это, должно быть, из-за нее.

- Тише.

- Там есть женщина, которую ты не хочешь оставить. Но подумай: что тебе с нее, когда волны выбросят твой труп на берег. Мой отец сможет найти тебе там у нас хорошую жену...

- Оставь это, Тойдберт, пожалуйста. Ты этого не понимаешь.

- Может быть. И ты все-таки хочешь умереть ради этой женщины?

- Нет, я не хочу умереть. Я боюсь смерти, я хочу жить. Но только не так, Тойдберт.

Он прижал сжатые кулаки друг к другу. – Я не могу просить тебя, чтобы ты понял меня, я ведь и сам себя не понимаю. Дай мне время подумать.

- Хорошо, – сказал Тойдберт и встал. – Мне нужно уходить. Подумай! Я уверен, ты станешь разумным, если хорошенько все обдумаешь. В один из следующих вечеров я снова буду здесь и спрошу тебя. Будь здоров.

Он побежал вниз с горы, прежде чем Вигберт смог сказать что-то еще.

Вигберт вернулся на королевский двор.

Смятение в нем было чудовищным. Вопросы мучили его: да или нет? Он чувствовал себя так, как будто сильные волны бросали его туда и сюда.

Вся ночь прошла так, а также следующий день. Дракон шевелился сильнее, чем прежде. Он, очевидно, был немного усыплен, и теперь он показывал, что у него

все еще была его полная сила. Борьба с ним была тяжела, и часто Вигберту казалось, что он должен проиграть. Тогда он сказал себе: ничего еще не решено окончательно, Тойдберт вернется, и я все еще могу сказать ему «да». То, что я говорил ему, были пустые слова, разве не так? Быть свободным, жить – чего стоит все остальное в сравнении с этим? Ему почти казалось, как будто бы он решился, все же, быть разумным, как Тойдберт это называл.

Но потом – позже, когда он шел к святилищу, весы в его душе снова склонились в другую сторону. Он каждый день проходил мимо пруда и смотрел на бутоны кувшинок на темной поверхности воды. Ни один из бутонов еще не раскрылся, и самый большой тоже. Дни прохладные, думал он, должно пройти еще некоторое время, пока они расцветут. Ах, но, если я убегу с Тойдбертом, я никогда не увижу их открытыми. И с этим, все же, связано предсказание.

Альбруна... Как же я могу уйти до того, как предсказание исполнится? Альбруна знает все, Альбруна должна оказаться права...

И когда он услышал арфу, он подумал: никогда больше не услышать арфу? Лифбург будет стоять рядом с грушей и глядеть в море... Розовый куст отцветет без меня, птицы будут петь, а я не смогу им больше подсвистывать. И когда он потом сидел и вырезал ножом по дереву и внимательно смотрел богу в лицо, чтобы точно передать каждую черту в своем собственном произведении, тогда он думал: как же я могу уйти до того, как закончу эту работу, до того, как он не получится у меня достоверный и красивый, ведь это просто невозможно...

И потом он сидел с Лифбург у ног статуи. Он положил руку на ее плечо, так как он теперь решился на это. Они говорили о детстве, он рассказывал о своем, о дворе отца, о матери, братьях и сестрах, посевах, урожаях, обо всем том, что теперь было так близко ему. И она вновь и вновь кивала, и говорила: – Да, так это было и у нас.

И тогда он спросил ее: – Скажи, Лифбург, если бы я имел теперь свой двор и был крестьянином, захотела ли бы ты стать моей крестьянкой?

Она повернула голову к нему и посмотрела на него сияющими глазами. – Да. Сразу. Тотчас. С огромной радостью. Это было бы самым подходящим для меня. Когда я не ношу белую одежду, я могу хорошо работать, ты знаешь.

- Прекрасный маленький крестьянский двор с хорошей землей, – говорил он. – Большие деревья вокруг дома, широкие поля, коровы, такие же великолепные, как коровы бога там внизу на сочно-зеленом пастбище...

- Да, и красивый маленький дом с огромной соломенной крышей, с очагом в зале, вышитыми одеялами на стульях и скамьях и с твоей резьбой на всех стенах... Да, это было бы хорошо, – тихо добавила она и вздохнула.

- И ты поехала бы со мной? Через бурное море на маленькой лодке к приветливому побережью?

- О, да. Сразу. Если бы ты был свободен, сразу.

Это разрушило его мечту. «Если бы ты был свободен...»

Все же он спросил: – У тебя действительно такое большое доверие ко мне, что ты так просто уехала бы со мной – если бы я был свободен?

- Да, – сказала она. – Конечно. Я же знаю, и я сразу увидела, что ты хороший и добрый, и делаешь только то, что правильно. И всегда держишь свое слово. Такому человеку, пожалуй, можно доверять.

На второй вечер после этого Тойдберт пришел снова. Как тень он стоял в сумерках у забора. Вигберт перегнулся к нему через изгородь.

- Ну? – тихо спросил Тойдберт.

Вигберт взял его за плечи. – Я не могу, Тойдберт. Это окончательно, прости меня. Я счастлив, что у меня есть такие верные друзья, я благодарю тебя и Норберта. Уезжайте без меня. Что сказали бы вы, язычники, которые так высоко ценят верность, верность другу, верность любимым, верность князю, верность данному слову – что сказали бы вы, если бы я пришел с вами как человек, нарушивший свое слово? Он настоящий христианин, так сказали бы вы. Христиане ничего не знают о соблюдении обещания, о верности присяге, им ничего не стоит обмануть доверие. Скажи, что ты понимаешь меня, Тойдберт.

Он сглотнул.

Тойдберт молчал. Затем он тихо ответил только единственным словом: – Да.

- Прощай. Передай привет Норберту. Спасибо вам обоим.

- Прощай. Я уважаю тебя, Вигберт. Но я не теряю надежду.

Это было его последнее слово. Не сказав больше ничего, он скользнул между кустами назад, и легкий треск веток удалился вниз в ложбину.

Вигберт стоял тихо. Он чувствовал себя опустошенным. У него не осталось надежды. Он знал, что он поступил правильно, но это больше не удовлетворяло его теперь. Дракон жил и вставал на дыбы. Борьба должна была продолжаться, и она стала еще тяжелее, чем раньше.

Жертвенный камень

Эта борьба утомляла Вигберта, так что он часто очень уставал. Лицо его осунулось. Он мало ел. По ночам его мучили кошмары.

Только тихий час с Лифбург среди цветов и возле изображения бога давал ему снова и снова некоторое спокойствие. Здесь ему дышалось легче.

Когда они оба там сидели вместе, иногда Альбруна приходила к ним. Беззвучно она появлялась, стояла в белом одеянии под дверью храма, шагала прямо и спокойно к статуе, перед которой она склонялась. Затем она садилась на постамент и рассказывала тихо шепчущим голосом. Лифбург и Вигберт сидели на пороге храма и слушали.

Это были странные, древние истории, которые рассказывала Альбруна, иногда она пела их, как будто это были заклинания, иногда повествовала совершенно трезвым голосом. Эти сказания немного напоминали Вигберту о тех сказках, которые мать рассказывала ему, когда он был ребенком. Но было чувство, что за тем, что шептала Альбруна, скрывалось что-то гораздо большее – языческая мудрость, думал он. Вероятно, ему, как христианину, вовсе не позволено было слушать ее. Но чем уже могли повредить ему эти старые сказания?

Если бы он действительно смог понять их! Но это ему не удавалось. Снова и снова эти предания говорили о жертве, но смысл их оставался неясным. Там была история о великане в начале всех времен, который был так велик как целый мир, и которого корова вылизала из вечного льда. Тогда был только лед и гигантская пропасть Ничто. Но затем пришли три молодых светлых бога и принесли великана в жертву. Они убили и зарезали его и заполнили пропасть Ничто его плотью и кровью. Из его черепа они создали небо, из его мозга облака, из его глаз солнце и луну, из его костей скалы и горы.

- Он был первым богом, который существовал, – говорила Альбруна, – и из него появился мир, такой же, какой он есть теперь.

Вигберт слышал совсем иную историю о сотворении мира. Он спросил: – Откуда же тогда взялись те три молодых бога, если раньше совсем ничего не существовало?

- Они были рождены до начала всего времени. Они были из света и без тела.

- Но зачем они принесли его в жертву и кому?

- Бытию. Они принесли его в жертву, чтобы появился мир.

- Но он должен был умереть. Почему он не защищался, если он был так велик и силен?

- Он не хотел защищаться. Он хотел, чтобы возник мир. Он сам принес себя в жертву для мира, чтобы смогло появиться все, что должно было быть: трава и злаки, песок и море, животные и люди. Чтобы все смогло появиться и расти, жить и радоваться, и благодарить солнце, которое согревает все творения и окружает их своей любовью.

- Это прекрасно, – сказала Лифбург и прильнула к плечу Вигберта.

Но я не понимаю этого, думал он.

- Всегда снова и снова кто-то должен быть готов пожертвовать себя миру, чтобы мир не разрушился, – пела Альбруна тихо и таинственно.

- Иисус Христос, – бормотал Вигберт. – Вероятно, он знал это и поэтому сказал «да» на приговор своего отца, не так ли это было?

- Это было так. И всегда вновь и вновь кто-то должен быть готов. Так как мир находится под угрозой. У корней, из которых растет древо жизни, живет дракон, который грызет их.

Вигберт вздохнул. Он знал этого дракона. – Дракон страха, – прошептал он.

Лифбург вскочила. – Не говори так!

Альбруна произносила свои последние слова как будто отрешенная, перенесшаяся в мыслях куда-то вдаль. Теперь ее взгляд снова стал бодрствующим и пытливо глядел на Вигберта.

- Ты уже проверял, готов ли бутон кувшинки раскрыться? – спросила она.

- Да, он очень скоро раскроется. Там уже можно разглядеть немного белого.

- Осталось лишь несколько дней.

- До летнего солнцестояния, – дополнил он и сжал кулаки.

- Не хочешь ли ты однажды пойти и посетить то место, которое вселяет в тебя ужас? Это может помочь, если человеку хватит мужества посмотреть своей судьбе в глаза.

- Ты думаешь...? Но... Думаешь, я должен посетить ту скалу, которую они называют жертвенным камнем?

- Да, так я думаю.

- Но это невозможно.

Он прямо-таки цеплялся за это возражение. – Я же не могу покидать святилище.

- Ты мог бы получить разрешение пойти туда с сопровождением. Почему бы и нет?

- Нет, он не должен этого делать, – закричала Лифбург, – нет. Это было бы слишком ужасно для него.

- Это не было бы ужасно для него, если у него есть мужество, – ответила Альбруна.

Она посмотрела на Вигберта. Он знал, что он должен был сделать то, что она говорила. – Ты советуешь мне это? – спросил он.

- Да, я советую это.

- Тогда я хочу это сделать, если я смогу получить разрешение, – сказал он.

Вигберт получил разрешение. Это были не воины или стражники, а три старика из святилища, которые пошли с ним как его проводники и стражи.

Они вышли рано утром, лишь немного людей встречались им на узких тропах, которые вели через зеленую, благодатную землю. Снова и снова думал Вигберт: послезавтра я буду здесь идти, тоже рано утром, в большой, торжественной процессии меня поведут этой дорогой...

Тот скалистый массив, который он часто видел возвышающимся на горизонте как нежные, серые тени, становился все более широким и высоким, когда они приближались к нему. Протянувшийся вдоль и плоский наверху, он был очень похож на огромный корабль, который лежал там перед побережьем зеленого острова, темно-красный в бледном свете утра, изборожденный пересекающими его полосками белого камня, подобными светлым лентам. Видны были также черные скалы и одна скала, светившаяся совсем белоснежно. Старики сказали, что одна легенда повествует, что это якобы действительно был корабль, который когда-то захотел пристать здесь вопреки воле бога и за это в ужасной буре богов превратился в камень. Но в это не стоит верить, добавили они, потому что, такого большого корабля никогда не было.

Они добрались до подножия скал по деревянному мосту, так как узкий водоток отделял скальный массив от остального острова с его плодородной болотистой почвой. Довольно долго они брели под круто возвышающейся скалой, у которой только у подножия росла редкая трава. Потом их путь повернул налево, внутрь в глухие заросли очень узкой долины, проема между возвышающимися до небес красными камнями. Здесь было сумрачно и прохладно, так что Вигберта пробрала дрожь. В конце ущелья маленькая тропка вела через гальку и по выдолбленным в камне ступеням круто вверх.

- Здесь ты должен подняться, – сказал Вигберту самый старый из трех мужчин.
– Но мы не будем сопровождать тебя, мы подождем тебя здесь.

Вигберт начал подъем. Лезть вверх было тяжело, и его сердце билось сильно и причиняло ему затруднения. Иногда он, запыхавшись, должен был останавливаться, чтобы перевести дух.

Когда он поднялся выше, он попал из холодной темноты на солнце, которое стояло за ним и ярко освещало камень. Теперь ощущение холода покинуло Вигберта, но не его подавленность. Пот проступил у него на лбу.

И затем он был уже на самом верху. Еще несколько шагов, и вот уже у него трава под ногами и дыхание свежего ветра на лице. Вокруг него был простор, такой светлый и великолепный. Перед ним море, бушующее до самой линии горизонта, которая расплывалась в тонкой пронизанной солнцем утренней дымке, над ним небо, нежно-голубое, огромное, и под его сводом еще немного разорванных облаков.

Вигберт стоял совсем тихо, обдуваемый ветром. Он дышал все глубже, все больше расширялась его грудь. Освежение охватило его и большая, потрясающая радость.

Только через некоторое время он прошел еще несколько шагов вперед. Поверхность скалы, на которой он стоял, не была велика и заросла редкой, солнечно-душистой травой. Скала, этот жертвенный камень, немного выдвинутая вперед от скального массива, возвышалась в море, которое почти полностью омывало ее. Внизу белые волны с шипением бились об нее, они с громким шлепком обрушивались на узкую выемку утеса рядом с ней, переливались через нее и снова откатывались назад в равномерной игре. Сегодня море спокойно колыхалось под светом солнечного дня. Оно было спокойным и выглядело не серо-зеленым, как часто бывает, а серебристым вдали, светлым вблизи и с пурпурным отблеском над синевой.

Вигберт жадно вдыхал аромат морской воды, который ветер приносил к нему из светлой дали. Блаженство наполняло его, он чувствовал, что теперь в нем больше не оставалось места для страха. Он подошел к самому краю скалы, там она отвесно спускалась в глубину. Под ним парили белые чайки, они как волны скользили в щель в скале и снова наружу, кружились, поднимались и снова опускались вниз, и иногда кричали дикими, резкими голосами, которые, как казалось Вигберту, возвещали не что иное, как радость жизни.

И когда он взглянул вверх, он увидел хищную птицу, которая высоко над ним описывала большие круги, все шире, все дальше прочь, над морем, внезапно стремительно понеслась к воде и снова поднялась высоко вверх, описала круг и исчезла.

Вот что это такое, подумал Вигберт, свободно лететь, парить в небе, преодолевать огромные просторы, свободно до бесконечности... Теперь я понимаю все то, что они говорили мне: прыгнуть добровольно, стать лебедем, на мощных крыльях подняться ввысь к господину неба и света.

Как опьянение пришло это к нему: глубина больше не пугала его, она манила. Теперь он должен был почти с трудом заставить себя, чтобы не поддаться ей в далеком прыжке. – Нет, не сейчас, еще не сейчас. Сначала распростереть руки и молиться...

Он сделал это. Он стоял с широко распростертыми руками. Желание петь охватило его. «Gloria, Gloria in excelsis Deo, слава, слава в вышних богу...»

И затем он замолчал и опустил руки. – Отец, в руки твои предаюсь я со всем, что я есть и что у меня есть. Да свершится воля твоя, – произнес он тихо и медленно.

Он не знал, к какому богу он обращался. Теперь все боги были одним, они все вместе сливались в свете в единственное большое, золотое присутствие, которое он ощущал физически, которое он видел. С горизонта оно парило к нему, сверкающее золото без контура, тем не менее, существо, которое с любовью протягивало к нему свои руки, хотело притянуть его к себе – «к тебе, к тебе, мой отец, бог и господин...»

И это золотое присутствие говорило без звука и голоса: «Всегда должен быть кто-то, кто жертвует самого себя миру, чтобы этот мир мог продолжить существовать...»

Ощущение этого присутствия охватило его, он не знал, как долго это длилось.

Но потом с самого низу, из глухих скал донесся вверх к нему телесный, человеческий голос, который, хоть и звучал так далеко и так слабо, все же вырвал его из состояния восхищенного экстаза: – Вигберт! Вигберт! Спускайся! Иди сюда!

Он сделал глубокий вдох еще несколько раз. Он почти не мог оторваться. Но, все же, затем он приступил к спуску. Он беззаботно бежал вниз через ступени и склоны; наполненный счастьем и с песней на устах, он почти не обращал внимания на то, куда он ступал, где он скользил, съезжал, падал, прыгал – и очень быстро оказался внизу.

Там его ожидали три отца. У них были озабоченные лица. – Однако он все же идет, это длилось долго, – говорили они.

- Наверху было так прекрасно, – извинялся он. О том, что там бог встретил его, об этом он ничего не мог рассказать им.

Они побрели назад навстречу поднимающемуся солнцу. Вигберт чувствовал в себе никогда прежде не ведомое ему чувство свободы. Дракон больше не шевелился. Он был мертв и побежден – это бог помог мне, думал Вигберт.

В эту ночь ему приснился большой цветок, который стоял перед ним сначала как бутон, а потом медленно раскрыл свои лепестки. Внутри него было золотое ядро, которое светилось как лампа, с таким светом, который сиял все теплее, и от которого к грезившему поднимался сладкий аромат.

Утром он пошел к пруду. Кувшинка раскрылась, ее белые лепестки лежали венком вокруг золотой середины. Вигберт долго рассматривал ее.

Позже он встретил Лифбург.

– Представь себе, – сказал он ей, улыбаясь, – у меня такое чувство, как будто я стал совсем другим человеком.

- Именно таким ты и выглядишь, – ответила она.

Свобода

Ранним утром праздничного дня еще перед восходом солнца, длинная процессия двигалась к святилищу. Король пришел со всеми своими советниками и знатью, за ними следовали жители острова, мужчины, женщины и дети. Стражники и воины поддерживали порядок в шествии и замыкали его. Перед статуей бога был зажжен огонь. Там остановился король, за ним стояли судьи, старейшины и свита, народ толпился в храме и еще снаружи в роще.

Вигберта привели к тому месту, где стоял король. На Вигберте была длинная белоснежная одежда, которую посланец короля торжественно передал ему. Это одеяние напомнило ему о тех рубашках, которые были на трех дрожащих крестниках здесь в пруду. Вигберт не был связан, свободно и уверенным шагом он вошел в полукруг перед изображением Фосите. Он стоял прямо, наполненный напряженным возбуждением, но, все же, без страха и охваченный чувством торжества этого мгновения. Этот ранний час с его еще бледной прохладой, кажется, происходил из какого-то сна, но в этом сне не было ничего тягостного.

Вигберт думал о скале жертвоприношений, и в нем была готовность и в то же время чувство большой легкости, такой, как будто бы он уже больше не совсем был привязан к земле.

Затрубили рога, это было так, как будто бы резкий звук отдался эхом в тихом воздухе. Затем откуда-то донеслось пение. Вигберт встрепенулся и прислушался. Приближалась колонна девушек в белом, одна шла за другой, он видел розовые лица, которые серьезно смотрели из-под белых повязок на головах, видел рты, которые двигались в пении. Но это были чужие лица, ни одно из них не было знакомо ему. Девушки несли священные предметы, как и говорила Лифбург: золотые кубки, каменный нож, большой медный котел, который двое девушек несли между собой, держа за ушки, копье, и на вытянутых руках много цветной материи. Последняя девушка, высокая и красивая, держала в своих ладонях золотую корону с длинными зубцами красивой формы. Но это была не Лифбург.

Вигберт изо всех сил всматривался, но так и не увидел ее. Девять белых дев, но Лифбург среди них не было. Разочарование и боль разорвали его мечтательное

спокойствие. Он ведь с такой уверенностью думал, что он сможет увидеть ее здесь в последний раз. Он надеялся, что ее заботливая улыбка будет сопровождать его в этом странном шествии, к которому он теперь так скоро должен был приступить. Где же была Лифбург, почему она не несла корону?

Обеспокоенно он взглянул на Альбруну, которая, следуя за девушками, приближалась сюда в некотором отдалении от них, маленькая, белая и с достоинством, как всегда. Ее веки были опущены, и она не ответила на взгляд Вигберта.

Девушки образовали полукруг перед богом, обратив лица к нему. Маленький огонь в чаше на земле издавал ароматный запах, туда, это знал Вигберт, засыпали янтарь, который медленно сгорал здесь.

Дева, которая несла корону, подошла к статуе, потянулась вверх и водрузила корону на голову бога. Теперь изображение выглядело намного больше. Его лицо, каки вся сидящая фигура, находилось в тени. Зубцы короны выделялись темными контурами на фоне уже ставшего светлым неба снаружи.

Девушка отошла назад, теперь белые девы снова пели. Слова песни нельзя было понять, но мелодия звучала чарующе, как волшебное пение. К припеву присоединились все присутствующие, сначала король сильным голосом, затем все мужчины и женщины. И в этом пении всегда повторялись одни и те же слова, как будто они хотели что-то заклинать, или вызвать то, что должно было наступить.

И оно наступило. На востоке небо было желтовато-светлым, затем оно покраснело. Теперь сверкнул первый луч солнца, и одновременно верхушки зубцов короны начали вспыхивать, как будто бы маленькие огоньки мерцали в них. Луч прошел с северо-востока через круглую дыру в боковой стене. Все больший свет заливал корону, теперь все ее длинные зубцы горели, затем золотое кольцо на лбу, и потом все лицо бога было полностью в свете, усиленном ярким блеском короны. В толпе раздалось что-то вроде вздоха или крика, и король начал петь громко, подобно распеванию псалмов.

Бог смотрел на Вигберта. Его сияющее лицо казалось изменившимся, оно светило в улыбке, которая, кажется, охватила Вигберта, таким же образом, как воздействовало на него золотое присутствие там на скале. Темные, большие глаза излучали величественную доброту и что-то вроде триумфа, того же триумфа, который звучал также в песне короля. Пение закончилось призывом, который подхватили все: «Благослови нас, о, господин и бог, благослови нас!»

Затем все склонились перед статуей, также Вигберт. И тогда две девушки подошли к королю и возложили ему на плечи большой синий плащ. Другая подала ему каменный нож.

- Теперь мы пойдем к жертве, – воскликнул он.

- Все же, сначала пророчица должна сказать свое слово, – продолжил он более приглушенно.

Вигберт увидел, что король махнул ему рукой. Это значило, что он просил Вигберта подойти к нему. Вигберт послушно прошел несколько шагов вперед и стоял теперь у огня. Его сердце сильно билось. Что произойдет? Не должен ли был я все же прыгнуть со скалы...?

Альбруна стояла на камне рядом со статуей. Теперь она сказала: – Слушайте!

Требую тишины, она подняла руку, но и так уже всюду воцарилась напряженная тишина, также внутри храма умолкло все бормотание. – Слушайте волю нашего бога, который сейчас говорит моим голосом. Этот юноша, который стоит здесь перед нами, был определен приговором красного жребия, чтобы нырнуть как жертва в волны, как приказывают законы нашего божественного отца. Но бог отвергает эту жертву. Он склонился ко мне, я видела его лицо, и он сказал: «Я хочу, чтобы этот юноша жил и не умер. Он свободен, как он свободен от вины в том преступлении, которое произошло в святилище. Пусть же он с миром идет своим путем». Таково слово и воля бога Фосите. Выслушайте это слово в покорности, и пусть никто не решится возражать.

Ее пронизывающий взгляд был теперь направлен на Вигберта.

- Вигберт, сын Веримберта, ты свободен, и можешь идти и ехать, куда ты хочешь.

Вигберт чувствовал себя так же, как и тогда, когда он увидел красную палочку жребия в своей руке: он ничего не мог понять. Но, все же, я должен... Но этого же не может быть... Что же они там все говорят...? Затем он ощутил странное напряжение во всем своем теле, идол, пророчица на своем камне, огонь, деревья, даже небо, все начало качаться и вращаться, у него потемнело в глазах.

Кто-то успел подхватить его, так что он не упал. Когда вокруг него снова стало светлее, он заметил, что это был король, который стоял рядом с ним и поддерживал его. Голова Вигберта лежала на его плече, теперь он поднял ее, посте-

пенно все снова прояснилось, корона бога сверкала и блестела золотом, больше ничего не качалось. Вигберт выпрямился. Он увидел, как король улыбается.

- Ты свободен, – сказал он, так, как будто он должен был внушить это Вигберту.

Также пророчица стояла рядом с Вигбертом. Она взяла его за руку и отвела в сторону.

Там он присел на траву, оглушенный и с трудом пытающийся обрести самообладание. Он полусознательно видел, как продолжалось действие жертвоприношения, как притащили сюда белого быка с позолоченными рогами, как его пригнули так, что он упал на колени, как король сильным ударом воткнул нож в нагнутый затылок, как оттуда брызнула кровь, судорожно вздрогнули и вытянулись члены, и тяжелое тело животного рухнуло наземь. Затем король погрузил кропило в выливающуюся кровь и обрызгал ею стоявших вокруг. Одна капля попала также на руку Вигберта, это пробудило его от смутных раздумий.

Я жив, подумал он, удивляясь, бык мертв, но я жив. Наконец, что-то вроде радости проникло в его сознание.

Он встал. Он увидел пророчицу, стоявшую в стороне под грушей. Он подошел к ней.

- Ты свободен, Вигберт, – сказала она.

- Я на самом деле все еще не могу полностью понять все это, – прошептал он. – Я был готов, я был действительно готов...

- Ты же сам слышал: бог хочет, чтобы ты жил здесь в мире земном, работал и творил.

- И он действительно говорил с тобой?

Она медленно кивнула.

- Но – к чему тогда все это? Жребий смерти, все эти дни, в которые дракон так терзал меня? Если это с самого начала... Проверка?

Он растерянно замолчал.

- Он хотел твоей зрелости. Когда ты пришел сюда, ты был мальчиком. Теперь ты – мужчина.

Вигберт почувствовал, что это действительно было так. Глубоко дыша, он выпрямился. – Значит, это все происходило для того, чтобы я испытал то, что я испытал на скале? Он хотел, чтобы я стал новым человеком?

- Это так.

- Что же я должен теперь делать? – спросил он быстро и настойчиво.

Она указала на дорожку, которая вела по склону к валу.

- Спускайся туда. Тебя ждут.

- Корабль? – крикнул он, понимая. – Корабль в Ютландию? Но...

Он сглотнул и покачал головой. – Двор, Тойдберт. Я хочу этого. Но...

- Это твой путь, – сказала она.

- Но не будет ли Иисус Христос зол на меня, если я не вернусь в свой монастырь? Я дал обет, я дал его ему...

- Иисус Христос освобождает тебя от этого обета. Он тоже хочет, чтобы ты пошел тем путем, который действительно твой.

- Значит, я могу пойти этим путем, не изменив ему? – спросил он пылко. Он ни мгновения не сомневался в том, что эта женщина знала волю Иисуса Христа, так же точно, как она знала волю Фосите.

- Можешь. Иисус Христос видел твою верность, как и Фосите видел ее. Они оба освобождают тебя. Они оба улыбаются тебе, разве ты этого не знаешь?

Снова он должен был сделать глубокий вдох. Блаженное ощущение счастья охватило его. – Это прекрасно, – шептал он. – Значит, я могу любить их обоих?

- Можешь.

Теперь ее взгляд смотрел вдаль. – Один – это все, и все – это один, шептала она.

- Вы говорите: три в одном, почему тогда не: все в одном?

Ее взгляд вернулся к нему. Было что-то материнское в улыбке, из-за которой теперь ее обычно серьезное лицо посветлело: – Я скажу тебе то, что можно

легче понять, и что я уже говорила тебе: Они – братья. Люби и почитай их обоих, они оба благословят тебя. А теперь спускайся к воде. Попутный ветер хорош, и прилив высок. Ступай.

Но он еще медлил: – Альбуна, а где Лифбург? Ее нет среди белых девушек, которые поют там.

Звонкие голоса доносились сюда с места жертвоприношения. – Почему ее нет здесь?

Улыбка Альбуны стала шире. – Ты увидишь ее. Разве я не сказала тебе: тебя ждут?

Он едва осмелился поверить в это. – Правда? Правда? – восклицал он. Затем он схватил руки женщины, наклонился к ним и поцеловал их. – Я благодарю тебя за все это... Ты помогла мне, помогла нам. Я благодарю тебя, ах, я благодарю тебя.

- Благодарю богов, – ответила она. – Иди, сын мой.

Она погладила его по голове. Это было так, как будто бы она благословила его.

И тогда он побежал вниз по тропе. Теперь только лишь радость была в нем, счастливая, упоительная, полная надежды радость. Он чувствовал счастье от того, что он был жив. И все вокруг улыбалось ему: небо, деревья, трава, цветы и мягко дышащее море там снаружи под блеском утреннего солнца. За собой он слышал еще пение празднующих, которые прославляли свет. Ему и самому хотелось петь.

По каменным ступеням он перелез вал. Дальше вниз дорожка вела между кустами у ограды загона для быков. Потом он был внизу. По мостику, перекинутому через канаву, к нему бежала маленькая фигурка, ребенок в темной верхней одежде и со светлыми волосами, которые блестели на солнце.

- Норберт! – закричал Вигберт.

Норберт подбежал к нему и радостно схватил его руку. – Пойдем, пойдем быстрее. Они говорят, мы должны сейчас же отплывать. Пойдем!

Он потянул Вигберта за собой. Они, не разбирая дороги, помчались к морю. С высоты дюны Вигберт увидел корабль в узкой бухте, наполовину вытасченный на берег. Это была, как Тойдберт ее и описывал, маленькая, но широкая и прочная рыбацья лодка с мачтой и скамьями для гребцов. Там возились мужчи-

ны. На поднятой корме сидела женщина в длинной юбке. Вигберт прищурился, чтобы лучше разглядеть ее, и сначала разочарование заставило его застонать: юбка на ней была темной, как и корсаж.

Но потом та, которая сидела там, повернула голову, соскользнула с кормы на песок, и побежала навстречу им обоим, бежавшим с дюны вниз. Да, это была она, Лифбург в платье крестьянской девушки. – Вигберт! Вигберт! – кричала она.

Они побежали навстречу и бросились друг другу в объятия, Лифбург обвила руками шею Вигберта.

- Ты здесь, ты здесь! Все хорошо, все. Ты жив. Мы вместе отправимся в далекий мир. Счастлив ли ты так же, как и я?

Он взял ее розовое лицо между своими ладонями. – Ты действительно хочешь поехать со мной? На самом деле?

- Как твоя жена и крестьянка. Разве я тебе не говорила: Сразу. Как только ты будешь свободен? Теперь ты свободен...

- Но..., – его руки внезапно опустились. – А это возможно? Ты ведь посвященная.

- Ах, что за глупости, – зашептала она, смеясь. – Я же тебе говорила, мы можем выходить замуж. Альбруна освободила меня. Она знает все, она понимает все. Она сказала: Иди с ним, ты нужна ему. Уже другая девушка на моем месте служит богу.

- Да, я видел ее. Я не знал... Прости меня, Лифбург, я все еще не понимаю этого, я еще не понимаю всего...

Снова его ладони охватили ее лицо. – Ты поедешь со мной, лебединая дева, лебединая дева, – еще раз прошептал он и прикоснулся к ней своим лбом.

- Это ты лебедь, – шептала она. – Теперь это ты.

Он заметил, что на нем все еще была белая рубашка жертвы. – Нет, нет, я не лебедь. Бог не захотел превратить меня. Я могу жить – на этой прекрасной земле и прижать тебя к себе...

Тут появился Тойдберт. – Ну, теперь вперед, вы оба. На корабль! Люди уже терпят терпение. А свой любовный шепот вы могли бы перенести и на потом.

Он широко улыбнулся.

Рука об руку Вигберт и Лифбург побежали к лодке. Они карабкались внутрь. Норберт был уже внутри и помог им забраться. Но потом он обхватил руками Вигберта. – Я так много плакал, – рассказывал он. – Потому что я думал, что ты должен будешь умереть. И ты еще стал таким худым. Но теперь мы едем к моей матери, она даст тебе много пирогов, чтобы ты снова стал толстым и довольным.

- А я уже доволен, – сказал Вигберт.

Тойдберт махнул морякам, что все теперь готово. Мужчины спрыгнули на берег и сильными движениями начали сталкивать лодку в воду. Также Тойдберт помогал им. Когда лодка была на воде, он влез внутрь.

Он стоял на корме, Лифбург, Вигберт и Норберт сидели вместе близко друг к другу на последней скамье для гребцов, которую корабельщики оставили свободной. Тойдберт смотрел на друга. – Ты выглядишь как один из ваших христианских ангелов, – сказал он. – Но не волнуйся, мы уже найдем одежду для тебя, которая подходит для свободного мужчины.

- Я тебе так многим обязан, Тойдберт.

- Чепуха, – Тойдберт сел на борт. Теперь лодка сильно качалась на зыби.

Весла хлопали по воде, и утренний бриз наполнил парус. Они скользили, покидая залив.

- Я думаю, что это король, которому ты кое-чем обязан, – сказал Тойдберт.

- Разумеется, он с самого начала не намеревался и пальцем тронуть никого из вас, ценных христиан. Но он также должен был удовлетворить тех, которые кричали о мести и наказании. Итак, был выбран Вигберт, самый незначительный из всех, как ты сам говорил, – улыбнулся он Вигберту, – однако, не только это, но еще и как раз самый невиновный. Потом, в конце концов, бог мог помиловать невиновного, и при этом никто бы этим не возмутился. Так делаются такие дела, вы видите. Но он мог бы сделать кое-что похуже, этот Радбод.

Лодка медленно удалялась от острова. Он скользил назад, зеленая земля и белый берег под синим небом, очень далеко красные скалы. Те, кто сидели на скамье гребцов, могли видеть святилище на холме, темные деревья, фронтон храма, немного золота, которое сверкало на солнце. Вигберту даже показалось, как будто он слышал доносящееся сюда ветром далекое пение.

Он взглянул вверх. – Нет, Тойдберт, – тихо сказал он, – это было другое.

- Бог и Альбруна, – дополнила Лифбург. – У ее молитвы есть власть.

- Ну, верьте в то, во что хотите, – заметил Тойдберт весело. – Главное, что ты свободен. Теперь мы плывем в Ютландию, которую нам вообще никогда не следовало бы покидать, по крайней мере, Норберту и мне. Я за эти дни не раз проклинал мое любопытство к христианской вере.

Вигберт все еще не отводил глаз от постепенно удаляющегося острова. Его рука лежала на плечах Лифбург. – Я не хотел бы стереть эти дни из своей памяти, – сказал он. Потом он обратился к Лифбург: – Ты будешь тосковать по родине? По розам, по прекрасной тишине там наверху и по статуе?

- Думаю, что да, – ответила она. – Да, у меня, конечно, будет тоска по родине. Но ты знаешь, у нас же снова будет родина. Мы сможем там тоже посадить розовый куст, а ты сможешь повторно создать нам статую.

- Ты думаешь?

- Несомненно. Но, – она продолжила другим тоном, – мы должны также найти посланника и корабль для него. Он должен посетить моих родителей и сказать им, где я, и что они теперь больше не должны искать хорошего мужа из хорошего рода для меня, так как я сама нашла его.

Она тихо засмеялась. – Ах, – вдруг вспомнилось ей, – я забыла, у меня есть кое-что для тебя. Вот, смотри.

Она скользнула на колени, подтянула к себе толстый узелок, который лежал недалеко от борта на досках, и развязала его. С любопытством молодые люди смотрели на нее.

Осторожно она вытащила из ткани какой-то предмет, который вспыхнул золотом на солнце. Стоя на коленях, она протянула его Вигберту. Это был большой кубок из чистого золота. – Для тебя, – повторила она.

Вигберт вскочил. Недоверчиво он пристально смотрел в золотую глубину кубка, который раскрывался как цветок. – Для меня? Для меня? Но нет...

Тойдберт стоял рядом с ним. – Он, должно быть, из сокровищ храма, – уверенно сказал он.

- Но, мы не можем – откуда...?

Вигберт не решался взять в руки теплое от солнца золото.

- Ты можешь взять его, – Лифбург с улыбкой посмотрела на него. – Бери его. Альбруна дала его мне для тебя. Бог кое-что должен тебе, сказала она.

- Нет, мне, все же, нет, – шептал Вигберт. – Ведь он же дал мне – золотое присутствие там на скале – он же дал мне так много. И теперь – также это – золото...

Он теперь держал кубок в руке.

Лифбург встала. – Альбруна говорила, что это мое приданое, мое приданое, которое я вношу в брак, так как у меня больше ничего нет. Если бы ты хотел, ты мог бы легко получить в обмен на него маленький крестьянский двор.

- Я никогда не отдам его, – почти возмущенно произнес Вигберт. Его пальцы почтительно гладили искусный узор на краю кубка, состоящий из бесконечно продолжающейся спирали.

- Вы получите двор, – сказал Тойдберт. – Я ведь уже говорил: род Амальфингеров не ударит в грязь лицом.

Вигберт стоял в своей белой рубашке и прижимал кубок к груди. Он медленно повернулся. Под наполненным ветром парусом он смотрел вдаль на голубоватосерое бушующее море, которое сливалось с небом в серебристую дымку. Белые чайки легко кружили вокруг мачты, ветер ласкал его лоб...

- Можно ли вообще быть таким счастливым, как я? – воскликнул он. Ему так хотелось высказать свою благодарность. Кому? Тем двум всегда готовым помощам, которые вели и оберегали его, которые сидели рядом на небесном троне и улыбались, глядя на него сверху вниз, так же, как об этом говорила Альбруна?

Он резко снова сел на скамью и обнял Лифбург и Норберта. У него было все, все, что он только мог пожелать себе: любимая девушка, которая без раздумий отправилась с ним на чужбину, верные друзья, надежда на двор и на такую жизнь, которая подходила ему, и самое ценное из всего – свобода, чудесная свобода любить и почитать двух богов. Преисполненный счастья, он заплакал.

Девяносто пять лет спустя

В мае года 785 от рождения Господа Иисуса Христа на острове Фоситесланд, около рощи, которую называли Хиллигенвальд, на ровном зеленом лугу собралось много людей. Они окружали продолговатый четырехугольник умеренной величины, землю в котором вырыли не слишком глубоко, и который был огражден колышками с натянутыми между ними канатами.

Крестьяне и рыбаки стояли несколько поодаль и смотрели. Впереди монахи в темных рясах окружали высокого белокурого мужчину, который нес поверх своей рясы столу с белым крестом и держал в руках золотой сосуд дароносицы. Он громко пел по латыни, и монахи подпевали. Затем высокий мужчина подошел к огражденному четырехугольнику и благословил камень, который был опущен на углу в землю и на котором был нарисован крест.

Несколько в стороне стояли несколько молодых монахов, которые не принадлежали к одиннадцати спутникам великого апостола. Они в своей поездке из Ютландии в Нимвеген высадились вчера на этом острове, где они должны были подождать лучший ветер. Рано поутру этого дня они последовали за потоком людей, не зная точно, однако, что должно было означать здесь, собственно, это святое действие.

Когда пение снова началось, один из них, очень молодой послушник, подвинулся к последнему в ряду апостолов, дернул его за рясу и тихо спросил: – Что, собственно, благословляет там святой отец?

Тот, к кому он обратился, сильный, широкоплечий мужчина с добродушным лицом, любезно пояснил юноше: – Там был заложен фундамент для часовни Святого Вигбертуса. Вот его теперь и освящают, понимаешь?

- Вигбертус? Мальчишеское лицо послушника выражало радостное удивление.

- Да. Часовня будет возведена здесь в честь мученика Вигберта, который погиб смертью мученика на этом месте ровно девяносто пять лет назад. Его жестоко убили язычники, в честь своих идолов.

- Ах, – произнес юноша сожалеющим тоном. И затем добавил: – Меня самого как раз зовут Вигберт.

- Будет несколько людей с таким именем, – заметил спутник великого апостола.

- В моем роду это наследственное имя, – горячо объяснял юноша. – Моего прадеда звали так, моего деда, и теперь меня. Я девятый сын у моих родителей. У нас принято, что в каждом поколении самый младший ребенок идет в монастырь. Мой прадед был первым христианином, который поселился в Ютландии, знаешь.

Монах покачал головой. – Это все хорошо, но сейчас я должен петь.

Звучным голосом он пел вместе с остальными последние строки псалма. Затем церемония закончилась. Монахи собрались уходить. Широкоплечий монах немного отстал и с интересом повернулся к молодому брату. – Ты хотел еще что-то сказать?

- Да ничего особенного. Только то, что я нахожу это прекрасным, что я ношу то же самое имя, что и этот мученик, которого они так глубоко почитают здесь. Мой прадед, впрочем, тоже был важным человеком, голос которого имел вес на земельном собрании.

- Значит, ты из важного рода?

- Можно и так сказать.

Было сильно заметно, как охотно этот молодой человек говорил о своем роде.

- Мой прадед был франком и еще молодым человеком переселился в Ютландию. Но он был другом главы совета рода Амальфингеров, это князя, понимаешь? И, я думаю, это повлияло и на него самого. И моя прабабушка, говорят, что она была королевской крови.

И она якобы была лебединой девой.

- Что?

- Мой прадед привез ее с собой. Ну, ты же знаешь, если какой-то человек отнимет у такой девы ее лебединую сорочку, то она должна будет пойти с ним туда, куда он скажет. Но эту сорочку нужно хорошо спрятать, ведь если она найдет ее, то она должна будет надеть ее и улететь, никто не знает куда. Моя прабабушка умерла при родах своего тринадцатого ребенка, так рассказывают. Но, вероятно, это было вовсе не так, и она нашла свою сорочку и улетела.

- Ты, – сказал другой, покачивая головой, – но я лучше бы молчал об этом. Такие лебединые девы – это потусторонние и языческие существа. Это вовсе не слава происходить от них.

- Ну да, вероятно, это тоже вовсе не правда, – произнес юноша сердито. – Это же просто слухи. Мы – очень христианская семья, – подчеркнул он, – я уже говорил это. Мой прадед построил собственную часовню на своем дворе. И там было одно чудесное скульптурное изображение, он сам вырезал его и раскрасил. Там господь Иисус Христос сидит на маленькой скамье и рядом с ним Святой Фоста. У господина Иисуса Христа на голове терновый венец, и он смотрит очень ласково, но Святой Фоста был даже прекраснее, чем он.

Улыбаясь, юноша погрузился в воспоминания, которые вызвали у него в мыслях образ родного дома.

Но собеседник прервал его грезы. – Святой Фоста? Но ведь такого святого вообще нет. О нем я никогда не слышал.

- Нет, конечно же, он есть. Все же, он сидит у нас в часовне на маленькой скамье. Я там всегда молился ему. У нас еще есть чудесный золотой кубок, из него мой отец пьет освященное вино Святого Фосты в день летнего солнцестояния. Тогда на Фосту надевают корону, она из дерева и позолоченная, и он выглядит таким прекрасным – как король.

- Я не могу представить это себе, – все еще сомневался другой монах. – Ты, наверное, имеешь в виду Святого Иоанна. Никто не говорит о Фосте.

- И все же он есть. Он – брат господина Иисуса Христа, так говорит мой отец.

- Господь Иисус Христос – это сын божий, и у него нет братьев.

- Есть, есть. Я спрашивал моего учителя в монастырской школе. Он говорит: в Священном Писании сказано, что у господина Иисуса Христа было несколько братьев. Но Фоста был для него самым любимым из них. Вот так.

- И как же он выглядит?

- Он носит синий плащ, серебряные доспехи и золотые сапоги. И у него прекрасное лицо с большими глазами, которые насквозь видят любого человека. И в одной руке у него золотой топор, а в другой музыкальный инструмент, и еще рядом с ним сидит лебедь.

- Что? Ведь как раз одного такого мы сожгли вчера.

- Сожгли?

- Там наверху.

Монах указал на холм, который поднимался по ту сторону леса над равниной. Как бы в подтверждение его слов маленькое, нежное облако дыма поднималось там в светлое майское небо. – Мы разрушили все языческие храмы на этом чертовом острове – все за последние дни, и это не было легкой работой. Там наверху, должно быть, был их самый важный храм. Там нам пришлось особенно потрудиться, все убрать, сжечь все, что могло гореть, срубить деревья и так далее. Особенно трудно было свалить мировые столбы. Из жителей острова никто не помогал нам, они все тут испытывают страх перед демонами. Ну мы с этим справились. Мы хорошенько попотели во время работы. Да, и там действительно был такой идол, он выглядел в точности так, как ты описал Фосту. Он был, собственно, очень красив, но мы все равно должны были его сжечь, потому что дьявол жил в нем.

- Вам не следовало бы это делать, – вырвалось у молодого Вигберта. Он сам точно не знал, почему он сказал это, так как этот идол не мог иметь никакого отношения к его Святому Фосте, и то, что языческие храмы нужно было разрушать, он понимал. Почему я все же так печален? – спрашивал он себя. Это, конечно, из-за того, что я рассказал так много о родном доме...

- Еще как следовало, – ответил старший брат укоризненно. – На этом острове нужно искоренить все, что напоминает о язычестве, вырвать с корнем, как говорит отец Людгер. Иначе люди снова вернуться к язычеству. У нашего доброго отца нигде не было таких больших трудностей с крещением, как здесь. Но, все же, наконец, это удалось. Франкский король Карл послал нам воинов, это облегчило дело. Естественно, люди боятся того, что их продадут в рабство, – добавил он, усмехаясь. – Ведь язычников можно продавать, а христиан нельзя.

Святой Людгер (прим. 742 – 809)

Вигберт не слушал его, он молчал, погружившись в грустные мысли. Они медленно брели за процессией миссионеров по озаренным солнцем лугам, холм со столбом дыма оставался за ними.

Но теперь уже спутник отца Людгера разговорился. – Сколько мы нашли там наверху золота, это ни в какие ворота не лезет. Сокровищница дьявола – ну, ничего не скажешь! Золото, серебро, янтарь... И вещи, так прекрасно сделанные, что ваш кубок вряд ли сравнится с этим.

- Ты же его не видел, – вяло возразил Вигберт. – Ну, а что же теперь произойдет с сокровищами?

- Франкский король получит их.

- Король Карл? Но это неправильно. Разве сокровища не принадлежат фризам?

- Ну, они ведь теперь подданные франкского короля, не так ли? И поэтому сокровища принадлежат ему как суверену, это достаточно ясно. Вероятно, он прикажет расплавить золото и построить из него церкви. Это все же самое лучшее применение, в конце концов, для золота язычников.

После паузы брат добавил отцовским тоном: – Ну, я хочу тебе кое-что сказать. Твой Святой Фоста кажется мне каким-то немного подозрительным. Если у тебя есть какие-то заботы, то лучше обращай к твоему тезке. Он был, по крайней мере, настоящим мучеником и религиозным подвижником. Он наверняка еще будет причислен к лику святых.

- Ты думаешь? – спросил молодой Вигберт. Но он думал: Тезка или нет, но что я знаю об этом чужом мученике? Мой Фоста сидит дома в часовне, и я знаю его, с тех пор как я был совсем маленьким... Тоска по дому заставила его буквально задрожать. В монастыре, в который его отправили, было строгое воспитание. И он никогда больше не сможет вернуться домой. Он вынужден был признаться себе, что он боялся и был очень несчастен.

Потом он подумал: если все станет слишком уж плохо, то я все же буду молиться Святому Фосте, а брат пусть говорит мне, что хочет. Говорят, что Фоста однажды помог моему прадеду выпутаться из какой-то ужасной беды, и конечно, он поможет и мне.

Послесловие

История об осквернении святилища на острове Фоситесланд (Земля Фосите, также называвшемся Хайлигланд, Святая земля, имя, которое продолжает жить в сегодняшнем «Гельголанде») как эпизод истории крещения Фризии действительно относится к дошедшей до нас в письменных свидетельствах истории. Она подробно описана в Житии Святого Виллиброрда, которое написал не кто иной, как знаменитый Алкуин, ведущий ученый при дворе Карла Великого. И она кратко упоминается в жизнеописании Святого Людгера, которому удалось окончательно обратить фризов в христианство почти через сто лет после первого появления Виллиброрда там.

При написании своего небольшого романа я старалась как можно точнее придерживаться фактов, дошедших до нас в письменных источниках. Здесь я снова обязана выразить свою благодарность исследователю Атлантиды Юргену Шпануту, работы и результаты исследования которого позволяют нам в значительной степени реконструировать ситуацию на Фоситесланде в седьмом и восьмом веках нашей эры.

Маленький остров в Гельголандской (Немецкой) бухте, от которого сегодня остались только лишь скалы Гельгоганда, имел в доисторическое время очень большое значение для религиозной и культурной жизни Европы. С него, вероятно, уже в каменном веке, с уверенностью, однако, в бронзовом веке вместе с переселениями распространялись духовные импульсы по всему миру. Он, называвшийся когда-то Атлантидой или также Базилеей (Царским), был царским островом и культовым островом большого государства. На этом острове, как говорили греки, «были рождены боги», и, вероятно, он с самого начала был посвящен богу, которого греки звали Посейдоном. У греков он был богом моря, на его родине на Севере он, вероятно, носил имя Посидеос и, соответственно, Посиде. Затем из этого имени при первом германском передвижении согласных появился Фосите, и он был там на Севере – также с самого начала – сыном бога неба, солнечным героем, богом света, права и музыки. Когда дорийцы в конце бронзового века принесли его на юг, его называли там Аполлоном.

Остров Базилея близ устья рек Айдер, Эльба, Везер и Яде.

Большие переселения с севера, которые происходили примерно в 1220 году до Р. Х., принесли этот светлый образ бога вместе с принадлежащими ему солнечными знаками во многие страны. Причиной этих переселений были тяжелые климатические катастрофы, сначала великая засуха, которая вызвала голод, затем – вероятно, весной 1226 года до Р. Х. – та катастрофа, которая стала причиной извержений всех вулканов, огромного наступления морей на сушу, и причинила огромный вред по всему миру. В результате этой катастрофы Царский остров был полностью затоплен Северным морем, а также большая часть близкого побережья сегодняшнего Шлезвиг-Гольштейна была оторвана от суши. Однако этот остров позже при регрессии Северного моря частично опять поднялся из вод и снова был заселен. Также храмы его бога снова были построены, и рассказы греков о земле гипербореев на Крайнем Севере у границ мира в первом тысячелетии до Р. Х. смогли многое сообщить о богатой культовой жизни на «Янтарном острове».

Из жизнеописаний христианских миссионеров и других источников мы узнаем позднее, что святилища острова, который теперь назывался Фоситесланд, еще вплоть до времен Карла Великого сохраняли свой старый блеск. После полного уничтожения «языческих» культовых мест там были построены церкви и мона-

стырь. Все же, большие вызванные штормами наводнения средневековья отрывали от острова один кусок земли за другим, пока после огромного наводнения («Manndränke») в 1362 году от него осталось немного больше, чем сегодняшний Гельголанд.

В книге Юргена Шпанута «Атланты» на титульном листе приведена составленная в 1649 году карта выдающегося географа Йоханнеса Майера, которая изображает «Хельгеландт» восьмого века. Майер получил от датского короля Кристиана IV задание измерить побережье Шлезвиг-Гольштейна и создать его карты. Майер много лет исследовал линии побережья и глубины. Особенно он старался нанести на карты утонувшие территории и «всегда брал с собой в качестве спутников старых и достойных доверия людей (рыбаков)», которые показывали ему места бывших деревень и зданий, что вовсе не было невозможно, так как вплоть до позднего времени можно было четко увидеть руины больших зданий при низком уровне воды.

Так как значение старого Фоситесланда еще было известно, Майеру удалось составить карту «Хельгеландта» времен крещения, которая конечно, не точна во всем, однако достаточно точна, чтобы дать мне точки опоры для моего описания острова. На этой карте еще обозначены четыре (разрушенных) языческих «храма», два королевских замка (хроники говорят, что здесь время от времени имели свою резиденцию короли как фризов, так и позже датчан), также гавани, лесистые районы, источники и ручьи, и много маленьких поселений, имена которых, очевидно, сохранила хорошая память рыбаков.

Йоханнес Майер (Мейер), картограф и математик (1606-1674)

Кроме сообщений святых, также церковная история Адама Бременского (примерно в 1070 н.э.) и несколько хроник, документов и сказаний рассказывают о священном острове фризов. Также отсюда можно кое-что взять. Но, все же, для времен Каролингов жизнеописания миссионеров – это самые лучшие источники.

Конечно, они часто искажают картину. Потому что для их авторов основная задача – прославить соответствующего святого (в довольно схематической форме) и рассказать о его в некоторой степени невероятных чудесах для назидания слушателей. Даже у Алкуина об истинном характере миссионера Виллиброрда можно прочесть только между строк. Если присмотреться внимательнее, то за образом человека, о котором сообщается (как и о многих других миссионерах), что он был «достойного уважения внешнего вида, с прекрасным лицом, полный мудрых советов и любезной речи, терпеливый и деятельный», проступает еще другой, очень убежденный в своей правоте и бесцеремонный, даже жестокий борец за своего бога, умевший увлекать своими проповедями.

Он умел побеждать всюду и всегда – его бог помогает ему совершать одно чудо за другим, язычникам было не до смеха. Фризский крестьянин, например, на лугу которого сей святой муж соизволил пасти своих лошадей, и который осмелился прогнать их, сразу же подвергся ужасным мучениям жажды и другим страданиям, пока не раскаялся и не стал умолять святого о прощении. Другого даже поразил удар, так как он хотел защитить идола, которого Виллиброрд приказал свалить. И так далее. То, что этому святому, однако, как миссионеру не удалось добиться у фризов заметных успехов, без сомнения, было связано с тем, что поддержки, которую франк Пипин (майордом и герцог в государстве Меровингов) мог дать ему, в то время было еще недостаточно, чтобы смягчить «черствые сердца».

Христианизация Северной Европы не является славной страницей в истории христианства. Насильственные меры, самые суровые законы и жестокость всякого рода применялись для того, чтобы заставить людей отказаться от своей исконной веры и своих обычаев. Хотя церковь и создавала большой шум вокруг страданий мучеников христианства, но их число очень мало по сравнению с огромным количеством языческих мучеников, и страдания язычников были, как минимум, не меньше, чем у христиан. Вот только они были на проигравшей стороне, и как всегда в таких случаях их страдания по возможности замалчивались, или же представлялись как справедливое наказание за упрямство или моральный упадок.

Потому что за крестителями стояли короли, которые стремились к расширению своих государств и укреплению своей власти, а политика везде и всюду была безжалостной игрой. Большое, прочное государство не могло существовать без

одной унифицированной веры и одной церкви, которая принуждала все духовные течения к единству. Поэтому часто светские стремления ускоряли христианизацию. Не только у Карла Великого это было так, но и в Норвегии, где король Олаф I Трюггвасон насильственно добился перехода в христианство с помощью самых жестоких пыток и устрашающих мер.

Впрочем, в оправдание самим миссионерам следует учесть одно обстоятельство. В те времена все христиане были твердо и искренне убеждены в том, что языческие боги являются реальными существами, злыми духами, чертями, послушными дьяволу, или даже они сами были дьяволом, а также что в идолах и посвященных животным святилищ якобы жил сам сатана. Это убеждение было таким всеобщим и настолько твердо укоренившимся, что даже личности высокого духовного и морального уровня без угрызений совести участвовали в преследованиях язычников или хотя бы содействовали им. Они считали своим священным долгом и добрым деянием освободить бедных обольщенных язычников, и соответственно их души от когтей зла, даже если это происходило ценой их чести, их имущества или их жизни. Так думал также Виллиброрд, который был, без сомнения, значительной личностью, и он не мог думать иначе. Он действовал из священного религиозного усердия и пламенного идеализма, это очевидно.

То, что, однако, «одержимые дьяволом язычники» вели себя в большинстве случаев значительно терпимее, более благоразумно и более гуманно, чем их крестители, тоже следует из житий святых. Только если миссионеры физически нападали на то, что было свято людям, гнев народа иногда побеждал, так что доходило до «мученичества», как например, в случае с Бонифацием, когда он посмел свалить священный дуб бога Донара. Но преимущественно в таких случаях находился «разумный» человек, который, как это было с миссионером Виллехамом тоже во Фризии, успокаивал разгневанных людей и говорил им: «Они не знают этой религии, они не знают, является ли та религия божественного происхождения; этот человек больше не виновен ни в каком преступлении, поэтому нельзя приговаривать его к смерти», и подобные слова. Такому смягчающему сдерживанию был обязан своей жизнью и свободой также Святой Виллиброрд, после того, как он совершил преступление в важнейшем святилище фризов.

О фризском короле Радбодe голландский историк Й.Й. Лос пишет: «Того немного, что мы знаем об этом правителе, тем не менее, достаточно для того, чтобы убедить нас в том, что он был сильной личностью, который проводил целеустремленную и все же тактичную политику, человеком большого ума, сопротивление которого нельзя было легко сломить, даже всемогущее королевство франков не смогло это сделать. Без сомнения, у Радбоды было достаточно при-

чин не доверять англосаксонским миссионерам. Но тот факт, что он все же принял их и позволил им проповедовать, логично доказывает, что его не следует рассматривать как «варвара»».

Лос в дальнейшем приводит свидетельства «большой степени самодисциплины» короля по отношению к поведению Виллиброрда. Он также полагает, что для Радбода были важны в некоторой степени дружественные отношения между фризами и франками, когда он в этом случае – спустя такое короткое время после поражения у Дорестада – проявил такое самообладание. Без сомнения, Радбод был умным и расчетливым человеком и с самого начала не собирался доводить дело до смерти миссионера, пользующегося поддержкой Пипина. Житие Святого Виллиброрда, однако, считает причиной поведения Радбода восхищение, которое тот испытывал – вопреки его «черствому сердцу» – к смелости Виллиброрда, решившегося спорить с королем перед судом, взывая к его совести (эту речь Виллиброрда перед Радбодом я позаимствовала для романа почти дословно из его Жития).

Вышивка из музея Катарейнеконвент в Утрехте, изображающая легенду, в которой фризский король Радбод готов быть окрещенным Вульфрамом (в этой вышивке заменён Виллибрордом). Последовавший отказ короля от крещения, естественно, не был отображен.

Как бы то ни было, сдерживавшее гнев народа самообладание Радбода помогло Виллиброрду и десяти его спутникам сохранить свободу и покинуть остров. Виллиброрд сразу вернулся к герцогу Пипину, а затем отправился в Рим, где папа Сергий I посвятил его в сан епископа и дал ему имя Климент. Он получил новосозданное епископство Траектум (Утрехт), где продолжил свой труд по обращению язычников в христианство. Здесь он добился лучших результатов, так как провинция Утрехт после Дорестада находилась под властью (и жесткими законами) франков. Хотя и тут происходили восстания, и Виллиброрд еще раз должен был бежать. Однако он вскоре смог вернуться.

Позже он жил преимущественно в монастыре Эхтернах, аббатом которого он был, и умер там «в почтенном возрасте» в 738 году. Он также был похоронен в этом монастыре, и много чудес якобы происходило у его могилы. Сборник церковных гимнов аббатства Эхтернах содержит прекрасное изображение Виллиброрда в каролингско-византийском стиле, которое не представляет собой, конечно, его настоящий портрет, тем более что этот рисунок был нарисован спустя много времени после смерти Виллиброрда. Здесь он восседает, как величественный святой, выглядя поистине «достойно» и «прекрасно», между двумя боязливо смотрящими учениками и смотрит огромными глазами вдаль взглядом пророка.

Святой Виллиброрд – изображение из сборника церковных гимнов аббатства Эхтернах

Но что же случилось с попутчиком Виллиброрда Вигбертом, единственной жертвой этой злой истории, который остался на поле суда? (Этого Вигберта нельзя путать с его тезкой, более ранним миссионером, который еще перед Виллибрордом прибыл из Ирландии, безуспешно проповедовал фризам два года и затем вернулся домой.)

Алкуин выражается здесь странно лаконично. Он посвящает судьбе несчастного не больше, чем половину предложения: «...ни на Виллиброрда, ни на его спутников ни разу не пал жребий, за исключением одного бывшего со святым мальчика – он и принял мученический венец». Я думаю, что нельзя предположить, что причиной этой краткости было то, что автору Жития было стыдно за своего святого, который все-таки нес главную ответственность за преступление и, несмотря на это, не предпринял ничего, чтобы защитить своего спутника. Такой образ мыслей был несвойствен авторам жизнеописаний святых. Их святые были безупречны, и их поведение было хорошим с самого начала, его нельзя было критиковать. Скорее сжатость сообщения следовало бы приписать незнанию.

Конечно, Виллиброрд и те, кто сразу уехал, больше совсем ничего не знали о судьбе их спутника и возможном ходе событий, связанных с его «мученичеством». Так как король Радбод также и в этом случае мог бы постараться, чтобы этот спутник миссионера не умер смертью мученика, я решила даровать бедному Вигберту жизнь и свободу, и написать историю со счастливым концом. Правда, на карте Йоханнеса Майера обозначена «Часовня Св. Вигбертуса» неподалеку от роши, именуемой «Хиллигенвальде». Я позволила себе приписать создание этой капеллы ошибке, причем, ошибке вполне объяснимой.

То, что мученическая смерть Вигберта должна была состоять в его жертвоприношении богу, предположить нетрудно. Это соответствовало бы германскому обычаю (в более позднее время, в общем, в жертву приносили военнопленных или преступников). Прыжок жертв с одной из Гельголандских скал засвидетельствован несколькими сообщениями. Римские писатели Помпоний Мела и Плиний подчеркивают добровольность таких жертвоприношений, более поздние сообщения христианских времен говорят о сталкивании жертв. Римляне, по своей привычке давать языческим богам греческие и римские имена, называли бога, которому приносились эти жертвы, «Аполлоном».

Здесь нужно еще кое-что сказать о святилище Фосите (Фосете, Фосты) и о его культе. Вопреки широко распространенному мнению, что, мол, германские «священные роши» были только огороженными перелесками, нужно подчеркнуть, что, по меньшей мере, в поздне-германское время в более значительных святилищах были также здания, прежде всего, богато оснащенные «храмы» (во Фризии их называли словом «двор»). У нас есть много описаний, которые сви-

детельствуют о богатстве и красоте этих храмов. Там рассказывается о позолоченных крышах и блестящих цепях, которые свисали с фронтона, и о золоте, серебре и драгоценных камнях, украшавших внутреннюю часть. Всюду были статуи тех богов, которым были посвящены храмы, вырезанные из дерева, в натуральную величину, раскрашенные и частично позолоченные, драгоценная утварь и священные предметы лежали на чем-то вроде алтаря, всегда был там и очаг, в котором сжигали поленья душистых сортов дерева, распространявших приятный аромат.

Также храмы Фосите на «Святой земле» должны быть великолепно оснащены, тем более, то древнее святилище на том холме, который сегодня лежит под водой на глубине двенадцати метров и называется «каменным дном». Здесь экспедиции водолазов (в 1944 и 1952 годах) находили остатки каменных валов и созданную руками людей мощеную площадку из кремневых камней. Даже христианские миссионеры, которые всегда старались как можно больше принизить ценность всего языческого, показывают здесь свое удивление. Житие миссионера Вульфрама (который еще смог на короткое время встретиться с Виллибрордом на Фоситесланде) говорит о «неслыханном великолепии» храма Фосите. Житие Святого Людгера (который разрушил все святины в 785 году) повествует о величине и красоте сокровищ храма, которые затем были отосланы Карлу Великому. Также «чудесное» украшение мировых столбов упоминается – они, якобы подпирающие небо, стояли «под полярной звездой» и были очень известны в древности. Еще неудавшаяся экспедиция флота римлянина Друза Германика направлялась на их поиски. После разрушения в 785 году о них уже больше никогда не говорилось. Очевидно, Людгеру удалось уничтожить также и их.

Источник молчания упоминается во всех рассматривавшихся описаниях, он должен был иметь особое значение. Как Виллиброрд, так и Людгер крестили язычников в его пруду. Также фризские сказания говорят о нем. Фосите якобы пробудил этот источник броском своего золотого топора, двенадцать асегенов, законоучителей и судей, сидят вокруг него, и бог учит их там праву. Также мы знаем о священном источнике на острове богов в стране янтаря уже из рассказов древних греков. Еврипид посвящает ему в песне хора, воспевающей все эти сказания и чудеса Севера, даже увенчивающие строки:

«Там стоит дворец, где царь богов играет свадьбу, где богатый священный поток источника дарит богам вечное благословение».

(Эти строки из трагедии Еврипида «Ипполит» в классическом русском переводе Иннокентия Анненского звучат так:

«Туда, где у ложа Кронида
Своею нетленной струею
Один на всю землю источник,
Златясь и шумя, животворный
Для радости смертных пробился...» – прим. перев.)

Переселившиеся с севера дорийцы пытались создать на Делосе такие же условия, как те, что царили на их родном святом острове. Так как на Делосе не было источника, они выкопали искусственный пруд, в который вода подводилась издалека (этот пруд был найден при раскопках), там также всегда плавали два лебедя, как на Фоситесланде.

С бронзового века певчий лебедь-кликун – это сопутствующее животное того бога, которого позже после передвижения согласных стали называть Фосите. Лебедь тянет его челн через море, когда этот бог в серебряных доспехах приходит, чтобы вершить суд. Также дельфийский Аполлон едет на лебединой колеснице, когда он посещает свой родной остров на севере. Лебеди даже присоединяются к пению культовых гимнов на острове гипербореев.

Испокон веков этот бог покровительствует лебедям и музыке. На сделанном в римском стиле камне посвящения он сидит под именем Apollo Grannus (Аполлон Граннус) в Ахене у источника, в руке лира, лебедь рядом с ним. Снова и снова повествуется о пении и музыке кифар в его храме. Поэтому вероятно, что эта традиция еще сохранялась во времена обращения в христианство, так что также здесь пение гимнов играло существенную роль в культе.

Так как – особенно исследованиями доктора Отто Хута из Тюбингена – было установлено, что с каменного века вплоть до позднего германского времени существовал обычай, что девять одетых в белое дев в важных храмах служили этому богу света, то этот обычай можно предположить также и в случае со святилищем Фосите.

Естественно, миссионеры не понимали, насколько ценным – в любом отношении – было то, что они разрушали. Как Виллиброрд, так и Людгер были изображены с лебедями в знак их триумфа над богом лебедей и священными для него животными. После смерти короля Радбода (719) франкам удалось захватить всю Фризию и ускорить христианизацию там, но Людгер (при сильной поддержке Карла Великого) смог окончательно обратить в христианство Фоситесланд лишь в 785 году, разрушить там святилища и построить церкви и часовни. Фосите был забыт, он продолжал жить только в сказаниях и, вероятно, еще под видом

какого-нибудь христианского святого, как произошло со столь многими из древних богов.

Без сомнения, и тогда были люди, которые стремились к примирению религий в их сосуществовании или сотрудничестве, но такие планы были обречены на неудачу из-за претензий христианства на абсолютность. Тем не менее, иногда наивным душам удавалось тайком протащить некий любимый божественный персонаж из языческого прошлого в христианскую церковь и увенчать его венцом святого, который также по полному праву принадлежал ему как древний ореол богов света.

«Форсети, сидящий на суде», художник Карл Эмиль Дёплер (1824-1905), картина написана в 1881 году.

Скандинавский бог правосудия и справедливости Форсети, вероятнее всего, был идентичен богу Фосите фризов.

* * *

ДОПОЛНЕНИЕ

Рихард Хенниг

Неведомые земли. Том II.

*Глава 80. Св. Виллиброрд и Св. Людгер в «Стране Фосите»
(около 690 и 770 гг.)*

Во время этого путешествия благочестивый проповедник Господний достиг на границе между датчанами и фризами острова, который, по имени почитаемого там бога Фосите, назывался жителями страной Фосите, ибо на острове были воздвигнуты святилища этого бога. Язычники столь высоко почитали это место, что никто из них не отваживался покушаться на пасущийся там скот или дотронуться до других предметов, а воду из бьющего там источника черпали, только сохраняя полное молчание. К этому острову благочестивый муж был прибит бурей и пробыл там много дней, пока не прекратился шторм и не наступила вновь благоприятная для плавания погода. Он, однако, пренебрег суеверным ужасом пред неприкосновенностью этого места и не утратил свирепого нрава властителя, обычно предававшего всякого оскорбителя местных святынь самой мучительной смерти, а крестил, во имя Святой Троицы, трех человек в источнике и дозволил заколоть для употребления в пищу животных из пасущегося там стада. Увидев все это, язычники подумали, что те люди или впадут в безумие, или будут поражены внезапной смертью. Но когда они узнали, что никакой беды не последовало, прониклись страхом и удивлением.¹⁾

* * *

Когда Виллиброрд, намереваясь отправиться в Рим для защиты своего дела пред апостольским престолом, сел на корабль, поднялся сильный западный ветер и отнес его в Фрисландию. Однако варвары и их король Альдгильсо приняли его с почестями. Виллиброрд проповедовал им христианство.²⁾

* * *

Людгер стремился к тому, чтобы распространять потоки веры еще дальше. Поэтому по совету императора он отправился морским путем к лежавшему на границе между фризами и датчанами (*in confinio Fresonum atque Danorum*) острову, который назывался по имени их ложного идола Фосете, страной Фосете.

Приблизившись на корабле к острову, Людгер с крестом в руке начал воссылать свои молитвы и хвалы Всевышнему и прочел 67-й псалом. Находившиеся на ко-

рабле люди увидели глубокий мрак, покрывавший страну, который, однако, стал рассеиваться, уступив место яркому свету. И тогда воскликнул благочестивый: муж: «Вы видите, как по милости Божией бежит враг, державший доселе сей остров во тьме». Высадившись на остров, они разрушили, все святилища, построенные там для Фосете, а на их месте воздвигли христианскую церковь. Наставив жителей страны в Христовой вере, Людгер окрестил их во имя Святой Троицы в водах изливающегося там источника, где уже раньше Святой Виллиброрд крестил трех человек. Прежде никто не осмеливался черпать воду из этого источника иначе, как в глубоком молчании. В этом источнике Людгер окрестил также сына одного из вождей, по имени Ландрих, наставил его в Священном писании и рукоположил в священники. Позднее тот в течение многих лет был епископом фризского народа.³⁾

...Сокровища, которые Людгер нашел в святилищах, он взял с собой. Император Карл приказал, чтобы сам он получил из этих сокровищ две трети, а одна треть была передана на хранение Утрехтской епархии.⁴⁾

* * *

Архиепископ [Адальберт] рукоположил в сан для фюнов одного из своих клириков — Эйльберта, наставленного на путь истинный пирата, который впервые обнаружил уединенный остров Фарию, что лежит далеко в открытом море перед устьем Эльбы против Хадельна. Длина острова составляет почти 8 миль, а ширина его равна 4 милям.⁵⁾ Чтобы развести огонь, жители пользуются соломой и обломками кораблей. Говорят, что пираты, осмелившиеся унести оттуда хотя бы самую незначительную добычу, вскоре погибают от кораблекрушения или от руки врага: никто из них безнаказанно не возвратился домой. А посему пираты обычно с большим благоговением отдают живущим там отшельникам десятую часть добычи.

Остров этот родит в изобилии хлебные злаки и является самой щедрой кормилицей для птиц и для скота. На нем возвышается один-единственный холм, деревьев совсем нет, и окружают его самые острые скалы. Нет к острову других подходов, кроме одного, возле которого есть пресная вода. Все мореплаватели, и особенно пираты, считают этот остров священным. Отсюда он и получил свое название, а именно зовется он Хейлигланд [Святая страна]. Из жития Святого Виллиброрда явствует, что этот остров назывался раньше страной Фосите и что расположен он на границе между фризами и датчанами. Напротив Фрисландии и Дании лежат еще другие острова, но ли один из них не является столь примечательным.⁶⁾

* * *

Кроме знаменитого Бонифация, миссионерской деятельностью среди фризов занимались еще св. Виллиброрд и св. Людгер. Первый из них умер еще в 739 г., за 16 лет до мученической смерти св. Бонифация, между тем как Людгер, любимый ученик Алкуина, учителя Карла Великого, родился в 744 г. и умер в 809 г. Относительно обоих проповедников сообщалось, что они ездили миссионерами в «страну Фосите». Как бог фризов Фосите, так и названная его именем страна дали повод для многочисленных догадок. Впрочем, в настоящее время на эту запутанную проблему пролит некоторый свет.

Фосите было именем древнефризского божества мужского пола, которое, по мнению Гримма, скорее всего соответствовало Форсети, фигурирующему в «Эдде»,⁷⁾ где последний называется сыном Бальдура и Нанны, верховным законодателем и судьей,⁸⁾ а также и судьей умерших.⁹⁾ Первоначально Форсети было, видимо, только прозвищем бога Тиу, который в качества верховного законодателя тинга считался и его председателем (*Forsitta*). Но Тиу был также богом войны, как это утверждал Ноккель: «Тацит, называя Циу (древнескандинавский Тир, древневерхненемецкий Тиу) также Марсом, характеризует его, таким образом, как бога войны».¹⁰⁾

Отождествление Тиу с Марсом сохранилось еще в чередовании этих имен в названиях посвященного данному божеству дня недели на разных, языках: *Dienstag* и *Tuesday, mardi* и *marzo*.

Этот бог обладал двойственной природой. Он был одновременно богом войны и правосудия, а поэтому и пользовался самым высоким почетом, особенно у фризов.

Центром культа¹¹⁾ этого бога была его собственная страна Фосите. Там находилась резиденция последнего короля фризов Радбода (ум. в 719 г.) и его замок. Облик «страны Фосите» рисуется в неясных, трудно поддающихся, идентификации чертах, и мнения относительно ее местонахождения крайне противоречивы. Ранний голландский историограф Винсеми полагал, что «страна Фосите», возможно, была тождественна с известным островом Нерфой, упоминаемым Тацитом.¹²⁾ Герман, прибегая к совершенно фантастическому толкованию, подлинной «страной Фосите» считал остров Тессел, где и возникла пресловутая хроника «Ура Линда», якобы представляющая собой древнейший свод законов.¹³⁾ Вирт был склонен отождествлять с таинственной страной даже затонувший остров Доггер, находившийся, вероятно, в дохристианские времена на месте отмели Доггер-Банка.¹⁴⁾ Швед Шверин, напротив, «страной Фосите» считал область Вурстен,¹⁵⁾ Зибс — Тессел или Кинхем,¹⁶⁾ другие авторы — Амеланд или даже Фарерские острова.¹⁷⁾ Но чаще всего, основываясь на приведенной выше цитате из Адама Бременского, «страной Фосите» вплоть до наших дней продол-

жали считать Гельголанд.¹⁸⁾ Исходя из недвусмысленного указания Адама Бременского, автор в первом издании настоящей книги тоже безоговорочно признал такое толкование вполне правильным и дал соответствующие комментарии.

Однако позднее, благодаря превосходному специальному исследованию Шпанута,¹⁹⁾ тождество «страны Фосите» с Гельголандом стало весьма сомнительным. Шпанут справедливо указывает на то, что ряд приведенных Адамом Бременским данных, позволяющих судить о местонахождении «Фосите», никогда — ни теперь, ни прежде — нельзя было относить к Гельголанду.

Гельголанд никогда не мог «родить в изобилии хлебные злаки» и быть «самой щедрой кормилицей для скота». Сообщение о том, что в «Фосите» жили только отшельники, тоже не согласуется с развитием земледелия и скотоводства, поскольку это предполагает наличие значительного крестьянского населения. Но последнее никогда не могло проживать на рыбацьем и овцеводческом Гельголанде. Так же маловероятно и существование на этом острове защищенной гавани, где св. Виллиброрд мог бы в течение многих дней укрываться от шторма. Еще гораздо менее правдоподобно, чтобы Гельголанд был когда-либо резиденцией короля фризов Радбода и тем местом, где он собрал войско, с которым в 714 г. будто бы вновь отвоевал часть подвластных ему территорий, отторгнутую франкским майордомом Пипином. Вряд ли также можно было говорить о Гельголанде как об острове, лежащем на границе между фризами и датчанами.

Похоже на то, что Адам Бременский, смещал воедино два сообщения, породил тем самым имеющую и доныне широкое хождение легенду, будто именно Гельголанд и был «страной Фосите».

Итак, Фогель²⁰⁾ и Вёбкен²¹⁾ были совершенно правы, когда они сомневались в тождестве «страны Фосите» с Гельголандом. Шпанут, пожалуй, окончательно доказал невозможность этого тождества. Еще в XVII в., живший в Голландии Винсеми, как раз в связи с миссионерским путешествием св. Людгера, подчеркивал, что граница между фризами и датчанами лежала «по ту сторону Эльбы».²²⁾ При этом речь, должно быть, шла о современной Фрисландии, о полосе гестов,²³⁾ которая, согласно данным Заха,²⁴⁾ уже около 800 г. входила, очевидно, в состав фризских владений. Но о Гельголанде никто не мог бы сказать, что он лежит «по ту сторону Эльбы». В 689 г. король фризов Радбод, после поражения при Дорестаде в битве против майордома Папина Геристальского, потери своей резиденции Медемблик и всей западной Фрисландии, обратившись в бегство, отступил в «страну Фосите». Согласно «Житию св. Виллиброрда», последняя отстояла от западной Фрисландии на расстоянии «весьма дальнего плаванья» (*propter pericula longissimi navigii*). Именно это сообщение и способствова-

ло тому, что «страну Фосите» начали отождествлять с Гельголандом. Однако под подобным определением могла подразумеваться также и Северная Фрисландия, так как связь между западной и северной Фрисландией, разумеется, старались поддерживать морским путем.

Между тем еще со времени Хеймрейха²⁵⁾ большинство исследователей, изучавших историю Фрисландии, уже указывали на то, что на месте современной церкви в Борделуме (северная Фрисландия), очевидно, некогда стоял храм Марса. Здесь и находились «страна Фосите», а также резиденция короля Радбодда, относительно которой Хеймрейх сообщает следующее: «В 690 г. резиденция Радбодда и его двор находились в Фостенланде, в построенной им крепости Ротенбурге, называвшейся иначе Фостенбургом. Тот же Радбод собрал из северных фризских войско и с ним... победил, наконец, Карла Мартелла».²⁶⁾

Что касается «храма Марса», то, разумеется, речь может идти только о фризском Марсе, то есть о Марсе Цине, или Фосите. На карте Шлезвига, составленной Данквертом в 1649 г., в Борделуме также помещен «*templum Martis*» (храм Марса). Народное предание еще и поныне хранит память о языческом храме, стоявшем на месте теперешней церкви. Поблизости от церкви тоже протекает священный источник, все еще прославляемый легендой и особо почитаемый окрестными жителями. Само название этого места — Борделум — произошло, видимо, от древнефризского слова *borle* — бить ключом.²⁷⁾ Здесь, вероятно, выходил на поверхность «*vitae fons*» (источник жизни), в котором Виллиброрд и Людгер совершали обряд крещения язычников. А на расстоянии всего лишь 1 км от источника еще сохранилась площадка, на которой вплоть до 1629 г. возвышался древний замок Борнебург, служивший, по всей вероятности, в еще более отдаленные времена резиденцией королю Радбоду.

Эти данные и многие другие доказательства побудили Шпанута выдвинуть новую, убедительно аргументированную гипотезу, которую он сформулировал следующим образом: «Страна Фосите — это Штолльбергский останец гестов, а святилище Фосите находилось на Штолльберге на том же самом месте, где теперь стоит Борделумская церковь».²⁸⁾

С подробной аргументацией этого положения можно ознакомиться в труде самого Шпанута. Как бы то ни было, автор считает доказанным, что «страна Фосите» находилась именно в Северной Фрисландии.

Указание Адама Бременского, что остров Фосите достигал 11,8 км в длину и 6 км в ширину, вызвавшее совершенно ложное представление, будто размеры Гельголанда были некогда гораздо более значительными, вполне соответствует Штолльбергскому останцу гестов.

Ко всему прочему присоединяется еще то доказательство, что часть храмовых сокровищ из древнего святилища Фосите, привезенных Людгером в западную Фрисландию и переданных Утрехтской епархии, очевидно, еще и поныне хранятся в Амстердамском государственном музее. Две бронзовые статуи, находящиеся в музее, описываются в каталоге за 1915 г., как «фигуры рыцарей из бронзы, сломанные посередине, в боевых доспехах, голова покрыта коническим шлемом с обломанным забралом. Возможно, фрагменты монументального церковного канделябра». Эти фигуры, очевидно, тождественны двум бронзовым идолам (*duo ydola erea*), которые еще в 1525 г. были внесены в список инвентаря капитула св. Марии в Утрехте. В 1592 г. Эрнст Бушель писал о них как об изваяниях «Фоста и Вода», то есть Фосите и Водана.²⁹⁾ О тех же статуях упоминает в 1587 г. Корнелий Кемпий из Доккума³⁰⁾ и, несколько фантастически толкуя их имена, добавляет, что они «почитались в фоситанской (*Fosetanea*) стране, называемой Гельголандом». Корнелий описывает их: «С панцирем на груди, надетым на голову шлемом и обнаженными руками и ногами; за спиной крылья, при помощи которых они якобы летали по воздуху. После принятия фризами крещения эти идолы в правление Карла Великого были низвергнуты, и в память на вечные времена об этом событии по сей день хранятся, как идолы фризов в Утрехте, в архиве коллегии св. Марии». Это описание полностью подходит к двум скульптурам, хранящимся в Амстердамском государственном музее, которым каталог музея дал чрезвычайно фантастическое толкование. Изображения этих изваяний приводит Шпанут³¹⁾ и с присущей ему убедительностью доказывает, что оба они изображают Фосите: одно — богом войны, другое — богом правосудия.³²⁾

Итак, надо пересмотреть еще широко распространенную и объясняющую ошибку Адама Бременского гипотезу, будто Гельголанд был древней «страной Фосите». Эта гипотеза считается теперь настолько бесспорной, что перешла даже в энциклопедические словари.³³⁾ Пересмотра, в частности, требует и толкование путешествия Виллиброрда в первом издании настоящего труда. Гельголанд не был ни Янтарным островом древности, ни «страной Фосите» раннего средневековья. Вполне прав был Фогель, когда еще в 1915 г. утверждал, что «вопреки Адаму Бременскому остров Фосите, бесспорно, нельзя отождествлять с Гельголандом».³⁴⁾

Нам следует искать «страну Фосите» в северной Фрисландии. Тем местом, где некогда стоял замок, служивший резиденцией Радбоду, где около 690 г., еще до св. Бонифация, св. Виллиброрд занимался самой ранней среди фризов миссионерской деятельностью и где спустя 70-80 лет Людгер посвятил в сан (согласно ирландско-шотландскому обычаю) первого фризского епископа, была маленькая деревушка Борделум и возвышающийся над ней холм, называемый Штолльбергом.³⁵⁾

Следует выяснить еще один пункт. Как в «Житии св. Виллиброрда», так и в «Житии св. Людгера» сообщается о плаваниях с миссионерскими целями «*ad quondam insulam*» [к некоему острову. — *Ред.*], называвшемуся Фосите. Между тем Борделум и Штолльберг отнюдь нельзя считать островами. Однако в VIII в., когда залитые водой и заболоченные территории в этой местности были значительно обширнее, чем теперь, Штолльбергский холм соединялся с материком только узкой полосой возвышенности в районе Хёгеля и, следовательно, являлся «практически островом».³⁶⁾ Через 300 лет, когда природные условия уже изменились, Адам Бременский, вероятно, был введен в заблуждение именно словом «остров» и поэтому искал «страну Фосите» на Гельголанде.

Примечания:

¹⁾ Сообщение Алкуина. См. Alcuin, Vita S. Willibrordi, cap. 10, «Bibliotheca rerum Germanicarum», ed. W. Wattenbach, E. Dümmler, Berlin, 1873, t. 6. [Алкуин — видный ученый VIII в. (735—804), друг и советник Карла Великого, один из деятелей Каролингского возрождения, автор многочисленных сочинений. О нем см. А.А. Фортунатов, Алкуин как деятель Каролингского возрождения, «Ученые записки Московского городского педагогического института», 1941, т. III, вып. 1, стр. 26-46. — *Ред.*]

²⁾ Из Беды Достопочтенного. См. Beda Venerabilis, V, 19, ed. A. Holder, Freiburg–Tübingen, 1882. [Беда Достопочтенный (672—735) — один из крупнейших ученых раннего средневековья, автор многих сочинений, и в частности «Церковной истории английского народа» («Historia ecclesiastica genlis Anglorum»), ценного источника по истории Англии до VIII в. — *Ред.*]

³⁾ Этот епископ Ландрих, согласно ирландско-шотландскому обычаю посвященный в сан без разрешения папы, именуется также Болихом, а во фризской стране он назывался *da Bol*. Именно об этом первом епископе Болихе Хеймрейх определенно сообщает, что его резиденцией была «Ворлумская» церковь, которую «во времена язычества воздвигли в честь Марса».

⁴⁾ Altfried, Vita Liudgeri, «Monumenta Germaniae historica», ss. II.

⁵⁾ Мили, которыми пользуется Адам Бременский, соответствуют римским (1 миля равна 1,378 км).

⁶⁾ Adam von Bremen, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, «Monumenta Germaniae historica», SS II. [Адам Бременский (XI в.) — каноник и схоласт. Был вызван архиепископом Адальбертом из Верхней Силезии в Бремен в 1067 г. (ум. в 1076 г.). Является автором многих сочинений, содержащих ценные сведения по истории северных и северо-восточных народов Европы, а также по географии и этнографии Скандинавских и Балтийских земель. Основной труд его — «Деяния гамбургских епископов», или «История Гамбургского архиепископства с его основания до смерти Адальберта (1072)», на который и ссылается Хенниг. — *Ред.*]

- ⁷⁾ J. Grimm, *Deutsche Mythologie*, Göttingen, B. I, S. 191. («Эдда» — выдающийся памятник древнескандинавской эпической литературы, содержащий мифологические и героические песни IX—XII вв., записанные в Исландии в середине XIII в. См. «История зарубежной литературы (Раннее средневековье и Возрождение)», М., 1959, стр. 24-27; А.Д. Люблинская, *Источниковедение истории средних веков*, ЛГУ, 1955, стр. 301. — *Ред.*]
- ⁸⁾ «Gylfaginning», 32. См. «Thule», B. 20, S. 76. Вплоть до последнего времени неоднократно высказывалось мнение (А. Герман), что Фосите было, вероятно, божеством женского пола. Это предположение, бесспорно, ошибочно, так как Фосите называется сыном Вальдура не только в «Эдде». Древнейшие тексты («Житие св. Виллиброрда» и «Житие св. Людгера»). упоминая о нем, говорят о *quodam deo suo* (некоем своем боге), о *fana dei* (святынищах бога), а не о *deae* (богине). Используемая Германом хроника «Ура Линда» уже тем самым выдает свое подложное современное происхождение, что она также принимает Фосите за женское божество.
- ⁹⁾ R. Much, *Baidur*, «Zeitschrift für deutsches Altertum», 1924, S. 100.
- ¹⁰⁾ G. Neckel, *Germanische Ur- und Vorgeschichtswissenschaft*, Berlin, 1934, S. 180 (и след.).
- ¹¹⁾ Статья Могка. См. «Hoop's Reallexikon des germanischen Alterumskunde», Strassburg, 1913—1915, B. II, S. 80.
- ¹²⁾ Pirius Winsemius, *Chronique ofte historische geschiedenis van Vrieslant*, Franeker, 1622.
- ¹³⁾ A. Herrmann, *Unsere Ahnen und Atlantis*, Berlin, 1934, S. 65.
- ¹⁴⁾ H. Wirth, *Der Aufgang der Menschheit*, Jena, 1934, S. 124.
- ¹⁵⁾ H.K. Schwerin, *Helgoland, historisk-geografisk undersökning*, Lund, 1896. [Вурстен расположен на побережье Гельголандской бухты, между Куксхафеном и Бремерхафеном. — *Ред.*]
- ¹⁶⁾ T. Siebs, *Der Gott Forsete und sein Land*, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 1909, B. 35, S. 545.
- ¹⁷⁾ A. Sach, *Das Herzogtum Schleswig*, Halle, 1907, B. II, S. 238.
- ¹⁸⁾ Adam von Bremen, *Gesta Hammaburgensis ecclesiac pontificum*, II, p. 5.
- ¹⁹⁾ J. Spanuth, *Stollberg — ein altes friesisches Zentralheiligtum*. «Jahrbuch des Heimatbundes Nordfriesland», 1938, S. 94 (и след.).
- ²⁰⁾ W. Vogel, *Geschichte der deutschen Seeschiffahrt*, Berlin, 1914, S. 82 (примечание 4).
- ²¹⁾ C. Woebcken, *Das Land der Friesen und seine Geschichte*, Wilhelmshaven.
- ²²⁾ P. Winscmius, *op. cit.*, S. 56.
- ²³⁾ Гесты, или геесты, — возвышенная полоса, сложенная древними отложениями ледникового происхождения, которая тянется вдоль низкого, так называемого «маршевого» побережья Северного моря. См. А. Геттпор. *Страноведение Европы*, М.–Л., 1926, стр. 180-181; Б.Ф. Добрынин. *Физическая география Западной Европы*, М., 1948, стр. 330. — *Прим. ред.*

- 24) A. Sach, op. cit., Kap. 8.
- 25) W.A. Heimreich, Erneurete Nordfresische Chronik, Francker, 1668.
- 26) W.A. Heimreich, op. cit., S. 72.
- 27) J. Schmidt-Petersen, Orts- und Flurnamen Nordfrieslands, Husum, 1925, S. 160.
- 28) J. Spanuth, op. cit., S. 139.
- 29) A. Buchel, Trajecti Batavorum descriptio, Utrecht, 1629.
- 30) C. Kempius, De origine, situ, qualitate et quantitate Frisiae, Köln. 1587, p. 314.
- 31) J. Spanuth, op. cit., S. 144.
- 32) Ibidem, S. 148.
- 33) «Brockhaus' Konversationslexikon», Leipzig, 1933, 15. Aufl., B. 16, S. 393, 414.
- 34) W. Vogel, op. cit.
- 35) Современное название Штолльберг (Stollberg) никакого отношения к «штольням» не имеет. Холм, вероятно, следовало бы называть Штолльбергом (Stolberg) от слова *stol* (судейское кресло).
- 36) J. Spanuth, op. cit., S. 136.
-

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).